

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

Егоров Сергей Николаевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ОТРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Специальность 12.00.09. – уголовный процесс; криминалистика
и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность

диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель

Заслуженный деятель науки УР,
доктор медицинских наук, профессор

В.Ю. Толстолицкий.

Ижевск – 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЕЕ УСТАНОВЛЕНИЯ.	
1.1. Содержание уголовно-правового понятия «субъективная сторона преступления» и его проявление в криминалистической характеристике преступлений.....	16
1.2. Криминалистические задачи по обеспечению установления субъективной стороны преступления	27
1.3. Криминалистическая модель преступной деятельности как средство решения криминалистических задач, обусловленных необходимостью установления субъективной стороны преступления	52
ГЛАВА 2. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
2.1. Закономерности отражения преступления в психике субъекта преступной деятельности.....	61
2.2. Место элементов субъективной стороны преступления в криминалистической модели преступной деятельности.....	77
2.3. Действие – как внешнее проявление элементов субъективной стороны преступления.....	89
2.4. Модель интеллектуального и волевого элементов вины.....	139
ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ОТРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РАССЛЕДОВАНИЯ.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	209
ЛИТЕРАТУРА.....	219
ПРИЛОЖЕНИЕ	238

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена проводимой в Российской Федерации судебной реформой. Согласно статье 49 Конституции РФ, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Положения Конституции, а также содержание ряда статей, прежде всего статьи 5 УК РФ, обязывают криминалистику обратить самое серьезное внимание на субъективную сторону преступления и разработать средства, позволяющие собирать и фиксировать факты, которые достоверно, а не предположительно, устанавливают виновность или невиновность подозреваемого или обвиняемого, а также форму вины.

На фоне ускорения темпов развития криминалистики в целом и появления новых частных криминалистических учений, практически отсутствуют публикации, посвященные разработке проблемы обнаружения и фиксации фактов, позволяющих устанавливать обстоятельства, характеризующие субъективную сторону преступления. Такое положение дел не согласуется с произошедшими изменениями законодательства и прежде всего с тем, что впервые в действующем Уголовном кодексе РФ законодательно сформулированы принципы уголовного права, в число которых входит принцип вины (ст. 5 УК РФ). В целом, УК РФ 1996 г. в своей Общей части около 50 раз прямо обращается к терминам вины (умысла и неосторожности), мотива и цели преступления. Отмеченный пробел в криминалистических исследованиях по нашему мнению является одним из факторов, приводящих к тому, что как единодушно отмечают многие авторы (В.С. Бурданова, В.В. Лунев, В.Н. Кудрявцев, А.И. Рарог, А.П. Гуськова и другие), чаще всего остаются недоказанными такие элементы предмета доказывания, которые относятся к субъективной стороне преступления.

В.В. Лунеев прямо указывает, что субъективная сторона занимает основную долю доказательственной деятельности на предварительном следствии и в суде, и вызывает основные споры государственного обвинения и защиты, при этом более половины следственных и судебных ошибок приходится на субъективную сторону преступления.

Проблемам общей теории криминалистики посвящены работы Т.В. Аверьяновой, В.П. Бахина, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, А.А. Белякова, А.И. Возгина, Т.С. Волчецкой, Л.Я. Драпкина, В.А. Жбанкова, Е.П. Ищенко, М.К. Каминского, В.Я. Колдина, Н.А. Корниенко, В.Е. Корноухова, Ю.Г. Корухова, Н.П. Майлис, В.М. Мешкова, В.А. Михайлова, А.Ф. Лубина, И.М. Лузгина, В.А. Образцова, Ю.К. Орлова, Н.С. Полевого, А.С. Подшибякина, Е. Р. Россинской, Л.Д. Самыгина, Т.А. Седовой, Н.А. Селиванова, О.В. Чельшевой, С.А. Шейфера, Н.Г. Шурухнова, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблокова других.

Вместе с тем, в работах указанных авторов не получили целенаправленного исследования теоретические вопросы криминалистики, связанные с установлением субъективной стороны преступления.

Недостаточно исследована эта проблема и с точки зрения криминалистической теории отражения, не изучен механизм отображения субъективной стороны преступления в следах. В связи с чем, положения теории криминалистики в этой части повторяют представления науки уголовного права и сводятся к тому, что субъективная сторона преступления считается психической деятельностью, которая непосредственно не отображается и не может напрямую отображаться в следах преступления.

Деятельностный подход в криминалистике, как показали работы Р.С. Белкина, Г.А. Густова, М.К. Каминского, В.Я. Колдина, А.Ф. Лубина, В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и других авторов, представляет собой общенаучный гносеологический инструментарий, является наиболее эффективным методологическим средством решения актуальных теоретических проблем и позволяет моделировать преступную деятельность. Однако, следует отме-

титель, что как сам подход, так и разработанные в его рамках методы моделирования (Н.В. Матушкина, А.М. Каминский, Н.И. Вытовтова и другие) в настоящее время еще не используются с целью установления субъективной стороны преступления, отсутствует и теоретическое обоснование возможности решения указанной проблемы с помощью системно-деятельностного подхода.

Поиск в криминалистике путей решения указанной проблемы требует включения остающихся еще неостребованными в криминалистической теории деятельностного подхода положений, которые сформулированы отечественными криминалистами, например, В.А. Образцовым и С.Н. Богомоловой¹ и психологами, стоящими на позициях деятельностного подхода - Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным, В.П. Зинченко, а также зарубежных ученых, таких как Дж. Келли, Ф. Франселла, Д. Баннистер. В число основных идей указанных авторов входит представление о центральной роли действия в деятельности субъекта, в связи с чем вводится такое понятие как «форма действия». Выделение форм действия (например, работы П.Я. Гальперина, Н.Г. Салминой и других) в деятельностном подходе позволило устранить терминологическое противопоставление внешней и внутренней сторон деятельности и указать теоретическую основу системного объединения в единой деятельности двух ее сторон: психических процессов и предметной деятельности субъекта. Формы действия позволяют раскрыть механизм восприятия субъектом своих действий, а тем самым - механизм осознания и предвидения. Изложенное позволяет сформулировать объект и предмет исследования, а также цель и задачи.

Объектом исследования явилась преступная деятельность, как отражающееся в следах явление объективной действительности, ее структура и те отношения между структурными элементами, проявление которых составляет субъективную сторону преступления, возникновение информации о струк-

---

¹ Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. ЮНИТИ-ДАНАЮ Закон и право, 2002. С. 447.

турных элементах преступной деятельности и их отношениях, а также средства и методы криминалистического исследования, используемые в собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств.

Предметом исследования стали те закономерности способа совершения преступления, которые в ходе совершения преступления обеспечивают отражение преступных действий, а через них и субъективной стороны преступления, в следах, а также закономерности применения криминалистических методов, позволяющих выявить и закрепить в виде мысленной модели обстоятельства, подлежащие доказыванию при процессуальном познании субъективной стороны преступления.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в установлении ряда объективных закономерностей преступной деятельности, представляющих собой субъективную сторону преступления, и анализ возможностей использования их в деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

Задачи:

1. Исследовать с криминалистических позиций содержание понятия «субъективная сторона преступления» и сформулировать обусловленные этим понятием закономерности объективной действительности, подлежащие криминалистическому изучению.

2. Определить и сформулировать конкретную задачу криминалистики, обусловленную необходимостью устанавливать субъективную сторону преступления субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

3. Исследовать в рамках криминалистической теории отражения механизмы психической регуляции преступной деятельности, предложить их криминалистическую модель и обосновать эти предложения теоретическими

положениями, относительно особенностей отражательных закономерностей, в том числе закономерностями отражения субъективной стороны преступления вовне.

4. Рассмотреть предлагаемые в литературе модели преступной деятельности, выбрать среди них наиболее пригодную для достижения поставленной цели и внести в модель необходимые дополнения, позволяющие конкретизировать закономерности психической регуляции преступной деятельности.

5. Осуществить криминалистический анализ преступного действия на основе понятия «форма действия», раскрыть особенности каждой формы посредством указания на специфику операций и средств действия, показать значение форм действия для создания криминалистической модели, учитывающей субъективную сторону преступления.

6. На основе результатов исследования перцептивной формы действия, особенностей ее операционального состава и специфических средств, сформировать модель интеллектуального и волевого элементов вины.

7. Рассмотреть возможности использования предложенной модели и установленных теоретических закономерностей в криминалистической методике при выдвижении версий по субъективной стороне преступления и применения метода моделирования.

8. Провести теоретический анализ механизма использования метода ситуационного моделирования и средств выдвижения версий с точки зрения особенностей формирования средств действия субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

Нормативную базу диссертационного исследования составили международно-правовые акты, Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, федерально-конституционное и федеральное законодательство, ведомственные нормативно-правовые акты, постановления Пленума и Верховного Суда РФ.

Методологическая и методическая основа исследования.

Методологической основой исследования был избран диалектический материализм, применен метод восхождения от абстрактного к конкретному. Используются системный и деятельностный подходы, а также общенаучные методы: наблюдения, описания, измерения, моделирования, анкетирования и интервьюирования, статистические методы обработки эмпирического материала.

Теоретическую основу исследования составили публикации Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, Б.С. Волкова, Е.В. Ворошилина, М.С. Гринберга, А.П. Гуськовой, П.С. Дагеля, Ю.А. Демидова, З.З. Зинатуллина, Г.А. Злобина, М.К. Каминского, В.Е. Квашиста, Г.А. Кригера, В.Я. Колдина, Ю.Г. Корухова, З.И. Кирсанова, В.Е. Корноухова, В.П. Кудрявцева, А.Ф. Лубина, В.В. Лунеева, В.Г. Макашвили, Р.И. Михеева, В.А. Нерсесяна, Б.С. Никифорова, В.А. Образцова, Б.Я. Петлина, Ш.С. Рашковской, Е.Р. Россинской, К.Ф. Тихонова, В.Ю. Толстолицкого, М.Г. Угрехелидзе, Б.В. Харацишвили, С.А. Шейфера, А.А. Эйсмана, Н.П. Яблокова и других, а также отечественных и зарубежных ученых психологов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Л. Б. Ительсона, Дж Келли, Ф. Франселла, Д. Баннистера.

Эмпирическую основу диссертации составили опубликованные решения Конституционного Суда РФ, практика Верховных судов СССР, РСФСР и РФ по вопросам, связанным с особенностями установления субъективной стороны преступлений различной категории. Результаты изучения 80 уголовных дел, результаты опроса и анкетирования 50 дознавателей и следователей, а также 50 судей. Обработка эмпирического материала статистическими методами показала достаточность исследованного материала для получения статистически достоверных выводов.

Научная новизна.

Исследовано уголовно-правое понятие «субъективная сторона преступления» и выделены обозначаемые им закономерности объективной действительности, отображение которых в следах преступления подлежит кримина-

листическому исследованию и является основой для доказывания этого элемента состава преступления. Впервые в криминалистике предлагается моделировать с помощью механизма с обратной связью такие закономерности психического отражения субъекта преступления, которые в ходе совершения деяния представляет собой объективно существующий процесс саморегуляции преступной деятельности.

Применен метод кибернетического моделирования предмета исследования, что позволило создать модель психического отражения в виде контура с обратной связью, и показать, что суть его заключается в наличии процессов отражения вовнутрь, тогда как криминалистика до сих пор рассматривала отражение преступной деятельности только вовне – в следах преступления. Тем самым в работе дополнена новыми закономерностями криминалистическая теория отражения.

Для создания криминалистической модели преступной деятельности раскрыто криминалистическое значение уровня действия. Приведена классификация форм действия, включающая пять типов форм преступного действия. Более детально исследованы две формы: перцептивная (психическое восприятие) и речевая. Показано, что в субъективной стороне преступления ведущую роль играют процессы восприятия. Проведен анализ операционального состава и «инструментальных» средств - личностных конструктов - перцептивного действия. Полученные данные позволили сформировать криминалистическую структурную модель перцептивного действия, с помощью которой раскрыты объективные закономерности, стоящие за уголовно - правовыми понятиями интеллектуального и волевого элементов вины.

Показано, что речевая форма действия в преступной деятельности является одним из непосредственных «каналов» отражения субъективной стороны преступления в идеальных следах преступления. Тем самым, конкретизируются положения криминалистической теории отражения, касающиеся механизмов отражения субъективной стороны вовне.

Положения выносимые на защиту:

1. Субъективная сторона преступления, являясь обязательным элементом предмета доказывания, требует научной разработки и использования специальных криминалистических рекомендаций для своего установления. Эта задача представляет собой конкретную задачу криминалистической науки, требует своего решения, а ее актуальность обусловлена произошедшим изменением российского законодательства и опытом его применения.

2. Состав преступления и его элемент - субъективная сторона, есть понятия, образованные методом идеализации, то есть путем мысленного конструирования понятий об объектах, не существующих в действительности, хотя и имеющих прообразы в реальном мире. Ни человеческого сознания (или психики субъекта), ни субъективной стороны преступления без преступной деятельности и осуществляющего ее субъекта не существует. В связи с чем, можно утверждать, что перечисленные системы понятий получены путем абстрагирования от иных сторон преступной деятельности и представляют собой идеализированный объект, применяемый в качестве средства познания.

Поэтому в ходе практической деятельности субъекта, осуществляющего выявление и расследование преступлений, возникает задача интерпретации структурных элементов состава преступления и субъективной стороны в терминах реального объекта – преступной деятельности. Такой возврат к объективной реальности от уголовно-правовой модели преступления и предмета доказывания представляет собой задачу науки криминалистики, относящуюся по степени общности к числу конкретных научных задач.

3. Криминалистическая модель преступной деятельности, при использовании ее с целью установления субъективной стороны преступления, должна быть дополнена закономерностями отражения вовнутрь, в результате которых возникает психическое отражение. Рассматриваемые в рамках модели преступной деятельности психические процессы представляют собой систему ее саморегуляции, составляют основу действия, как самостоятельного уровня, в системе преступной деятельности, и моделируются контуром с об-

ратной связью. Поэтому решение конкретной задачи криминалистики требует развития теории кибернетического моделирования, использования этого метода при моделировании преступной деятельности и существенно более глубокого исследования действия, как самостоятельной структурной единицы - преступной деятельности.

4. Предлагается модель преступного действия, в которой в контуре с обратной связью, объединены следующие структурные элементы: 1) Материальный объект действия - часть реальности в виде материальных объектов и объективных условий, в которых выполняется действие; 2) Предмет действия – одна из сторон объекта, его свойство, которое изменяется субъектом действия; 3) Цель – сознательно предполагаемое (и желаемое) конечное состояние предмета действия; 4) Сознательные операции - этапы выполнения действия, необходимые для достижения цели действия; 5) Средства действия – материальные или идеальные (зависит от рассматриваемой формы действия) объекты, позволяющие осуществить преобразование предмета действия; 6) Результат действия - ожидаемое или фактическое состояние объекта и предмета действия.

В минимальном объеме модель должна включать следующие элементы: а) объект действия, подлежащий изменению; б) свойства объекта, которые изменяются (предмет); в) операции, которыми изменяется объект; г) средства действия, которые позволяют воздействовать на объект и изменить его.

5. Форма действия является важнейшим общенаучным понятием, указывающим генетическую связь внешней (предметной) и внутренней (психической) деятельности субъекта. Рассматривается классификация форм действия, включающая следующие пять форм: **материальная форма** – реальное преобразование материального объекта; **материализованная форма** – действие производится со знаком; **перцептивная форма** – восприятие на психическом уровне (но не на уровне физиологической работы органов чувств); **речевая форма** – действие может осуществляться в форме внешнего проговаривания или речи про себя; **умственная форма** – преобразование идеаль-

ных образов (образное мышление) и построение мысленных моделей.

б. Перцептивная форма действия имеет наибольшее значение для объяснения закономерностей, обозначенных идеализированным объектом «субъективная сторона преступления». Перцептивное действие как раз и есть не что иное, как механизм формирования содержания сознания субъекта преступной деятельности. Средства перцептивного действия отличаются от иных средств деятельности и называются личностными конструктами. Конструкты, как и средства материальной формы действия, выбираются произвольно субъектом в зависимости от цели и задач действия. Перцептивная форма действия осуществляется одновременно с материальной формой действия и является той реальной основой, которая позволяет осознавать и предвидеть результат выполняемого действия.

Исходя из структуры перцептивного действия, предлагается понимать под интеллектуальным компонентом вины перечень необходимых конструктов (то есть, имеющихся у субъекта средств перцептивного действия), которые обеспечивают субъекту психическое восприятие, а тем самым и осознание, собственных действий и существенных признаков ситуации, выступающих в качестве конкретных объективных условий совершения действия. Под волевым компонентом вины понимаются иерархические связи между конструктами, а также связи перцептивной формы действия с другими формами действия. Посредством последних результат перцептивного действия отображается вовне в материальных и идеальных следах преступления.

Поскольку только наличие конкретного личностного конструкта позволяет воспринимать объективную сторону преступления и осознавать ее, следует указать, что, во-первых, конструкты у преступника требуется устанавливать соответствующими криминалистическими методами, а не априорно предполагать, что они якобы существуют; а во-вторых, поскольку конструкт это средство, то следует устанавливать и операцию, которая выполняется при использовании конструкта (то есть осуществлять реконструкцию операционального состава перцептивного действия).

7. Отображение вовне в следах преступления содержания сознания субъекта преступной деятельности происходит за счет связи перцептивной формы действия с иными и прежде всего с: а) материальной, б) материализованной, в) речевой. В криминалистической теории отражения детально изучен акт отражения в материальных следах преступления, представляющий из всей преступной деятельности только материальную форму действия.

В материализованной и речевой формах действия содержание сознания субъекта преступной деятельности непосредственно отображается вовне и представляет собой механизм следообразования. Речевая форма действия представляет собой акт прямого отражения содержания сознания субъекта преступной деятельности посредством языка.

8. Идеализированные объекты, которыми являются состав преступления и обстоятельства, подлежащие доказыванию, делают необходимым положить в основу криминалистической методики метод восхождения от абстрактного к конкретному. Этот метод реализуется посредством выдвижения и проверки версий. Предлагается использовать формы действия в качестве основы для выдвижения типовых и конкретных версий по субъективной стороне преступления.

Поскольку механизм осознания и предвидения в ходе реализации преступной деятельности осуществляется посредством перцептивного действия, а, в свою очередь, в качестве средства этого действия преступником используются личностные конструкты, то предлагается включить в криминалистическую характеристику перечень типовых конструктов. Личностный конструкт всегда индивидуален, поэтому до расследования можно только указать в криминалистической характеристике определенный класс конструктов, обеспечивающих осознание субъектом преступной деятельности своих действий.

9. Личностные конструкты субъекта преступной деятельности не совпадают с системой личностных конструктов субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Поэтому предложенный в литературе метод целевой имитации – «вхождение в образ другого человека» и заклю-

чающийся в том, чтобы поставить себя на место другого человека и попытаться посмотреть ситуацию его глазами, в своей основе есть попытка осуществить реконструкцию перцептивного действия субъекта преступной деятельности. Соответственно этот метод предполагает знание личностных конструктов преступника, но не конструктов лица, осуществляющих моделирование.

Рассматриваемый подход открыл и успешно использовал Э. Видок, который мысленно моделировал преступную деятельность преимущественно за счет известных ему из собственного преступного опыта личностных конструктов. В настоящее время реконструкция механизма преступления и, в частности, установление содержания сознания субъекта преступной деятельности, требует от субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений понимания того, что собственное сознание и собственная система личностных конструктов следователя, прокурора, судьи не может быть моделью, на основе которой формируется представление о сознании, его структуре и системе личностных конструктов субъекта преступной деятельности. В связи с чем, одна из задач криминалистики заключается в разработке средств и методов исследования системы личностных конструктов субъекта преступной деятельности и создания типовых моделей этих систем для каждого из видов преступлений.

Для эффективного использования метода личностных конструктов субъекту деятельности по выявлению и расследованию преступлений следует исключить ситуации, в которых собственное сознание служит ему моделью психики субъекта преступной деятельности.

10. Введение в криминалистику форм действия и детальный анализ перцептивной формы действия позволяет указать причины полярных оценок работ Л.Г. Видонова. Нами предлагается выделить в работах Л.Г. Видонова ранее не рассмотренное в литературе содержание: разработанные автором таблицы задают общие контуры иерархической системы личностных конструктов следователя, что обеспечивает последнему формулировку следствен-

ных версий. В последующем эта система личностных конструктов пересматривается и совершенствуется на основе личного субъективного опыта субъекта расследования.

Практическая значимость.

Результаты исследования вносят определенный вклад в криминалистическую теорию отражения, расширяют существующие представления о механизмах следообразования. Прикладное значение имеет предложенный нами анализ преступного действия с точки зрения его форм и операционального состава. Перцептивная форма действия обеспечивает отражение вовнутрь, за счет которого формируется содержание сознания, что и представляет собой психическое отношение субъекта преступной деятельности к своим действиям и обстоятельствам совершения преступления, тогда как речевая форма действия представляет собой средство отражения содержания сознания вовне, в идеальных следах преступления. Указанные механизмы могут стать базой для разработки криминалистических рекомендаций, нацеленных на установление и доказывание обстоятельств, характеризующих субъективную сторону преступления.

Сформулированные теоретические положения могут использоваться в преподавании курса криминалистики, а также в научно-исследовательской и учебно-методической работе.

Апробация результатов работы. Результаты исследования опубликованы и обсуждались на научных конференциях аспирантов, соискателей и профессорско-преподавательского состава, внедрены в учебный процесс преподавания криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии в Удмуртском государственном университете, Ижевском Юридическом институте Российской правовой академии, Ижевском филиале Нижегородской академии МВД России.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЕЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

1.1. Содержание уголовно-правового понятия «субъективная сторона преступления» и его проявление в криминалистической характеристике преступлений

В уголовном праве субъективная сторона преступления представляет собой одну из четырех групп признаков (объект, субъект, объективная и субъективная стороны преступления), образующих состав преступления². Совершенствование отечественного уголовного законодательства определено рядом международных правовых актов³ и одним из приоритетных направлений развития законодательства является больший учет субъективных фактов.

В целом, УК РФ 1996 г. в своей Общей части около 50 раз прямо обращается к терминам вины (умысла и неосторожности), мотива и цели преступления. На субъективную сторону прямо и косвенно указывается в каждом составе преступления Особенной части УК: прямо – во всех случаях описания преступлений, совершаемых только по неосторожности (их около 50), и некоторого числа деяний, совершаемых умышленно (около 10); косвенно – при описании остальных умышленных деяний (более 200), поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК, в тех диспозициях статей Особенной части, в кото-

---

² Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. Юристъ. 2001. С. 59.

³ Всеобщая декларация прав человека. Принята 10.12.1948 //Международное гуманитарное право в документах. М., 1996. Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989. Сборник важнейших документов по международному праву. Часть 1. Общая. М. 1996. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 //Российская газета от 05.04.1995.

рых нет указания на неосторожную вину, ответственность возможна лишь при умышленном совершении преступления⁴.

Вина является необходимым условием юридической ответственности, в связи с чем, субъективная сторона правонарушения составляет обязательный элемент состава правонарушения, который указывает психическое отношение лица к совершенному деянию⁵. Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров в качестве синонима субъективной стороны правонарушения используют термин «вина» и определяют вину, как психическое отношение лица к своему противоправному поведению (действию или бездействию) и его последствиям. Согласно указанным авторам, вина означает «осознание (понимание) лицом недопустимости своего поведения и связанных с ним результатов»⁶. Субъективная сторона преступления, включающая в себя вину, мотив, цель преступления и психическое состояние преступника во время совершения преступления, является неотъемлемой частью любого состава преступления⁷.

Законодатель определил, что формами вины выступают умысел (прямой и косвенный) и неосторожность (легкомыслие и небрежность). При этом, УК РФ предусматривает ответственность за преступления, из которых 81,6% являются умышленными, 8,6% характеризуются альтернативной формой вины и 10,8% являются неосторожными⁸.

В соответствии с ч. 1 ст. 25 УК РФ: «преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом». При *прямом умысле* лицо *осознает* общественную опасность своего деяния, *предвидит возможность или неизбежность* наступления опасных последствий (интеллектуальный элемент) и *желает* их наступления (волевой элемент). В преступлениях с формальным составом имеет место осознание и желание выполнить общественно опасное деяние.

---

⁴ Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. Спарк. 2000. С. 8-9.

⁵ Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М. 1998, С. 430.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. Спарк. 2000. С. 9.

⁸ Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений М. 2001. С. 26.

При косвенном умысле лицо осознает общественную опасность своего деяния, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий (интеллектуальный элемент) и *не желает* этих последствий, но *сознательно допускает* их, либо *относится к ним безразлично* (волевой элемент).

Косвенным умысел возможен только в преступлениях с материальным составом⁹. «Осознание общественной опасности деяния означает понимание его сути, что именно лицо совершает, какой и кому вред будет причинен и т.п. *Предвидение* – это отражение в сознании событий, которые произойдут в результате совершенного деяния»¹⁰.

Основное различие между прямым и косвенным умыслом, как отмечает В.А. Никонов, производится по волевому элементу. «*Желание* при прямом умысле предполагает постановку цели и стремление ее достигнуть. *Сознательное допущение* или *безразличное отношение* к последствиям при косвенном умысле возможно, когда они являются побочными, и лицо не предпринимает активных действий для их предотвращения, либо надеется на «авось»¹¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 26 УК РФ: «преступлением, совершаемым по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности».

При преступной небрежности лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния (интеллектуальный элемент), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (волевой элемент). Дополнительно следует отметить, что лицо не осознает общественной опасности совершаемого им деяния. Выделяют объективный и субъективный критерии преступной небрежности. В случаях, когда отсутствует объективный или субъективный элемен-

---

⁹ Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) 2001. Тюмень. С. 123-124.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ Там же.

ты преступной небрежности, либо оба элемента одновременно, то речь идет о невиновном причинении вреда, именуемом случаем или казусом (ч. 1 ст. 28 УК РФ)¹².

В юридической литературе много внимания уделяется проблеме содержания уголовно-правового понятия мотива и цели преступления, а также их связи с виной и ее отдельными формами.

Мотив и цель являются признаками субъективной стороны преступления, но в отличие от вины, имеют факультативное значение. А.И. Рарог следующим образом определяет мотив и цель преступления: «мотив преступления – это обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем»¹³; «цель преступления – это идеальная (мысленная) модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления»¹⁴. При этом автор полагает, что мотивы и цели, не входя в содержание вины, составляют психологическую основу, на которой рождается вина. Через мотивы и цели, согласно автору, проявляется сущность вины. Он указывает: «Как компоненты психической деятельности лица в связи с совершением преступления, т.е. как мотивы и цели преступления, они трансформируются из непреступных мотивов и целей поведения, безразличного для уголовного права, и в этом смысле имеют допреступное происхождение. Этого нельзя сказать о вине, которая не существует до и вне преступления. Как уголовно-правовое явление (как психическое отношение к совершенному общественно опасному деянию) вина возникает и проявляется лишь в момент совершения преступления. Рождаясь на основе уже существующих мотивов и целей, она не включает их в себя в качестве составных элементов»¹⁵.

---

¹² Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) 2001. С. 125.

¹³ Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М. 2001. С. 64.

¹⁴ Там же. С. 70.

¹⁵ Там же. С. 10-11.

Указанный автор справедливо считает мотивы и цели компонентами любой психической деятельности. Одновременно он выделяет мотив преступления и цель преступления, рождающихся вместе с возникновением вины из доприступных мотивов и целей.

Приведенные выше положения, посредством которых нами было изложено содержание уголовно-правового понятия «субъективная сторона преступления», могут быть еще более детализованы. Кроме того, мы не коснулись ряда дискуссионных вопросов, обсуждаемых в науке уголовного права. Однако, с нашей точки зрения изложенного достаточно для того, чтобы перейти к криминалистическому анализу указанных понятий.

В основе криминалистического анализа того или иного научного вопроса лежат определенные исходные положения. В зависимости от избранных тем или иным автором исходных научных положений он формулирует собственное мнение. Криминалистическая характеристика, как самостоятельное понятие нашей науки, в последние 10 лет является одним из наиболее дискуссионных вопросов

Полагаем, что различие взглядов на нее во многом обусловлено различием в исходных положениях, которые используются авторами для рассмотрения ее сущности.

Наиболее традиционную точку зрения на криминалистическую характеристику сформулировал С.А. Назаров, указав, что криминалистическая характеристика есть прежде всего собственно характеристика чего-то, то есть описание, анализ, оценка определенного объекта, с помощью которых выявляются особенности исследуемого объекта. Исходя из того, что «преступление в криминалистике представлено такой категорией «механизм преступления», автор приходит к выводу: Каждый типичный механизм преступления должен иметь свою характеристику»¹⁶.

---

¹⁶ Назаров С.А. О соотношении криминалистической характеристики и механизма преступления // Вестник криминалистики. Вып. 2 (10). 2004. С. 18.

При внешней непохожести, тем не менее близкой к приведенной выше позиции можно отнести такое положение, которое В.Е. Корноухов формулирует следующим образом: «в настоящее время большинство криминалистов обоснованно рассматривают в качестве родового объекта ряда юридических наук (уголовного процесса, судебной психологии, криминалистики и т.д.) следственную деятельность, в которой криминалистика изучает свою группу свойств – поисково-познавательную деятельность»¹⁷. Поскольку автор не включает в объект криминалистики преступную деятельность, то у него не возникает необходимости характеризовать последнюю. Тем самым криминалистическая характеристика оказывается излишней, с чем мы не можем согласиться.

Далее автор справедливо указывает, что специфика поисковой стороны этой деятельности в основном связана с поиском, обнаружением источников доказательств (носителей информации о происшедшем событии), а закономерности познавательных процессов раскрываются через связку с предметом доказывания. Автор полагает, что «в ст. 73 УПК РФ перечислены элементы обстоятельств, подлежащих доказыванию, которые при расследовании конкретного преступления наполняются содержанием диспозиции статьи Уголовного кодекса, которая отдельные элементы преобразует в структуры, представляющие уже предметы доказывания, что задает поисковому и познавательному аспектам процесса целеустремленность и избирательность при поиске и исследовании следов преступления, определяя относимость доказательств»¹⁸. Однако и в этом случае, в логике авторского изложения, потребности в криминалистической характеристике не возникает. Криминалистическая характеристика не становится выражением уголовно-правовой модели преступления. Тем самым в воззрениях автора обнаруживаются традиционные представления на криминалистическую характеристику.

---

¹⁷ Корноухов В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 2 (10). 2004. С. 22.

¹⁸ Там же. С. 22.

Однако существует и иная точка зрения на сущность криминалистической характеристики. Она заключается в том, что криминалистическая характеристика выражает прежде всего уголовно-правовые признаки преступления¹⁹. Не углубляясь в анализ существующих точек зрения, рассмотрим проблему в иной плоскости.

Рассмотренные выше уголовно-правовые понятия, раскрывающие субъективную сторону преступления, представляют собой абстракции науки уголовного права. Конструирование идеальных объектов, то есть использование метода научной идеализации, наблюдается не только в уголовном праве, но и в криминалистике. Таким идеализированным объектом, с нашей точки зрения, стала криминалистическая характеристика преступлений. Тот факт, что состав преступления и криминалистическая характеристика получены путем идеализации, приводит к совпадению у них многих сторон.

В свое время Р.С. Белкин весьма точно показал тот путь, которым криминалистика приходит к абстракции, называемой «криминалистическая характеристика». Он писал: «В уголовно-процессуальном законе содержится общая формула предмета доказывания, на базе которой криминалистическая методика разрабатывает круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждой категории уголовных дел, являющейся элементом криминалистической характеристики преступлений»²⁰. Далее автор показал, что формирование криминалистической характеристики преступлений происходит следующим путем: «отправляясь от общей характеристики предмета доказывания, даваемой уголовно-процессуальным законом, авторы разработок по конкретным частным методикам видят свою задачу в том, чтобы максимально детализировать предмет доказывания по конкретной категории дел преступлений, на-

---

¹⁹ Обе точки зрения детально проанализированы в статье Чельшевой О.В. Механизм преступления и криминалистическая характеристика // Вестник криминалистики. Вып. 2 (10). 2004. С. 11- 17.

²⁰ Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. Т. 3. М. Юристъ. 1997. С. 348.

полнить абстрактную обобщенную уголовно-процессуальную форму конкретным типичным для данных дел содержанием»²¹.

Возникновение криминалистической абстракции, каковой является «криминалистическая характеристика преступления», дало основание Р.С. Белкину заявить, что криминалистическая характеристика, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя²². Отметим определенную правоту Р.С. Белкина. Так, например, криминалистическая характеристика почти не внесла ничего нового для установления субъективной стороны преступления и, в этом отношении, она также не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

По-видимому, причиной определенной неэффективности использования криминалистической характеристики, в целях познания субъективной стороны преступления, является то, что она является идеализированным объектом и поэтому закономерно, что она почти полностью совпадает в этой части с составом преступления и предметом доказывания.

Проведенное нами анкетирование показало, что в качестве основы для выдвижения версий по субъективной стороне преступления криминалистическая характеристика используется не всеми, а лишь 74% опрошенных. Если учесть, что криминалистическая характеристика является основой для выдвижения типовых версий, то указанный результат свидетельствует о ее меньшей, чем ожидается, эффективности.

По каким же причинам не устраивает криминалистов криминалистическая характеристика преступлений? Наиболее выпукло выразил ответ на этот вопрос М.К. Каминский. Сопоставляя два понятия «криминалистическая характеристика преступления» и «криминалистическая модель преступления», автор отмечает: «не отказывая в праве на жизнь терминологическому сочетанию «криминалистическая характеристика преступления», мы тем не менее считаем его алогичным, ибо пытаться охарактеризовать «преступление» как

---

²¹ Там же. С. 330.

²² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. НОРМА. 2001. С. 223.

абстракцию науки уголовного права с криминалистических позиций, мягко говоря, не корректно. В действительности речь может идти о модели живой деятельности по замыслению, подготовке, выполнению и маскировке то ли преступлений одного вида, то ли конкретного случая»²³. Из приведенной цитаты видно, что М.К. Каминский предлагает отказаться от «алогичного» понятия «криминалистическая характеристика» совершенно по иной причине, чем приведенные выше авторы (в том числе, С.А. Назаров и В.Е. Корноухов).

Автор верно расставляет методологические акценты, указывая на то, что в основе криминалистического познания должна находиться не абстракция уголовного права или идеализированный криминалистический объект, поскольку они дублируют друг друга, а живая деятельность субъекта, отображение которой фиксируется в виде криминалистической модели преступления.

Следовательно, при криминалистическом анализе субъективной стороны преступления в центре внимания должна быть «живая деятельность субъекта», но не криминалистическая характеристика преступления, не идеализированный объект. Этим положением во многом определяются криминалистические задачи по установлению субъективной стороны преступления.

Диссертант разделяет приведенную выше позицию и видит ее подтверждение в мнениях иных авторов. Так, например, В.А. Образцов верно указывает на то, что активность познающего субъекта всегда направлена на какой-то объект, и далее подчеркивает: «познание осуществляется путем разделения целого на составляющие (признаки, части, компоненты, обстоятельства), последовательного изучения частей, их взаимосвязей, а затем синтези-

---

²³ Каминский М.К. Криминалистическая модель «компьютерных преступлений». // Вестник Удмуртского университета. 1996. № 1. С. 69.

рования полученных знаний (информации) в целостную интегративную систему – картину, образ объекта»²⁴.

Под объектом познания в уголовном судопроизводстве автор понимает событие с признаками преступления (для краткости называя далее это событие преступлением). Криминалистическую характеристику он представляет как характеристику указанного события. Одной из сторон преступления, которая формируется в результате вычленения ее, как самостоятельной части, из целого, автор считает субъективную сторону преступления.

Мотивом преступления В.А. Образцов считает побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении преступления. Интересы преступников автор рассматривает как наиболее распространенный вид мотивов. Мотив (интерес) приводит к постановке цели. Под целью автор понимает то, что «выполняет функции предвидения, программы, регуляции, управления, корректировки преступного поведения»²⁵.

Отметим, что смысл преступного действия автор связывает с познанием цели действия и потребностью, которую преступник хотел удовлетворить.

Е.Р. Россинская указывает на прикладное значение криминалистической характеристики, включая в нее предмет доказывания. В качестве составной части последнего автор отмечает виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступлений²⁶.

И.А. Возгрин включает обобщенные данные о наиболее распространенных мотивах преступления в качестве одного из пяти основных элементов криминалистической характеристики преступлений²⁷. Приведенные выше положения являются наиболее распространенными и раскрывают спосо-

---

²⁴ Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М. 1996. С. 29.

²⁵ Там же. С. 36.

²⁶ Россинская Е.Р. Криминалистика. Вопросы и ответы. М. ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 1999. С. 242.

²⁷ Возгрин И.А. Основные положения о криминалистической характеристике преступлений / Криминалистика: Учебник. Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. – СПб. Лань. 2001. С.77.

бы, с помощью которых происходит отображение субъективной стороны преступления в криминалистической характеристике. Следует отметить, что с нашей точки зрения, криминалистическая характеристика не в полной мере выполняет функцию отображения тех сторон преступной деятельности, которые обозначаются понятием «субъективная сторона преступления». Недостаток криминалистической характеристики в этом плане, полагаем, заключается в том, что приводимые в ней положения не позволяют в полном объеме выдвигать и проверять версии по субъективной стороне преступления и элементам последней. Этот недостаток криминалистической характеристики достаточно давно известен и характерен для других элементов предмета доказывания. В связи с чем, О.Я. Баев верно указал на необходимость создания «работоспособных криминалистических характеристик», которые бы позволяли оптимизировать процесс расследования преступлений определенных видов «путем обоснованного выдвижения наиболее вероятных следственных и оперативно-розыскных версий»²⁸.

Указанное направление криминалистических исследований рассматривается нами как наиболее целесообразное. В связи с чем, важно рассмотреть криминалистические задачи, возникающие при разработке подходов, позволяющих обеспечить установление криминалистическими средствами субъективной стороны преступления.

---

²⁸ Баев О.Я. Основы криминалистики. Курс лекций. М.Экзамен. 2001. С. 50.

1.2. Криминалистические задачи по обеспечению установления субъективной стороны преступления

Р.С. Белкин выделял общую, специальные и конкретные задачи криминалистики. Под общей задачей автор понимал борьбу с преступностью. Из общей задачи вытекают ее специальные задачи.

К специальным задачам автор отнес следующие: 1) дальнейшее изучение объективных закономерностей действительности, составляющих основу предмета криминалистики; 2) развитие ее общей и частных теорий, как базы криминалистических средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений; 3) разработку новых и совершенствование существующих технико-криминалистических средств, тактических приемов и методических рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию доказательств; 4) разработку и дальнейшее совершенствование организационных, тактических и методических основ предварительного и судебного следствия, организационных и методических основ криминалистической экспертизы; 5) разработку и совершенствование криминалистических средств и методов предотвращения преступлений; 6) изучение и использование зарубежного опыта использования криминалистических средств и методов борьбы с преступностью²⁹.

Указанные задачи имеют системный характер, поэтому невозможно решение какой – либо одной из них без одновременного разрешения в определенном объеме ряда связанных с ней задач. Именно поэтому, проблема, заключающаяся в совершенствовании криминалистического обеспечения уголовно-процессуального доказывания субъективной стороны преступления (третья специальная задача, сформулированная как разработка новых и совершенствование существующих технико-криминалистических средств, тактических приемов и методических рекомендаций по собиранию, исследова-

---

²⁹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 161.

нию и использованию доказательств), не может быть решена без первоочередного решения задачи, поставленной Р.С. Белкиным первой. Эти две специальные задачи криминалистики (первая и третья) в рамках избранной темы определили структуру нашего диссертационного исследования. Во второй главе нашей работы осуществляется углубленное исследование тех объективных закономерностей действительности, которые указаны в уголовно-правовой модели преступления в виде субъективной стороны преступления. В третьей главе осуществлен анализ возможных путей использования выявленных нами объективных закономерностей при разработке новых и совершенствование существующих тактических приемов и методических рекомендаций по собиранию, исследованию и использованию доказательств, относящихся к субъективной стороне преступления.

Очередность рассматриваемых по главам вопросов обусловлена приоритетностью специальных задач криминалистики. Совершенно не случайно что из шести сформулированных им специальных задач криминалистики Р.С. Белкин поставил на первое место задачу дальнейшего изучения объективных закономерностей действительности, составляющих основу предмета криминалистики³⁰. Разделяя приведенную точку зрения, отметим, что в число указанных закономерностей входят те объективные процессы осуществления преступной деятельности, которые составляют основание для установления признаков субъективной стороны преступления.

Общая и специальные задачи, отмечает Р.С. Белкин, реализуются через решение конкретных задач науки. Конкретная задача – та, которую наука решает на данном этапе и которая носит более или менее временный характер. В число конкретных задач начала XXI века, то есть современного периода развития криминалистики, автор включил такие, как пересмотр системы тактических приемов, классификация способов совершения преступлений, разработка тактики судебных действий и другие. В период 70-80-х годов XX века в перечне конкретных задач Р.С. Белкин указывал разработку методики

---

³⁰ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 161.

хищений государственного и общественного имущества, разработку проблем криминалистической версии и планирования расследования, исследование микрочастиц и другие³¹. Как видно из приведенного перечня, формирование конкретной задачи во многом обусловлено теми общественными запросами, которые определяют актуальность тех или иных направлений развития научных исследований в криминалистике, на что указывает и сам Р.С. Белкин.

Полагаем, нет необходимости доказывать, что в настоящее время к таким факторам, которые обуславливают актуальность научной проблематики, а следовательно, и определяют формирование ряда конкретных задач криминалистики, стало принятие Уголовного и Уголовно-процессуального законов Российской Федерации. В связи с чем, одной из актуальных задач криминалистики стало исследование проблемы криминалистического обеспечения установления субъективной стороны преступления. Это обусловлено тем, что, как верно отмечается в литературе, имеет место факт существенной «психологизации» уголовного закона. Например, А.А. Иванов правильно полагает, что: «Личностный подход и более того определенная «психологизация» современного уголовного права прослеживаются уже в первых нормах УК РФ. Так, в определении понятия преступления (ст. 14) впервые в отечественном праве наряду с его собственно юридическим признаком (ранее социально-классовым) указывается психологический – вина: «виновно совершенное общественно-опасное деяние»³².

Таким образом, проблема криминалистического обеспечения установления признаков субъективной стороны преступления является актуальной и может быть отнесена к перечню конкретных задач криминалистики.

При решении сформулированной нами конкретной задачи криминалистики следует обратить внимание на то обстоятельство, которое Р.С. Белкин

---

³¹ Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Изд-во Саратовского университета. 1986. С. 165.

³² Иванов А.А. Индивидуализация юридической ответственности. Правовые и психологические аспекты. М. Издательство «Экзамен», 2003. С. 18-19.

ным было особо подчеркнуто. Он отметил, что помимо детализации направлений научных исследований, конкретные задачи имеют значение для определения потенциала криминалистической науки, то есть наличия у нее определенных возможностей для решения подобных задач³³. Потенциал криминалистической науки во многом определяется, как указал Р.С. Белкин, наличием «задела» собственных научных идей и оригинальных методик³⁴. В качестве научного «задела» по данной проблеме, как нам представляется, следует рассматривать: а) положения общей теории криминалистики; б) теоретические положения криминалистической методики, в которых отражено соотношение признаков состава преступления с предметом исследования науки криминалистики; в) результаты исследования тех криминалистов, которые разрабатывают системно-деятельностный подход и методы моделирования преступной деятельности. В связи с чем, можно заключить, что проведенный нами поиск решения конкретной криминалистической задачи, актуален на современном этапе развития криминалистики, а само возникновение этой задачи криминалистики обусловлено изменением Российского законодательства.

Рассмотрим подробнее прикладной аспект проблемы, заключающийся в том, что же именно из объективной реальности должно быть исследовано субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений эмпирическим путем, с целью установления субъективной стороны преступления. В литературе эта задача в общей форме представлена рядом авторов в виде установления признаков преступления³⁵. Однако термин «признаки преступления» в криминалистической литературе имеет неоднозначное толкование.

Г.А. Густов и В.Г. Танасевич определяют признаки преступления, как «определенные факты реальной действительности, представляющие собой

---

³³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 163.

³⁴ Там же. С. 163.

³⁵ Там же. С. 787.

следы преступления...»³⁶. Н.П. Яблоков и В.В. Крылов признаки преступления не отождествляют со следами преступления. Они рассматривают следовоспринимающие объекты в качестве объектов окружающей среды, указывающими на криминалистически значимые признаки преступления, преступника³⁷. Р.С. Белкин, с одной стороны, указывает, что: «признаки преступления могут относиться к любому элементу состава преступления, но обычно их соотносят со способом совершения и сокрытия преступления»³⁸. В этом случае автор использует термин «соотносят» для обозначения связи между признаком преступления и собственно событием преступления, не отождествляя, а разграничивая их.

С другой стороны, он отождествляет следы преступления и признаки преступления, когда пишет, что «как последствия преступления, его отпечатки в окружающей среде, признаки преступления могут носить как материальный, так и идеальный характер (отображения в сознании человека)»³⁹. Эта позиция нами не разделяется, по следующим основаниям. Во-первых, в последнем случае, понимание признака преступления у Р.С. Белкина не является уголовно-правовым и термин «признаки преступления» скорее обозначает некоторые объективные обстоятельства, которые несут информацию о преступлении. Во-вторых, поскольку речь идет о материальных и идеальных отображениях преступления, а не о нем самом, то возникает необходимость более точного разделения трех понятий: а) «преступление», когда оно понимается сугубо в криминалистическом смысле; б) «признак преступления», также понимаемый в криминалистическом смысле; в) след преступления, как материальное или идеальное отображение события преступления. Такое разграничение понятий особенно необходимо при рассмотрении вопроса о кри-

---

³⁶ Там же.

³⁷ Яблоков Н.П., Крылов В.В. Информационно-структурные основы криминалистического изучения преступной деятельности и ее расследования // Криминалистика. Учебник. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. Юристъ. 2002. С. 36.

³⁸ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 787.

³⁹ Там же. С. 788.

миналистическом понимании признаков субъективной стороны преступления.

Отметим, что оба указанных смысла, использованного Р.С. Белкиным термина «признак преступления», не обязательно противоречат друг другу. Аналогичная проблема возникает при понимании доказательств в уголовном процессе. Так З.З. Зинатуллин указывает, что доказательства могут выступать, с одной стороны, в виде сведений о фактах реальной действительности, а с другой – в виде самих фактов действительности⁴⁰. При этом автор справедливо не считает обе указанные им стороны стоящими друг к другу в отношении противоречия и не противопоставляет их.

Теория вопроса о соотношении предмета исследования криминалистики и состава преступления научно разрабатывается преимущественно в рамках раздела «Криминалистическая методика» и в меньшей степени - в общей теории криминалистики.

Нам более точной кажется позиция В.А. Образцова, который в общей теории криминалистики рассматривает характеристику элементарно-компонентного состава преступления и связанных с ним событий, исходя из субъекта, объекта, субъективной и объективной сторон⁴¹. Установление субъективной стороны преступления представляется автором в виде следующего перечня задач, возникающих у субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Он пишет: «Следователь должен установить, в чем выразилось деяние преступника, какие и в какой последовательности совершены им действия, приведшие к преступному результату... получить ответ на вопрос о том, какую цель преследовал субъект, совершая эти действия, ... какую потребность удовлетворить. Решение этих вопросов позволяет, в частности, составить представление о том, охватывается ли дан-

---

⁴⁰ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск. 2003. С. 148.

⁴¹ Образцов В.А. Объект и предмет познания в уголовном судопроизводстве // Криминалистика. Под ред. В.А. Образцова. М. Юристъ. 2002. С. 52.

ной целью наступивший результат и на этой основе сделать вывод – относится ли деяние к числу умышленных или неосторожных преступлений»⁴².

А.И. Возгрин рассматривает в общей теории криминалистики только те вопросы, которые относятся к учению о криминалистической характеристике преступлений. Под криминалистической характеристикой автор понимает систему полученных эмпирическим путем обобщенных фактических данных. Он подчеркивает, что «данные характеристики по своим основаниям, содержанию и предназначению являются криминалистическими категориями и хотя они имеют определенные связи с характеристиками преступлений, даваемыми в иных юридических науках, в то же время существенно отличаются от них. Так, если уголовно-правовая характеристика преступления направлена на описание основных признаков предусмотренного уголовным законом общественно опасного, виновного и наказуемого действия или бездействия, посягающего на существующие общественные отношения, - для определения его состава и правильной квалификации, то криминалистическая характеристика предназначена для выработки методических рекомендаций по организации и осуществлению предотвращения, раскрытия и расследования преступлений. Из этого следует, что криминалистическая характеристика должна учитывать содержание уголовно-правовых признаков преступления, но только в качестве исходных положений своей конструкции»⁴³. Однако автор более глубоко не раскрывает каким именно образом соотносятся понятия криминалистической характеристики и признаки состава преступления. Интересно, что в криминалистической литературе большое число работ посвящено такой проблеме, как разработка естественно-научных основ используемых криминалистикой методов⁴⁴. Однако, все указанные разработки касаются

---

⁴² Образцов В.А. Криминалистика. Курс лекций. М. 1996. С. 37.

⁴³ Возгрин А.И. Основные положения учения о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика. Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. – СПб. Лань. 2001. С. 73-78.

⁴⁴ Например, Корниенко Н.А. Следы человека в криминалистике // СПб. Питер. 2001. С. 23; Проблема раскрыта в работе: Россинская Е.Р. Основы естественно-научных знаний для юристов. М. Норма-инфора. М. 1999.

ся преимущественно субъекта, объекта и объективной стороны преступления. Попытка использовать данный подход к субъективной стороне преступления сделана В.А. Образцовым и С.Н. Богомоловой, определивших содержание своей публикации термином «криминалистическая психология». Абсолютно верно отмечая то, что практическая криминалистическая деятельность на всех своих этапах остро нуждается в психологическом обеспечении, авторы выносят рассматриваемые в этой работе проблемы за рамки предмета криминалистики, указывая, что предлагаемая ими криминалистическая психология это часть юридической психологии, а шире – психологической науки⁴⁵.

Вопросы соотношения норм материального права и задач криминалистики носят для последней определяющий характер в разделе криминалистической методики и решаются следующим образом. А.И. Возгрин выделяет три источника криминалистической методики. Первым, источником криминалистической методики выступают нормы уголовного и уголовно-процессуального права. Вторым, важным источником криминалистической методики является практика раскрытия, расследования и предотвращения преступлений. Третьим источником являются научные знания, и прежде всего положения предыдущих частей криминалистики и других отраслей науки, в том числе науки уголовного права, уголовного процесса, психологии, логики и других⁴⁶. Далее автор систематизирует обстоятельства, подлежащие доказыванию, по основным элементам состава преступления, указывая последним четвертым пунктом субъективную сторону посягательства: вина, ее формы, мотив, цель при умышленной вине, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства⁴⁷. При этом остаются не рассмотренными закономерности действительности, которые определяются субъективной стороной преступления.

---

⁴⁵ Образцов В.А. Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. Юнити-дана, Закон и право, 2002. С. 4.

⁴⁶ Возгрин А.И. Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика. Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. – СПб. Лань. 2001. С. 609.

⁴⁷ Там же. С. 612.

Субъективная сторона преступления в криминалистическом аспекте остается не рассмотренной и в других публикациях. Так в число структурных элементов криминалистической методики А.Г. Филиппов включает понятие и содержание обстоятельств, подлежащих установлению, наряду с криминалистической характеристикой преступлений⁴⁸. Однако, им не рассматривается перечень объективных закономерностей, которые подлежат эмпирическому исследованию при установлении субъективной стороны преступления и обстоятельств, подлежащих доказыванию, согласно п. 2. ч.1. ст. 73 УПК РФ – виновность лица, форма его вины и мотивы. Н.Г. Шурухнов полагает, что в структуру методики расследования конкретного преступления должны включаться обстоятельства, подлежащие выяснению при расследовании данного вида преступлений, а для новых видов преступлений или сложности квалификации, в структуру методики должна включаться уголовно-правовая характеристика⁴⁹. При этом автор не указывает, что именно должно стать предметом эмпирического криминалистического исследования при установлении субъективной стороны преступления. Этот вопрос не рассматривается им ни в теоретическом, ни прикладном аспекте.

Указанный подход согласуется с позицией Р.С. Белкина, который рассматривал уголовное право и уголовно-процессуальное право, как определяющий источник криминалистических методических рекомендаций. Отметив, что «нормы особенной части уголовного права, помимо своей классификационной роли, наполняют необходимым содержанием общую формулу предмета доказывания и, следовательно, определяют цели процесса расследования», он писал: «не будет преувеличением сказать, что эти нормы как в системе, так и в отдельности, в буквальном смысле слова определяют криминалистические рекомендации и являются их источником методики»⁵⁰. Однако, автор не раскрывает более детально указанные им закономерности для

---

⁴⁸ Криминалистика. // Под ред. проф. А.Г. Филиппова. М. Юриспруденция. 2000. С. 242.

⁴⁹ Шурухнов Н.Г. Криминалистика. М. Юрист. 2002. С. 415.

⁵⁰ Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. Т. 3. М. Юристь. 1997. С. 342.

отдельных признаков состава преступления, полагая, как уже было указано, что в задачи криминалистики и в задачи практики субъектов деятельности по выявлению и расследованию преступлений входит установление признаков преступления.

Приведенных работ достаточно для того, чтобы очертить те общие представления, которые существуют в криминалистике по вопросу соотношения признаков состава преступления, предмета доказывания и криминалистического исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Проведенный нами анализ криминалистических публикаций позволяет сделать вывод о том, что в теоретическом плане вопрос недостаточно исследован в криминалистической литературе. В связи с чем, мы попытались разрешить проблему посредством изучения представлений о путях практического применения категории «состав преступления», изложенных в публикациях по уголовному праву. Такое исследование не совпадает с анализом содержания уголовно-правового понятия «субъективная сторона преступления», но позволяет указать на те задачи, которые авторы относят к криминалистическим. Тем самым криминалистика получает возможность обнаружить те задачи, которые относятся в смежных дисциплинах к предмету криминалистики.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что субъективная сторона преступления является элементом состава преступления, который вызывает наибольшие сложности своего доказывания в связи с недостаточной криминалистической разработкой. Так, мы полагаем, криминалистам следует понимать высказывание, например, В.В. Лунева, который отметил, что «почти половина следственно-судебных ошибок связана с упрощенной однозначной и прямолинейной трактовкой субъективной стороны преступного поведения»⁵¹. Конечно, количество ошибок этой категории является величиной относительной и обусловлено, как уже было отмечено, определенной «психологизацией» современного уголовного права. Однако, мы полагаем ошибкой является как раз «перескакивание» через задачи криминалистики в зада-

---

⁵¹ Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. Спарк. 2000. С. 4.

чи психологические. Нашу точку зрения можно обосновать позицией А.И. Плотникова, который верно отмечает, что «замыкать вину только в психологических рамках нет достаточных оснований. Во-первых, определение вины в УК РФ отсутствует. Любопытно отметить, что указанное определение было дано в Проекте УК РФ и именно с позиции психологической концепции, то есть вина характеризовалась как психическое отношение, но из окончательного варианта уголовного закона оно было исключено, что представляется нам отнюдь не случайным»⁵². Можно полагать, что автор прямо выразил свою мысль, заключающуюся в том, что исключением из окончательного варианта уголовного закона определения вины в качестве психического феномена, законодатель совершенно верно исключил не что иное, как возможность относить вину к предмету психологии. Исходя из смысла закона, вина не может устанавливаться посредством прямого акта использования специальных познаний, поскольку представляет собой категорию права. В то же время, это не только не означает, что эмпирическим путем не могут быть исследованы объективные закономерности, но и предполагает криминалистическое и экспертное исследование, проводимое с этой целью.

Актуальность рассматриваемой конкретной задачи криминалистики является следствием повышенного внимания уголовного законодательства к субъективной стороне преступления. Последнее, в свою очередь, В.В. Лунеев объясняет двумя основными обстоятельствами.

Во-первых, указывает автор, провозглашение преступными тех или иных общественно опасных действий жестко и однозначно связано с уголовной ответственностью лиц их совершивших. Степень, формы и виды вины могут быть самыми разными, но вне установления конкретной ее формы и вида уголовный запрет утрачивает свой изначальный практический смысл. Реализация ответственности без конкретно установленной вины делает не-

---

⁵² Плотников А.И. Проблема вины в свете повышения эффективности ответственности за преступления. // Ученые записки: Сборник научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. – Выпуск 1. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 46-52.

нужным само существование уголовного права, ибо невозможно обеспечить законность, не соблюдая принципа ответственности за вину.

Во-вторых, подчеркивает В.В. Лунев, субъективная сторона занимает основную долю доказательственной деятельности на предварительном следствии и в суде и вызывает основные споры государственного обвинения и защиты; более половины следственных и судебных ошибок, отмечает автор, приходится на субъективную сторону преступления. В тоже время, проведенное нами анкетирование показывает, что субъективная оценка 84-х процентов судей заключается в том, что существует не более 4% следственных ошибок, обусловленных не верным установлением субъективной стороны. В связи с чем, полагаем правильным замечание о том, что «неполное, неточное, ошибочное или предубежденное установление (оценка) психического отношения субъекта к своим действиям и их последствиям является не только наиболее распространенным, но и самым грубым, а при определенных условиях и уголовно наказуемым нарушением принципа субъективного вменения (ст. 299, 303, 305 УК РФ)»⁵³.

Наши данные свидетельствуют о том, что субъективной стороне преступления не отводится должного места по критерию степени сложности ее установления. Так 22% судей и только 12% следователей и дознавателей поставили согласно этому критерию на первый план субъективную сторону преступления. При очевидных преступлениях из числа всех опрошенных лишь от 8% до 12% считают, что наиболее сложным является доказывание субъективной стороны⁵⁴. Таким образом на практике существует некоторая недооценка степени сложности этого вопроса.

Взяв за основу степень трудности установления и оценки всех элементов состава, В.В. Лунев следующим образом располагает последние. По мере возрастания сложности установления и оценки элементы состава располагаются автором в следующем порядке от простого к сложному: 1) субъект

---

⁵³ Лунев В.В. Субъективное вменение. М. Спарк. 2000. С. 9.

⁵⁴ Собственные данные приведены в приложении 1 и 2.

преступления; 2) объект преступления; 3) объективная сторона преступления; 4) субъективная сторона преступления. Автор объясняет свою позицию следующим образом: «конечно, трудности юридической квалификации существуют при установлении и оценке всех элементов состава. Но если, например, лицо, совершившее преступление, выявлено, то уточнение его юридических признаков как субъекта преступления не представляет особых трудностей. Юридическая характеристика объекта преступления тоже не всегда однозначна, но его объективные признаки требуют лишь квалифицированной оценки. Установление объективной стороны преступлений связано с затратой больших усилий, но все ее признаки можно, условно говоря, «пощупать»: действие (бездействие), способы совершения преступления, наступившие последствия. И даже причинная связь, которая часто бывает скрыта от непосредственного наблюдения, объективно и экспериментально проверяема. Внутренняя психическая деятельность субъекта преступления является наиболее скрытым элементом состава»⁵⁵.

Изложенная позиция ярко иллюстрирует то, насколько недостаточно, именно с криминалистической точки зрения, исследована проблема установления субъективной стороны преступления.

Криминалисты могут и не увидеть предмет собственного исследования при прочтении приведенного выше текста, поскольку в качестве предмета исследования при установлении субъективной стороны преступления автор указывает психическую деятельность субъекта преступления, а следовательно, речь идет о предмете психологии. Однако, как было указано выше, это противоречит позиции законодателя по этому вопросу. Таким образом, наличие противоречия между специальными задачами криминалистики, в перечень которых входит эмпирическое исследование объективной реальности, в том числе и при установлении субъективной стороны преступления, и тем, что в иных дисциплинах, например, в литературе по уголовному праву, не отмечается иного предмета эмпирического исследования, кроме психической дея-

---

⁵⁵ Там же. С. 3.

тельности субъекта преступления и его сознания. Представители уголовно-процессуальной науки имеют обоснованные претензии к криминалистике.

Так, например, А.П. Гуськова указывает: «установление субъективной стороны преступления связано с решением вопроса о характере сознания, объеме предвидения, направленности, воле, мотивах и целях действия (бездействия) субъекта. Поэтому, чтобы решить вопрос виновно или невиновно лицо в преступлении, необходимо установить такие факты – признавало ли лицо, совершая свои действия (бездействие), и чего при этом оно желало (сознательно допускало) и т.д.»⁵⁶.

Отсюда прямо вытекает криминалистическая задача, заключающаяся в разработке методических рекомендаций, использование которых позволяет эмпирическим путем установить факт осознания лицом своих действий, и факт желания или сознательного допущения результата действий.

Ставя перед криминалистикой актуальные проблемы, в то же время, представители уголовно- процессуальной науки не обязаны решать их в плане методологии криминалистического исследования поставленного вопроса. Субъективная сторона преступления, отмечает А.П. Гуськова, – «это психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Она является в отличие от объективной стороны преступления внутренней сущностью, т.е. содержанием. Поэтому преступление раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель. Эти признаки органически взаимосвязаны между собой и взаимозависимы, и вместе с тем они являются самостоятельными психологическими категориями, которые могут в структуре личности выступать самостоятельными составными психологическими свойствами»⁵⁷.

Все это требует эмпирического исследования криминалистическими средствами субъективной стороны преступления. Однако, именно использо-

---

⁵⁶ Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. Учебное пособие. ИГ «Юрист». 2002. С. 51.

⁵⁷ Там же. С. 51.

вание эмпирических методов и вызывает особые затруднения. Дело в том, что психические процессы представляют собой не материальные явления, а идеальные.

Д.И. Дубровский рассмотрел с методологической точки зрения научную категорию идеального и указал, что «категория идеального выступает логически необходимым предикатом «сознания», хотя в силу равенства объемов этих категорий, «сознание» может в свою очередь выступать как предикат «идеального». Определение сознания в качестве идеального несет особенно важный и глубокий смысл, ибо заостряет, концентрирует и развертывает в одной теоретической плоскости все те компоненты содержания категории сознания, которые выражают ее *логическую противопоставленность*, противоположность категории материи»⁵⁸.

Важнейшим тезисом, на котором базируется и наша работа в своей теоретической части, является указание автора на факт именно логического противопоставления двух категорий сознания и материи. Такое противопоставление отсутствует в реальной действительности и в деятельности субъекта преступления, его сознание не противостоит его предметной деятельности, а является необходимым компонентом этой деятельности. В связи с чем, признаки субъективной стороны преступления есть необходимое абстрагирование от иных сторон деятельности субъекта преступления. В результате такого абстрагирования и возникает субъективная и объективная стороны преступления, причем первая сторона представляет идеальное (сознание), а вторая – материальное.

С точки зрения философии, выделение субъективной и объективной сторон преступления в уголовном праве представляет собой осуществление процедуры идеализации. Под процессом идеализации в философии понимается мысленное конструирование понятий об объектах, не существующих и не осуществимых в действительности, но таких, для которых имеются про-

---

⁵⁸ Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М. Мысль. 1983. С. 11.

образы в реальном мире⁵⁹. Мы рассматриваем субъективную сторону преступления в качестве понятия, полученного путем идеализации, потому что в реальном мире человеческого сознания (или психики субъекта) без деятельности самого субъекта не существует. Сознание выступает необходимым компонентом деятельности, его стороной, которая путем абстрагирования от иных сторон выделяется в уголовном праве и, таким образом, возникает понятие «субъективная сторона преступления».

Для решения вопроса о криминалистическом обеспечении установления субъективной стороны преступления, следует обязательно учитывать, что идеализация характеризуется отвлечением от свойств и отношений, необходимо присущих предметам реальной действительности (преступной деятельности), и введением в содержание образуемых понятий (признаки состава преступления) таких признаков, которые в принципе не могут принадлежать их реальным прообразам. Со школьной скамьи мы пользуемся понятием, полученным посредством идеализации, например, «точка»: невозможно найти в реальном мире объект, представляющий собой точку, т.е. объект, который не имел бы измерений. Аналогичный характер имеют понятия «прямая линия», «окружность», «инерция».

Образовав с помощью идеализации понятие о такого рода объекте, можно в дальнейшем оперировать с ним в рассуждениях, как с реально существующей вещью, и строить абстрактные схемы реальных процессов, служащие для более глубокого их понимания; в этом смысле идеализация тесно связана с методом моделирования⁶⁰. Этот процесс по-нашему мнению, наблюдается в формировании уголовно-правовой модели преступления.

Научная идеализация отличается от бесплодной фантазии тем, что порожденные в ней идеализированные объекты затем интерпретируются в терминах реальных объектов. Задачей криминалистики оказывается такая интерпретация признаков состава преступления посредством указания на ре-

---

⁵⁹ Идеализация // Философский энциклопедический словарь. М. Сов. Энциклопедия. 1983. С. 196.

⁶⁰ Там же.

альную преступную деятельность. Права Н.В. Кручинина, утверждающая, что решение задач науки криминалистики предполагает «творческую интерпретацию правовых моделей»⁶¹. Таким образом, полагаем, что состав преступления представляет собой идеализированный объект, который является мысленной познавательной конструкцией и служит важнейшим познавательным средством.

В.Н. Кудрявцев рассматривает состав преступления, как закрепленную в уголовном законе информационную модель преступления определенного вида. В практической деятельности, отмечает автор, информационная модель преступления играет двойную роль. Во-первых, она дает представление о требованиях закона. Во-вторых, модель дает информацию о свойствах совершенного конкретного деяния, которые, как отмечает автор, «мы «должны» обнаружить при расследовании дела (предмет доказывания)»⁶².

С целью иллюстрации собственных положений В.Н. Кудрявцев⁶³ приводит следующую схему, отражающую соотношение установления фактов, уяснение закона и квалификации преступления.

---

⁶¹ Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации. Автореф. докт дисс. М. 2003. С. 13.

⁶² Там же С. 60.

⁶³ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. Юристъ. 2001. С. 42.

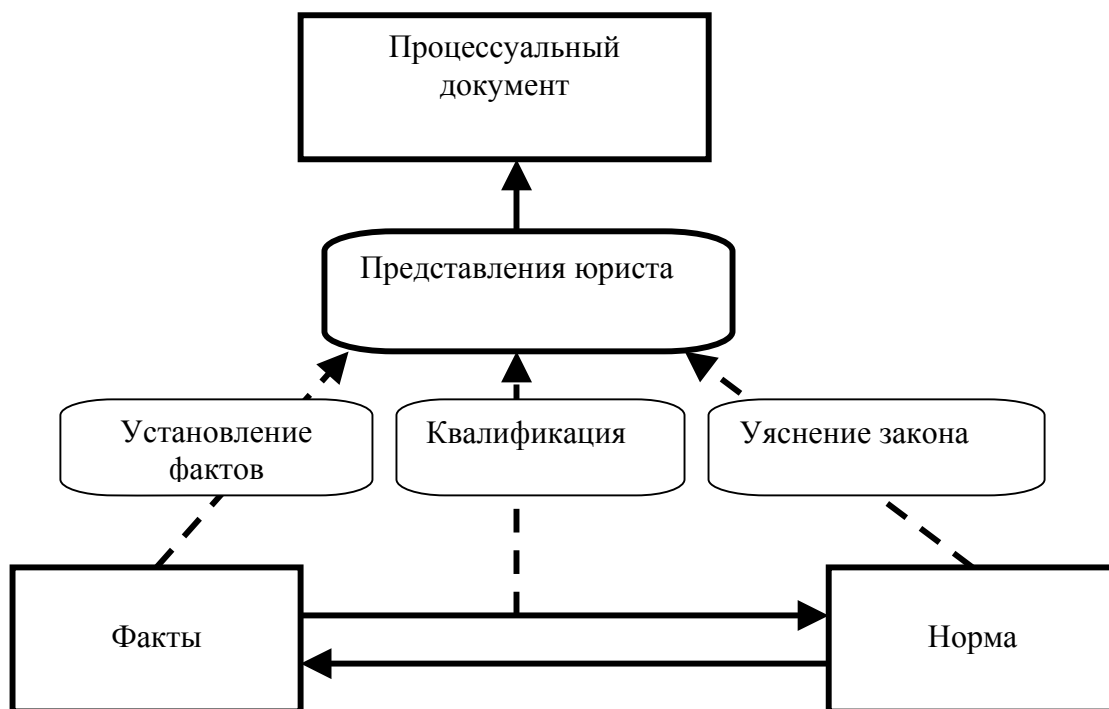

Рис. 1. Установление фактов, уяснение закона и квалификация преступления
(по А.Н. Кудрявцеву)

С точки зрения криминалистической методики, приведенная на рис. 1 схема, позволяет уточнить отношение норм права с эмпирически устанавливаемой совокупностью фактических обстоятельств. Схема иллюстрирует, что установление фактов, характеризующих преступление, с одной стороны, является познанием объективной реальности, с другой стороны, происходит целенаправленно, то есть определяется нормой права, которая предопределяет те характеристики реального события, которые подлежат установлению. Поддерживая эту точку зрения, В.А. Никонов отметил, что вывод о фактических обстоятельствах дела будет истинным только в том случае, если он отражает объективно происшедшие события. В то же время, без юридической оценки исследуемых фактов, исходящей из требований уголовного закона,

нельзя добыть той суммы знаний, которая составляет объективную истину в практике применения уголовно-правовых норм⁶⁴.

Таким образом, предмет криминалистического исследования обнаруживается в связи с указанной двойной функцией состава преступления. Вот что пишет по этому поводу В.Н. Кудрявцев. «В связи с двойной информационной функцией состава возникает вопрос о терминологии. Так, в литературе иногда используются понятия «законного» и «фактического» составов преступления. А.А. Пионтковский утверждал, что «понятием состава преступления юристы пользуются как для обозначения совокупности признаков, характеризующих определенное преступление по уголовному законодательству, так и для обозначения конкретного деяния, соответствующего этим признакам»⁶⁵.

С целью более точного понимания термина «состав преступления», В.Н. Кудрявцев рекомендуют пользоваться понятием состава преступления только в одном – нормативном смысле, а вместо так называемого фактического состава правильнее говорить о «фактических признаках» или просто о «признаках» конкретного преступления (рис. 1)⁶⁶.

Итак, можно сделать вывод, что позиция А.А. Пионтковского и В.Н. Кудрявцева заключается в том, что употребление термина «состав преступления» в нормативном смысле подразумевает отделение использования этого понятия от использования его же в смысле фактического состава преступления, под которым понимаются признаки конкретного деяния. Такое разделение понятий, с нашей точки зрения, закономерно и необходимо, поскольку установление всех характеристик конкретного деяния и представляет собой задачу криминалистики.

В связи с чем, сложно согласиться с позицией А.П. Гуськовой, когда она считает, что «при доказывании мотива преступления важно использовать

---

⁶⁴ Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) 2001. Тюмень. С. 45.

⁶⁵ Там же. С. 60-61.

⁶⁶ Там же. С. 61.

не только юридические, но и другие смежные отрасли знаний, особенно психологии. В частности, психологическая наука предлагает учитывать, что между свойствами личности, мотивами, целями и конкретными действиями субъекта существует прямое взаимодействие. Вот почему предлагается рассматривать волевой акт преступления, состоящий из следующих этапов: 1) постановка цели и стремление достичь ее; 2) появление мотивов, подкрепляющих или опровергающих эти возможности; 3) выбор мотивов; принятие одного из возможных в качестве решения; 4) осуществление принятого решения»⁶⁷.

С нашей точки зрения, в ходе ретроспективного познания событий преступления весьма сложно исследовать эмпирическим путем каждый из указанных автором «этапов волевого акта преступления». При этом отметим, что только посредством криминалистической трансформации психологических знаний может быть разрешена проблема доказывания мотива, вины и иных составляющих субъективную сторону элементов. Вопросам криминалистической трансформации знаний неюридических наук посвящены публикации ряда авторов, в том числе основоположника отечественной криминалистики Е.Ф. Буринского⁶⁸.

Субъективная сторона преступления, как уже было отмечено выше, включает в себя вину, мотив, цель преступления и психическое состояние преступника во время совершения преступления. Однако, только вина является неотъемлемой частью любого состава преступления. Поэтому в ходе анализа этого понятия обнаруживается основная проблема, приводящая к тому, что доказывание субъективной стороны преступления составляет наибольшую сложность.

Интеллектуальный элемент вины, как отмечает В.А. Никонов, представляет собой: сознание общественно опасного характера деяния; предвиде-

---

⁶⁷ Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты ... М. 2002. С. 54.

⁶⁸ Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею // М. ЛексЭст, 2002. С. 52.

ние общественно опасных последствий деяния. Волевой элемент: отношение к совершаемому деянию и его последствиям⁶⁹.

Из приведенных определений интеллектуального и волевого элементов вины действительно можно сделать вывод о том, что объективные обстоятельства, на основании которых может быть установлена субъективная сторона преступления, представляют собой сознание субъекта преступной деятельности, а следовательно, составляют предмет исследования психологии. В результате чего можно прийти к выводу о том, что криминалистика не имеет собственного предмета исследования при установлении объективных обстоятельств в ходе доказывания субъективной стороны преступления.

Однако, эти рассуждения носят упрощенный характер. Достаточно вспомнить, что субъективная сторона преступления, как и все признаки состава преступления, представляют собой уголовно-правовую абстракцию. С помощью уголовно-правовых абстракций в реальном преступлении выделяются отдельные стороны, которые вычлениют и фиксируют только совершенно определенный момент реальной деятельности субъекта преступления. Субъективная сторона преступления совпадает с предметом психологической науки потому, что эти признаки как раз и предназначены для фиксации лишь субъективного аспекта живой деятельности субъекта. В этом единстве субъективных признаков состава преступления и предмета психологии криминалистика занимает промежуточное место, разделяя собственным предметом исследования предмет специальных психологических познаний и предмет науки уголовного права.

С философской точки зрения, понятие «сознательная деятельность» охватывает и практическую деятельность. Категории «сознание» и «идеальное» являются синонимами, и в то же время их использование позволяет показать разную логическую функцию психических процессов при описании сознательной деятельности. Категория «идеальное» противопоставляет сознание

---

⁶⁹ Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) 2001. Тюмень. С. 123.

материальному и материальной деятельности. Категория сознание входит неотъемлемым компонентом в предметную деятельность субъекта.

Обнаружение методологически верного пути решения конкретной криминалистической задачи привело к смещению методологической направленности криминалистических исследований. Этим фактом во многом обусловлен переход научных интересов в криминалистике от разработки криминалистической характеристики преступлений к созданию криминалистической модели преступления и криминалистической модели преступной деятельности. В то же время, следует отметить, что развитие моделирования преступной деятельности, как нового направления исследований в криминалистике, базируется на той же основе, что и формирование криминалистической характеристики – на нормах уголовного и уголовно-процессуального права, в которых указываются признаки состава преступления и предмет доказывания. Только теперь состав преступления становится основой использования метода восхождения от абстрактного к конкретному – от абстрактных признаков состава к конкретному преступлению.

Именно эту тенденцию можно проследить в той функции, которую выполняют признаки состава преступления. Например, под объектом преступления понимаются наиболее важные общественные отношения, охраняемые от преступных посягательств уголовным законом. Субъект воздействует на общественные отношения опосредованно через предмет преступления и потерпевшего. Предметом преступления могут выступать только вещи материального мира⁷⁰. Последний отличается от орудий и средств, которые являясь также предметами материального мира, служат в качестве средств для воздействия на предмет преступления.

Как видим, предмет преступления представляет собой уголовно-правовую абстракцию, которая должна быть наполнена реальным содержанием. Под содержанием понимается то, что можно исследовать эмпириче-

---

⁷⁰ Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) 2001. Тюмень. С. 116.

скими методами, то есть прежде всего материальные предметы, которые подверглись воздействию и средства, использованные для этого. Поэтому закономерен тот факт, что содержание термина «предмет преступления» в уголовно-правовом смысле не совпадает и не может совпадать с криминалистическим термином «предмет преступной деятельности». Указанные понятия соотносятся как абстрактное с конкретным. Только конкретное можно исследовать эмпирическими методами.

При всей кажущейся разработанности вопроса соотношения уголовно-правового понимания объекта и предмета преступления с криминалистическими понятиями предмета преступной деятельности, предлагаются точки зрения, в которых происходит подмена этих понятий⁷¹. Ранее нами отмечалась системность уголовно-правовых признаков состава преступления. Однако, связь между субъективной стороной и объектом (предметом) преступления, в которой ведущее значение имеет именно субъективная сторона, стала рассматриваться в криминалистике лишь в последние годы. Показательным в этом плане является исследование А.А. Белякова. Он использует криминалистическую классификацию преступлений, связанных со взрывами, взяв за основу признак формы вины. Автор предлагает классифицировать теорию и методику выявления и расследования преступлений, связанных со взрывами, путем деления на теорию и методику выявления умышленных преступлений и неосторожных. Важность указанной классификации, как указал автор, заключается в том, что таким образом становится возможным отграничение учения о выявлении и расследовании преступлений, связанных с применением взрывчатых устройств и взрывчатых веществ от близкого, родственного учения ему, но тем не менее самостоятельного криминалистического учения о взрывчатых устройствах и взрывчатых веществах как предмета преступных посягательств (например, в случае хищения данных объектов)⁷².

---

⁷¹ Шашкин. С.Б. Категория тождества в свете обстоятельств, подлежащих доказыванию. / Вестник криминалистики. Вып. 2(4)/2002. М. Спарк. С. 20-24.

⁷² Беляков А.А. Криминалистическое взрывоведение: проблемы теории и практики. Красноярск. Универс. 2003. С. 95.

Не отрицая возможность использования психологической экспертизы при установлении обстоятельств, определяемых субъективной стороной преступления, полагаем, что при общем для криминалистики и судебных экспертиз эмпирическом характере исследований, существенным вопросом является их различие во-первых, по процессуальному положению субъекта этой деятельности, а во-вторых, по характеру решаемых вопросов. Эти критерии учитывает Т.В. Сахнова, которая пишет: «экспертиза – это прежде всего эмпирическое исследование обособленного объекта, проводимое сведущим лицом (экспертом), основанное на специальных (профессиональных) знаниях с применением особых методов (их совокупности – методик), имеющее целью получение нового знания об объекте, которое оформляется в виде заключения»⁷³.

Эксперт не является субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений (криминалистической деятельности – по терминологии ряда авторов⁷⁴), поэтому он не может исходить из предмета доказывания и не формирует криминалистическую модель преступной деятельности.

Эмпирический характер экспертного исследования означает, что речь идет об исследовании, направленном непосредственно на материальный объект, и опирающемся на данные наблюдения и эксперимента⁷⁵. Эмпирический характер исследования выражается и в методах, которые применяются в экспертных исследованиях. К методам экспертного исследования относят всеобщий метод познания (диалектический материализм), общие методы (наблюдение, описание, измерение, сравнение, эксперимент, моделирование) и специальные (физический, химический, биологический антропологический и др)⁷⁶.

Анализ методов криминалистики, в которых основное место занимают именно общенаучные методы познания – наблюдение, описание, измерение,

---

⁷³ Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М. Городец. 2000. С. 23.

⁷⁴ Наприер, Н.П. Яблоков. Криминалистика. Учебник. Отв. ред. Яблоков. М. Юристъ. 2000. С.15.

⁷⁵ Философский энциклопедический словарь. М. Сов. энциклопедия. 1983. С. 797.

⁷⁶ Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М. Городец. 2000. С. 25.

эксперимент, и другие, свидетельствует о том, что криминалистика обеспечивает как раз эмпирическое исследование события преступления. Также как экспертиза является по своей гносеологической природе разновидностью практического познания конкретных фактов, явлений и событий⁷⁷ с использованием методик специальных наук, так и криминалистика представляет собой науку, предметом исследования которой является изучение объективных закономерностей действительности⁷⁸. В отличие от экспертизы в предмет криминалистики входит не только событие преступления, но и деятельность по выявлению и расследованию преступлений. Деятельность по выявлению и расследованию преступлений также исследуется перечисленными выше эмпирическими методами.

Следует согласиться с мнением А. П. Гуськовой, подчеркнувшей, что развитие криминалистики является необходимым условием для решения задач уголовного судопроизводства⁷⁹. Однако, с нашей точки зрения, преждевременно исключать из предмета криминалистики упоминание о преступлении, как это предлагает Т.С. Волчецкая, с целью подчеркивания особого значения криминалистики в системе юридических знаний как науки о технологии процесса доказывания в правоприменительной деятельности⁸⁰.

Преждевременность исключения из предмета криминалистики упоминания о преступлении нами видится в том, что еще не разрешен вопрос о тех закономерностях события преступления, которые должны быть установлены в виде криминалистической модели преступной деятельности для выявления признаков субъективной стороны преступления.

---

⁷⁷ Там же. С. 23.

⁷⁸ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 67.

⁷⁹ Гуськова А.П. Развитие криминалистики как необходимое условие для решения задач уголовного судопроизводства // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики: генезис профессиональной защиты и представительства. Екатеринбург. Чароид. 2003. С. 39.

⁸⁰ Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в деятельности защитника: пути и перспективы исследования проблемы // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. С. 23.

1.3. Криминалистическая модель преступной деятельности как средство решения криминалистических задач, обусловленных необходимостью установления субъективной стороны преступления

Анализ криминалистических задач, обусловленных необходимостью установления субъективной стороны преступления, позволил в определенной мере обнаружить и основные средства их решения. Криминалистическая характеристика преступлений не может выполнять функцию средства решения рассматриваемой нами конкретной задачи криминалистики по той причине, что это понятие представляет собой идеализированный объект, совпадая, тем самым в гносеологическом аспекте, с уголовно-правовой моделью преступления.

В связи с чем, криминалистические исследования наиболее интенсивно развиваются сегодня в ином направлении, а именно в рамках деятельностного подхода. В качестве обобщающего метода для исследования каждой из деятельностей, входящих в предмет криминалистики, в конце 70-х годов XX века возникает системно-деятельностный подход. Приоритет разработки указанного подхода принадлежит М.К. Каминскому. Как известно, Р.С. Белкин поддержал идею М.К. Каминского о том, что преступление, если его рассматривать в собственно криминалистическом плане, представляет собой не только юридический факт, но прежде всего предметную деятельность⁸¹.

Такая точка зрения, указывает В.В. Посконин, соответствует в теории права крайне прагматичной позиции: система общественных отношений не обладает специальным правовым качеством⁸². «Рассматривая вопрос о деятельности и ее классификации, мы пришли к выводу, – пишет Ю.Г. Ткаченко, – что в предметной деятельности нет такого предмета, который обладает

---

⁸¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 67.

⁸² Посконин В.В. Логическое начало в познании права // Вестник Удмуртского университета. 1996. №1. С. 21.

специфически правовым характером»⁸³. Полагаем, что тем самым, автор выделяет в рамках правового исследования задачу, которая носит сугубо криминалистический (прагматический) характер. Только криминалистика, являясь правовой наукой, использует эмпирические методы исследования и познает с их помощью объективные закономерности действительности. Полагаем, что именно о необходимости эмпирического исследования пишет А.П. Гуськова, когда утверждает следующее: «чтобы решить вопрос о виновности, формах вины и мотивах преступления, необходимо установить, признавало ли лицо, совершая свои действия, чего оно при этом желало и т.д.»⁸⁴. Тем самым, можно сделать вывод о том, что процесс установления субъективной стороны преступления А.П. Гуськова видит, как сочетанное решение двух задач: а) установления фактических сведений о личности и совершенном деянии; б) правовая оценка и последующее использование этих сведений в качестве доказательств⁸⁵. Первая задача может быть представлена как создание криминалистической модели преступления, а вторая - как ее правовая оценка, после чего становится возможным использование собранных данных в уголовно-процессуальном доказывании. То же самое утверждает и М.К. Каминский: «... без изоморфной деятельностной модели нельзя решить ни одного правового вопроса, связанного с абстракцией «преступление»⁸⁶. Мысль автора заключается в том, что без эмпирического исследования, без этапа познания объективных закономерностей действительности и фиксации полученных знаний в криминалистической модели преступной деятельности невозможно перейти к этапу юридической оценки фактических обстоятельств. Моделирование преступной деятельности и создание ее модели является

---

⁸³ Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С. 102.

⁸⁴ Гуськова А.П. Развитие криминалистики как необходимое условие для решения задач уголовного судопроизводства // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики: генезис профессиональной защиты и представительства. Екатеринбург. Чароид. 2003. С. 45.

⁸⁵ Там же. С. 45.

⁸⁶ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «криминалистика» // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 3. Ижевск. 2001. С. 8.

средством для установления круга обстоятельств, которые в своей совокупности позволяют познать субъективную сторону преступления. Круг этих обстоятельств очерчен компонентным составом преступной деятельности.

М.К. Каминский предложил компонентную структуру преступной деятельности, в которой сведены в единую систему потребность, мотив, цель, задачи, результат, объект деятельности, действия и операции⁸⁷.

Результаты попыток решить специальную задачу криминалистики, заключающуюся в дальнейшем познании указанных в признаках состава преступления закономерностей объективной реальности фиксируются в криминалистических классификациях. Поэтому структура преступной деятельности предлагается рядом авторов в качестве основания, позволяющего разработать систему криминалистической классификации преступной деятельности. Так Н.И. Вытовтова обоснованно предлагает систему классификаций, состоящей из пяти групп: по субъекту преступления; по программно-целевому комплексу; по предмету посягательства; по преступной деятельности; по обстановке⁸⁸. Несмотря на то, что, как указывается самим автором, предложенная классификация концептуально совпадает с классификацией Р.С. Белкина, тем не менее, отметим важные для целей нашего исследования отличия. Так Р.С. Белкин за основу криминалистической классификации преступлений принимает состав преступления. В связи с чем, он выделяет четыре группы: классификации, связанные с субъектом преступления, с объектом преступления (личность потерпевшего, характер непосредственного предмета посягательства и др.), с объективной стороной (способ совершения и сокрытия преступления), с субъективной стороной (совершаемые с заранее обдуманным намерением и со внезапно возникшим умыслом)⁸⁹.

---

⁸⁷ Толстолицкий В.Ю., Каминский М.К. Компонентный состав преступной деятельности // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 2. Ижевск. 1999. С. 4-9.

⁸⁸ Вытовтова Н.И. Криминалистическая классификация преступной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Правоведение 2. 2001. С. 70-74.

⁸⁹ Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. Т. 3. М. Юристъ. 1997. С. 326.

Н.И. Вытовтова использует иное основание для создания классификаций, базируясь на структуре преступной деятельности. Полагаем, что такой подход в большей степени соответствует предмету криминалистики. Как было выше указано, сам Р.С. Белкин ставил на первое место среди частных задач криминалистики именно изучение объективных закономерностей действительности, составляющих основу предмета криминалистики. Поэтому логичнее взять в качестве объекта криминалистической классификации не преступление, а преступную деятельность, а в качестве классифицирующего основания не состав преступления, а структуру объекта, то есть структуру преступной деятельности.

Методологически верно подойдя к проблеме классификации, Н.И. Вытовтова сумела расширить группу классификаций, соответствующих субъективной стороне преступления. Объединив потребность, мотив, цель и установку в понятие программно-целевого комплекса, автор выделяет 4 группы признаков: 1. По форме вины; 2. По мотиву; 3. По цели; 4. По установке. В первой группе «По форме вины» выделяются: заранее обдуманное намерение, внезапно возникший умысел, неосторожность, невиновное причинение вреда. По мотиву: эмоции и чувства, корысть и др. По цели: причинение вреда жизни и здоровью, причинение морального вреда и др.

Полагаем, что правильно сделав первый шаг, автор на втором шаге допускает ту же неточность, которая не устроила ее в классификации Р.С. Белкина. То есть внутри системы классификации используются уголовно-правовые, а не криминалистические основания для классификации. Так, например, термины «невиновное причинение вреда» или «корысть» не являются детализацией преступной деятельности, хотя именно такая детализация и предполагается иерархическим построением системы классификаций. Таким образом, проблема автором поставлена верно, но указано лишь правильное направление, в котором следует искать решение. В классификации сохранился идеализированный объект, а структура живой деятельности субъекта преступления осталась не раскрытой в необходимом объеме.

В литературе приводятся уголовно-правовые классификации мотивов и рассматривается место мотивов в процессе доказывания. Так В.А. Кадров исследует такие мотивы преступления как корысть, хулиганские мотивы, месть, ревность, сексуальные мотивы⁹⁰. Он правильно отмечает, что в основе корысти, как мотива совершения преступления, может лежать стремление получить материальную выгоду в форме получения квартиры, занятия более высокой должности, а не только прямым насильственным действием по завладению какой-либо материальной ценностью. Следовательно, корыстный мотив это уголовно-правовая абстракция, которая еще должна наполниться криминалистическим содержанием в ходе формирования криминалистической модели преступления. Тем самым подтверждается ранее приведенное положение Р.С. Белкина⁹¹.

Правильно указывает Н.В. Матушкина на то, что традиционно используемая в методике расследования какой-либо категории уголовных дел криминалистическая характеристика преступления обладает рядом недостатков и наибольший из них заключается в том, что она фрагментарно отражает отдельные стороны преступной деятельности. Поэтому более предпочтительно формировать криминалистическую модель преступления, которая дает целостное представление о компонентах преступной деятельности, о взаимосвязях и взаимозависимостях между ними, а также позволяет отразить динамику (функционирование и развитие преступной деятельности) и механизмы слеодообразования (информирование)⁹².

Выделение компонентной структуры деятельности является необходимым условием для понимания процесса отражения преступной деятельности в материальных и идеальных следах. Неоднородная по своей структуре система преступной деятельности тем не менее представляет собой единое целое

---

⁹⁰ Кадров В.А. Понятие и классификация мотивов и их место в процессе доказывания // Вестник Удмуртского университета. №6 (1). 2004. С. 68-75.

⁹¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. Т. 3. М. Юристъ. 1997. С. 330.

⁹² Матушкина Н.В. Криминалистическая модель преступной деятельности уклонения от уплаты налогов // Проблемы правового регулирования в современных условиях (Материалы научно-практ. конф.) Ижевск. 1997. С. 83.

и поэтому в каждом из своих отображений эта система именно в силу собственного целостного характера запечатлевает все свои структурные компоненты. Степень выраженности при фиксации в следовоспринимающем объекте того или иного компонента определяется совокупностью факторов, в том числе природой следообразующего объекта и характером взаимодействия отображаемого объекта с отображающим.

В связи с чем, при реконструкции преступления возникает необходимость учитывать как неоднородность отображаемой системы, заключающейся в компонентном составе преступной деятельности, так и особенности взаимодействия с отображающим объектом и природу последнего.

Выводы.

1. Личностный подход и определенная «психологизация» является важнейшей чертой современного уголовного права России. Уже в первых нормах УК РФ, где дается определение понятия преступления (ст. 14 УК РФ) впервые в отечественном праве наряду с собственно юридическим признаком, указывается психологический – вина: «виновно совершенное общественно-опасное деяние». Содержание уголовно-правового понятия формы вины представлено такими психологическими категориями, которые указывают на работу сознания (осознавал, желал и предвидел). В связи с чем, субъективная сторона преступления определяется в уголовном праве, как психическая деятельность лица, связанная с совершением преступления, представляющая собой единство интеллектуальных, волевых и мотивационных процессов. Мотив и цель – факультативные признаки субъективной стороны преступления – являются юридическими признаками и тоже имеют психологическое содержание.

2. Субъективная сторона преступления (как и иные признаки состава) есть понятие, которое образовано методом идеализации. Идеализация это мысленное конструирование понятий об объектах, не существующих и не осуществимых в действительности, но таких, для которых имеются прообра-

зы в реальном мире. В реальной действительности есть преступная деятельность конкретного субъекта, отдельные стороны которой являются прообразами для системы психологических понятий, включая сознание, и системы уголовно-правовых понятий, включая субъективную сторону преступления. Ни человеческого сознания (или психики субъекта), ни субъективной стороны преступления без преступной деятельности субъекта не существует. Поэтому перечисленные системы понятий получены путем абстрагирования от иных сторон преступной деятельности. Идеализация, как метод научного познания, тесно связана с методом моделирования, хотя и не совпадает с ним полностью. Уголовно-правовая модель преступления формируется посредством применения двух методов – идеализации и моделирования. В связи с чем, при использовании уголовно-правовой модели, то есть осуществлении практической деятельности, в которой применяются в качестве средства познания указанный идеализированный объект, возникает задача интерпретации структурных его элементов в терминах реальных объектов. Такой возврат к объективной реальности от уголовно-правовой модели преступления и предмета доказывания осуществляется в уголовном судопроизводстве, в результате чего возникает предмет и задачи (общая, специальные и конкретные) самостоятельной науки – криминалистики.

3. Одной из задач криминалистики оказывается интерпретация признаков состава преступления при исследовании конкретного деяния. Под интерпретацией понимается обнаружение соответствия между системой понятий идеализированного объекта (уголовно-правовой модели преступления) и реальной преступной деятельностью.

Решение этой задачи криминалистики совершенно верно указал Р.С. Белкин, когда писал: «В уголовно-процессуальном законе содержится общая формула предмета доказывания, на базе которой криминалистическая методика разрабатывает круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждой категории уголовных дел, являющейся элементом криминалистической характеристики преступлений». Это значит, что отправляясь от общей характе-

ристики предмета доказывания, даваемой уголовно-процессуальным законом, криминалистика разрабатывает конкретные частные методики, с целью максимальной детализации предмета доказывания по конкретной категории дел преступлений и наполнения абстрактной обобщенной уголовно-процессуальной формы конкретным для данного дела содержанием.

4. Состав преступления представляет собой идеализированный объект, который является мысленной познавательной конструкцией, и служит важнейшим познавательным средством, используемым криминалистикой при разработке частных методик расследования отдельных видов преступлений. В то же время, самостоятельной задачей криминалистики становится решение проблемы криминалистического обеспечения установления признаков субъективной стороны преступления. Поэтому указанная задача может быть отнесена к перечню конкретных задач криминалистики. Выдвижение этой конкретной задачи на первый план в криминалистической методике расследования отдельных видов преступлений обусловлено принципиальными нововведениями в дух и букву Российского законодательства.

5. Анализ системы специальных криминалистических задач, проведенный с позиции поиска путей установления субъективной стороны преступления, позволил сформулировать эту проблему, как конкретную задачу криминалистики. На современном этапе развития криминалистики указанная конкретная задача в силу произошедшего изменения законодательства является приоритетной в ряду задач, определяющих содержание научных разработок в области частных криминалистических методик.

Одним из результатов проведенного нами исследования конкретной задачи, определяющей все содержание нашего исследования, стало обнаружение методологической базы и основных средств ее решения. Сформулированная выше конкретная задача не нова как для общей теории криминалистики, так и для криминалистической методики. Одной из неудачных попыток ее решения было создание криминалистической характеристики преступлений. Такой вывод не означает отсутствие потребности в криминалистиче-

ской характеристике преступлений. Речь идет о том, что данная задача не может быть решена с помощью этого научного средства. Суть несоответствия заключается в том, что криминалистическая характеристика является таким же идеализированным объектом как и уголовно-правовая модель преступления. Поэтому многие их элементы либо соответствуют друг другу, либо полностью тождественны.

Сформулированная нами конкретная задача криминалистики заключается в возврате от абстрактной модели преступной деятельности к самой преступной деятельности, как «живой» деятельности субъекта, как реально существующего материального явления, в ходе осуществления которого происходит образование материальных и идеальных следов. Для темы нашего исследования, как частного случая решения конкретной криминалистической задачи, это означает необходимость, во-первых, указания тех структурных компонентов реальной предметной деятельности субъекта преступления, которые до начала конкретного расследования закреплены в нормах Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, во-вторых, исследования путей использования этих объективных закономерностей в криминалистической методике.

Тем самым, в ходе нашего исследования должны быть разрешены обе указанные частные исследовательские задачи, вытекающие из рассматриваемой конкретной задачи криминалистики. Решение первой частной исследовательской задачи представляет собой формирование уточненной, в целях установления субъективной стороны преступления, криминалистической модели преступной деятельности. Решение второй частной исследовательской задачи видится в определении места этой модели в криминалистической методике, а также анализе возможностей ее использования при разработке частных криминалистических методик.

ГЛАВА 2. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Закономерности отражения преступления в психике субъекта преступной деятельности

Категория «отражение» как основное понятие теории криминалистики.

Научные понятия представляют собой результат научного познания и с их помощью фиксируется знание об объективной реальности. Таким образом, система научных понятий является отображением предмета исследования данной науки, то есть следствием познания объекта и предмета науки. В нашем исследовании мы столкнулись с противоположной ситуацией. Развитие системы правовых категорий и понятий, относящихся к субъективной стороне преступления, опередило познание объективных закономерностей соответствующих психических явлений.

В связи с чем, целью данной главы является научный поиск, описание и теоретическое исследование, а также формулировка закономерностей объективной действительности, которые предопределяются системой понятий, включенных в субъективную сторону преступления, и составляют частные закономерности предмета криминалистики.

Таким образом, задачей данной главы является поиск частного (ограниченного темой диссертационного исследования) решения следующей специальной задачи криминалистики: дальнейшее изучение объективных закономерностей действительности, составляющих основу предмета криминалистики. В определенной степени, в рамках объекта и предмета научного исследования. решение указанной задачи связано и с решением второй задачи,

закрывающейся в развитии некоторых положений общей и частных теорий криминалистики, являющихся базой для разработки криминалистических средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений.

Как было указано в первой главе, субъективная сторона преступления представляет собой идеализированный объект, который требует интерпретации в ходе криминалистического исследования реальной преступной деятельности. В этом заключается конкретная задача криминалистики, решаемая в рамках самостоятельного раздела криминалистики - криминалистической методики. Тем самым, ход нашего исследования повторяет путь формирования частных криминалистических методик и может быть представлен как восхождение от абстрактного к конкретному. Исходной абстракцией являются в данном случае нормы уголовного права и уголовно-процессуального права, в которых определяются элементы субъективной стороны преступления и соответствующая часть предмета доказывания.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному обуславливает необходимость выделения в нашем исследовании следующих содержательных составляющих. Во-первых, закономерности объективной действительности, которые приведены в философской, криминалистической, психологической, физиологической, кибернетической, и иной научной литературе. Во-вторых, исходные абстракции, с которых начинается восхождение к конкретному, и отношения их между собой. Такими абстракциями являются следующие идеализированные объекты: а) уголовно-правовая модель преступления, включая субъективную сторону в виде формы вины, элементов вины, мотивов и целей; б) криминалистическую характеристику преступлений; в) криминалистическую модель преступной деятельности в том случае, когда она выполняет функцию средства познания реальной преступной деятельности. В-третьих, отношение между идеализированными объектами и объективной действительностью. Сюда включаются отношения между, с одной стороны, признаками состава преступления, обстоятельствами, подлежащими доказыванию, элементами криминалистической характеристики преступлений, а с

другой, - моделью преступной деятельности, когда последняя выполняет функцию отображения реальной преступной деятельности и замещения собой объекта познания в сознании субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

При изложении самостоятельных разделов данной главы, мы пытались отобразить в них каждую из указанных содержательных сторон и, таким образом, сохранить объективно существующие связи между ними.

Криминалистическая теория отражения

Анализ существующих в литературе определений субъективной стороны преступления, а также вины, свидетельствует о том, что в их основе лежит указание на психические процессы субъекта преступления.

Так, например, В.А. Никонов указывает, что субъективная сторона преступления это психическая деятельность лица, связанная с совершением преступления, представляющая собой единство интеллектуальных, волевых и мотивационных процессов⁹³. Авторы комментария к Уголовно-процессуальному кодексу РФ полагают, что вина это предусмотренное уголовным законом психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому деянию или последствиям, и утверждают, что «по каждому уголовному делу подлежит доказыванию степень осознания лицом объективных признаков состава преступления и волевое отношение к последствию (желание или нежелание их наступления)⁹⁴.

В связи с чем, криминалистическое исследование закономерностей объективной реальности, указываемых понятием субъективная сторона преступления, логично начать с рассмотрения сущности психических процессов. Эта сущность выражается прежде всего в том качестве, в каком психические процессы включены в уголовно-правовую модель преступления. Рассматри-

---

⁹³ Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) 2001. Тюмень. С. 122.

⁹⁴ Комментарий в Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М. Эксмо, 2003. С. 137.

вая психические процессы с этой стороны, обнаруживаем, что они регулируют поведение субъекта, представляют собой управляющую систему в структуре деятельности, чем и определяется их сущность и функция.

Указанная функция психических процессов подчеркивается и психологами. В то же время, сама регуляция базируется на более фундаментальном свойстве психики – отражении. В юридической психологии под сознанием понимают свойственную лишь человеку высшую форму отражения объективного мира, реализующуюся в совокупности психических процессов⁹⁵.

В психологии указывается, что функция психики состоит в отражении свойств и связей действительности и регуляции на этой основе поведения и деятельности человека⁹⁶. Л.Б. Ительсон считает, что психическая деятельность заключается в отражении объективных свойств реальности, регулирующих поведение и деятельность⁹⁷. Он же определяет психологию, как науку об отражательной деятельности мозга, регулирующей поведение и деятельность. В.А. Крутецкий пишет о том, что учение о происхождении и сущности психики развивается на основе теории отражения, согласно которой психика есть особое свойство особым образом организованной материи, заключающейся в способности этой материи отражать окружающий мир⁹⁸.

Однако, подчеркивает автор, в отличие от отражения, которое происходит в неживой природе, психическое отражение осуществляется не пассивно, а представляет собой активный процесс взаимодействия человека с окружающим миром, в деятельности человека⁹⁹. Психология выделяет в деятельности субъекта аспект, который называет саморегуляцией деятельно-

---

⁹⁵ Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. М. ТК Велби. Изд-во Проспект, 2004. С. 41.

⁹⁶ Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии. Мн. Харвест. «Издательство АСТ». 2000. С. 21.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Крутецкий В.А. Психология. М. Просвещение. 1980. С. 11.

⁹⁹ Там же. С. 12.

сти¹⁰⁰. М.И. Еникеев определяет психику человека, его сознание, как систему психической саморегуляции, основанной на социально сформированных категориях и ценностных ориентациях¹⁰¹.

Ряд авторов, раскрывая сущность сознания, ставят на первое место механизм, с помощью которого осуществляется такая регуляция. Так А.В. Петровский, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко видят сущность сознания в том, что «отношение к среде в сознании человека оказывается опосредованным идеальными ее отражением, которое практически осуществляется в языке»¹⁰². А.Н. Леонтьев считал психологию наукой о психическом отражении реальности, которое опосредует жизнь индивидов¹⁰³. Выделение наукой процессов саморегуляции и превращение их в предмет самостоятельного исследования и стало основой зарождения психологической науки. Механизмы саморегуляции в этой науке были обозначены понятием «внутренняя деятельность», которая все же осталась свернутой и погруженной вовнутрь (интериоризированной) внешней деятельности¹⁰⁴.

Поэтому закономерно, что термин «внутренняя деятельность» и в юридических науках после его заимствования из психологии имеет значение процессов регуляции преступного поведения или преступной деятельности. Так З.З. Зинатуллин справедливо отмечает, что обстоятельства, перечисленные в ряде статей УПК РФ (например, ст. 73, 421, 434 и другие), обязывают восстановить в каждом конкретном случае картину «совершенного преступ-

---

¹⁰⁰ Боуэн М. Духовность и личностно-центрированный подход // Гуманистическая и трансперсональная психология. Хрестоматия. / составитель К.В. Сельченко. Мн. Харвест. М. АСТ, 2000. С. 161.

¹⁰¹ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. М. Юристъ. 1996. С. 51.

¹⁰² Общая психология /Под ред. А.В. Петровского. 3-е изд. М. Просвещение. 1986. С. 31.

¹⁰³ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. Политиздат. 1977. С. 12.

¹⁰⁴ Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. Избранные психологические труды. М. –Воронеж. 1998. С. 289. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Издательство МГУ. 1981. С. 392-394; 396.

ления во всех его проявлениях, в том числе познания внешнего и внутреннего механизма преступления»¹⁰⁵.

Правильный образ соотношения внутренней (психической) и внешней (предметной) деятельностей приводит Б.С. Братусь, рассматривая цепь указанных деятельностей, которые «сами себя порождают, не имеют другого начала, кроме как в самих себе, не имеют как в ленте Мебиуса, четко выраженного внешнего и внутреннего, внешнее и внутреннее плавно переходят одно в другое»¹⁰⁶.

Итак, можно констатировать тот факт, что функция, которая отводится в науке уголовного права субъективной стороне преступления и науке уголовного процесса категориям вина и форма вины, совпадает с содержанием и функцией основных категорий психологической науки, через которые раскрывается психологическая теория вины. Предметом психологии как науки является исследование соответствующих субъективной стороне преступления объективных закономерностей. Рассматриваемые психологией закономерности объективно существуют и могут быть по своему содержанию сведены к следующим положениям.

Во-первых, психические процессы представляют собой только определенную часть деятельности субъекта, выделенную из целостного системного образования, но получившую, в силу своей важности и специфичности, собственное название: «внутренняя» или «психическая» деятельность. Критерием, на основании которого производится выделение из целого этой части деятельности в самостоятельную внутреннюю деятельность, является функция управления поведением (внешней или предметной деятельностью) субъекта.

Объективной основой для выделения психических процессов в систему управления является фундаментальное свойство природы – свойство отраже-

---

¹⁰⁵ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск. 2003. С. 204.

¹⁰⁶ Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // Гуманистическая и трансперсональная психология. Хрестоматия. / составитель К.В. Сельченко. Мн. Харвест. М. АСТ, 2000. С. 54-70.

ния. Особенностью психического отражения является то, что оно осуществляется внутри психики субъекта. Таким образом, если рассматривать направленность процесса психического отражения, то по своей природе он является отражением вовнутрь. Отражение вовнутрь и является психическим отражением, которое осуществляет субъект для ориентировки в окружающей среде и управления своим поведением.

Наконец, последним из положений, которые следует привести, является то, что процесс отражения вовнутрь, если его рассматривать с точки зрения механизмов управления поведением, то есть в прикладном узком смысле, представляет собой обратную связь в контуре управления, которая образуется между внешней и внутренней деятельностью.

Рассмотрим теперь криминалистические представления о содержании категории отражения.

Категория «отражение» является важнейшей криминалистической категорией, лежащей в самом фундаменте современной криминалистики. Р.С. Белкин пишет: «Я пришел к твердому убеждению, что концептуальная философская категория отражения составляет философский, теоретический и практический фундамент криминалистики, что эта категория охватывает фактически все направления криминалистической науки и многие другие философские категории, используемые в ней»¹⁰⁷. Взяв за основу категорию «отражение», автор выделяет «три «кита» современной криминалистики»: «отражение», «след» и «образ»¹⁰⁸. Его точку зрения поясняет А.Р. Белкин: «обычно отражение определяется как взаимодействие материальных тел или как результат этого взаимодействия»¹⁰⁹.

Такое понимание процесса отражения связывается с образованием материальных следов. То есть теми механическими, физическими, химическими взаимодействиями материальных тел, которые приводят к изменению ма-

---

¹⁰⁷ Р.С. Белкин. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. НОРМА. 2001. С. 49.

¹⁰⁸ Там же. С. 47-67.

¹⁰⁹ Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. М. НОРМА. 1999. С. 29.

териальных объектов в ходе осуществления преступной деятельности. Криминалистическая теория отражения в своей основе опирается на следующую, предложенную Р. С. Белкиным,¹¹⁰ схему (рис. 2) - схему акта отражения.

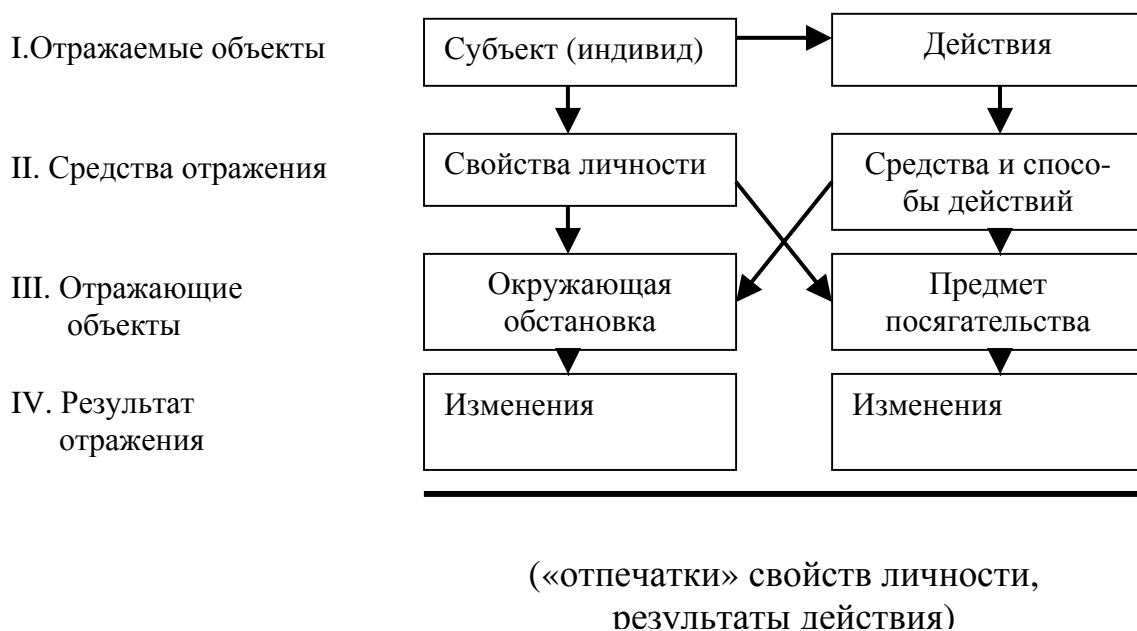

Рис. 2. Система взаимосвязей отражаемого и отражающего
(по Р. С. Белкину)

Отметим, что разработанная автором схема раскрывает закономерности следового отражения действия в материальной среде и поэтому представляет собой закономерности внешнего отражения преступления, то есть отражения преступления вовне. Р.С. Белкин подчеркивал, что: «отражаемыми объектами в процессе возникновения информации о преступлении становятся элементы преступления... Строго говоря, непосредственно отражаемыми объектами являются субъект и объективная сторона преступления»¹¹¹.

При этом Р.С. Белкин особо указал, что при анализе отражения он сознательно ограничивается одной из наиболее существенных для криминали-

¹¹⁰ Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. 1986. С. 60.

¹¹¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. 2001. С. 67.

стки сфер, в которой протекает этот процесс, – отражением в неживой природе¹¹².

Приведенная выше научная позиция выдающегося отечественного криминалиста Р.С. Белкина полностью и без каких-либо существенных изменений принята всеми отечественными учеными. В изложенном нами виде или укороченном варианте, но неизменной по своему содержанию, она приводится в каждом учебнике криминалистики из числа изданных за последние пятнадцать – двадцать лет¹¹³.

Не могут быть подвергнуты сомнению положения этой теории. Однако, если сопоставить те закономерности объективной реальности, которые рассматриваются в криминалистической теории отражения, с теми закономерностями, которые указываются в качестве обстоятельств объективной реальности, подлежащих установлению нормами уголовного и уголовно-процессуального законов (и являющихся предметом исследования психологии), то можно обнаружить их не совпадение.

Не совпадение заключается в том, что, как нормы права, так и психология, в качестве объективных закономерностей указывают процессы психического отражения, то есть отражения вовнутрь, тогда как криминалистическая теория отражения, поставив во главу угла, при анализе процесса отражения, механизм слеодообразования, рассматривает отражение преступной деятельности вовне.

Тем самым, с точки зрения диссертанта, криминалистика оставляет без внимания существенный объем закономерностей, из которых прежде всего упускаются закономерности, представляющие собой психическое отражение, как отражение вовнутрь. На этом основании можно сделать вывод, что в тео-

---

¹¹² Белкин Р.С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Норма-Инфора М. М. 2001. С. 52.

¹¹³ Например, Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учебное пособие. М. Юристь. 2002. С. 11; Яблоков Н.П. Криминалистика. Учебник для вузов и юридических факультетов. М. ЛексЭст. 2003. С. 25; Криминалистика. Учебник. / Под ред. Е.П. Ищенко. М. Юристь. 2000. С. 18; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Юристь. М. 1997. Том. 1. С. 118; Белкин Р. С. Курс криминалистики. 2001. С. 74 и другие.

рии криминалистики не разработаны теоретические положения, на основе которых можно было бы базировать решение конкретной задачи криминалистики, заключающейся в эмпирическом исследовании тех закономерностей преступной деятельности, которые подлежат познанию при установлении субъективной стороны преступления.

Р.С. Белкин попытался исправить положение путем введения криминалистической категории «образ», рассматривая последний в качестве идеального следа. Идеальный след представляет собой психическую деятельность субъекта, являющегося его носителем. Однако, такое смещение акцентов тут же приводит к полному исключению из криминалистического анализа проблем установления субъективной стороны преступления.

Так, например, О.Я. Баев отмечает, что «материальные следы преступления и криминалистические средства работы с ними изучаются криминалистической техникой; идеальные – криминалистической тактикой и методикой расследования (исследования) отдельных видов и категорий преступлений»¹¹⁴. Далее автор пишет: «следы преступления, как криминалистически значимые отображения преступной деятельности, можно классифицировать на два вида: – материальные следы. К ним относятся «отпечатки» события на любых материальных объектах: предметах, документах, теле и (или) организме потерпевшего, обстановке события и т.д.; – идеальные следы – отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление, и (или) к нему прикосновенных (например, укрыватели преступления и т.п.), потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей и т.д.; в связи с таким характером этих следов их еще именуют «интеллектуальными» или «памятными» следами»¹¹⁵.

Далее автор переходит к обсуждению материальных следов, а данных об идеальных следах более не приводит, как не рассматривает он и механизм следообразования. Если бы автором было поставлена задача рассмотреть ме-

---

¹¹⁴ Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М. Экзамен. 2001. – С. 57.

¹¹⁵ Там же.

ханизм формирования идеальных следов, то в результате он пришел бы к теоретической проблеме отражения вовнутрь. Это показывает высокую теоретическую значимость сформулированной нами выше конкретной задачи криминалистики и необходимость ее теоретического исследования.

Предлагаемое нами разделение закономерностей отражения преступной деятельности на те, которые имеют направление вовне и те, которые направлены вовнутрь, имеет существенное значение для криминалистики. В публикациях различных авторов подчеркивается, что криминалистика базируется на отражении преступления вовне – в окружающей среде. Так Н.П. Яблоков и В.В. Крылов пишут: «событие преступления, как одно из материальных явлений действительности ... обладает свойством отображения своих характерных черт в окружающей его среде...»¹¹⁶, а Н.П. Яблоков внес термин «отображение вовне» в название одного из параграфов учебника¹¹⁷. А.Р. Белкин употребляет термин «вовне» при анализе закономерностей отражения личности¹¹⁸.

Очевидно, что использование термина отражение преступной деятельности «вовне», предполагает и подразумевает наличие противоположного по своему направлению механизма отражения – отражения «вовнутрь». Однако, озвучивание этой проблемы в публикациях по криминалистике не встречается. В результате чего закономерности отражения вовнутрь, лежащие в основе понятий уголовного и уголовно-процессуального права «субъективная сторона преступления», «форма вины» и ряда других, остается в криминалистике не разработанными.

В качестве одной из причин, приведших к наличию теоретического пробела в криминалистической теории отражения, может быть факт недостаточной разработанности в качестве криминалистических методов кибернети-

---

¹¹⁶ Яблоков Н.П., Крылов В.В. Информационно-структурные основы криминалистического изучения преступной деятельности и ее расследования // Криминалистика. Учебник. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. Юристъ. 2002. С. 27.

¹¹⁷ Там же. С. 36.

¹¹⁸ Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. М. НОРМА. 1999. С. 31.

ческого метода моделирования. Поскольку психические процессы являются системой управления поведением, то они должны быть представлены в модели преступной деятельности контуром управления - контуром, содержащим обратную связь.

Психическое отражение и его кибернетическое моделирование.

Схематическое изображения контура с обратной связью можно найти в любом учебнике по автоматическим системам управления. Контур с обратной связью является базовым понятием кибернетики (рис. 3).

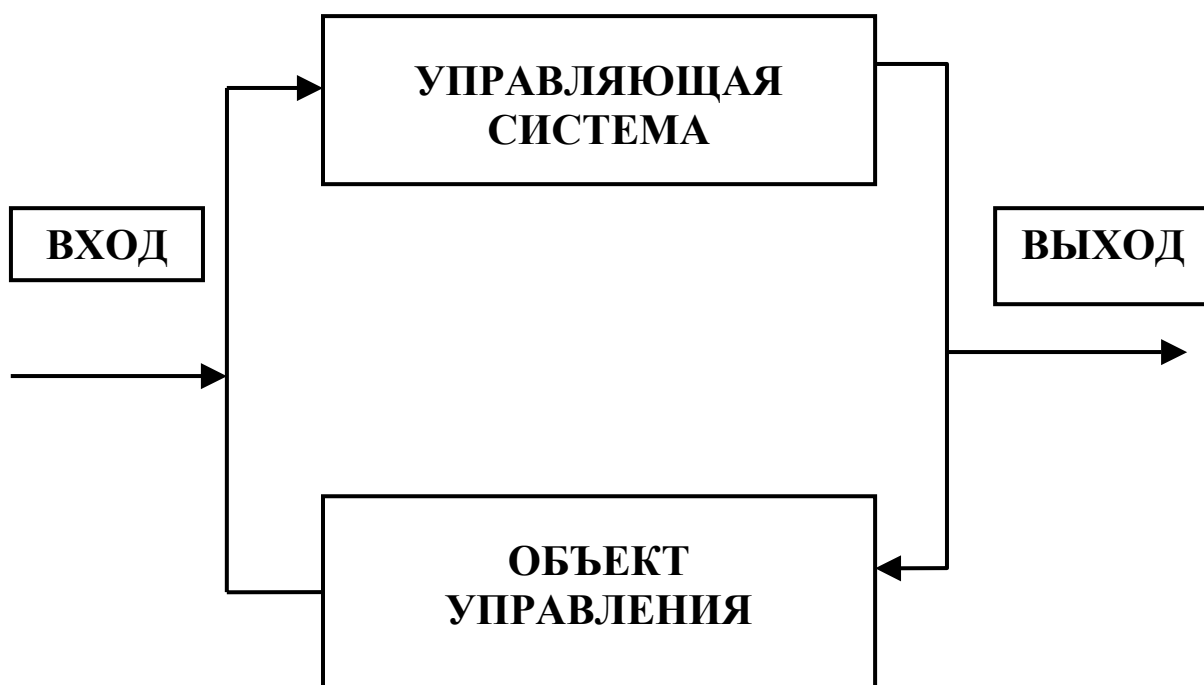

Рис. 3. Контур с обратной связью

Смысл кибернетического подхода к объектам научного исследования заключается в том, что исследуемый объект разделяется на управляющую систему (рис. 3), объект управления, управляющее воздействие управляющей системы на объект, приводящее к изменению поведения или свойств объекта и обратной связи, на основании которой управляющая система получает сообщение о текущем состоянии объекта управления.

Контур обратной связи лежит в основе автоматического управления, позволяющего достичь поставленной цели путем использования неоднократного воздействия на объект управления. Таким образом, на входе (рис. 3) контура существуют два параметра: исходное состояние объекта и требуемый результат (цель), фиксированный в системе управления. На выходе контура, в идеальном случае работы контура, состояние или свойства объекта совпадают с заданными управляющей системе параметрами результата.

Как правило, указанные представления связывают с именем Н. Винера, который в 1948 году использовал термин кибернетика для обозначения новой науки¹¹⁹.

Задача корректировки выполняемых действий с помощью контура обратной связи может быть представлена схематически (рис. 4).

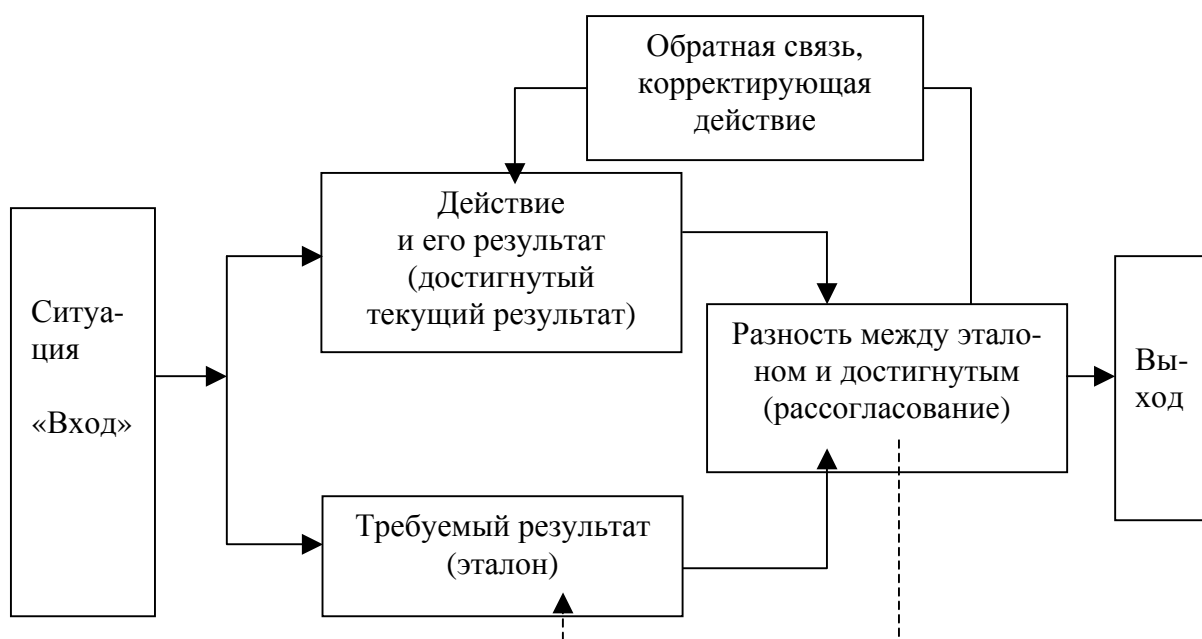

Рис. 4. Схема сравнения достигнутого и требуемого результатов действия и обратная связь, обеспечивающая управление по рассогласованию

На рис. 4 показан механизм, с помощью которого происходит управление. В основе этого механизма лежит сравнение ожидаемого результата с ре-

¹¹⁹ Райнес Р.Л., Горяинов О.А Телеуправление. Изд. 2-е М. Энергия. 1965. С. 18.

ально достигнутым. При несовпадении результатов, называемом рассогласование цели и результата действия, осуществляется необходимая корректировка.

Самым важным моментом в приведенных рассуждениях является то, что коррекция поведения осуществляется целенаправленно только путем сравнения результата с целью. Отсюда требуется указать на средства в составе действия, позволяющие осуществить операцию сравнения.

На этой основе можно предложить схематическое изображение концепции преступной деятельности, исходя из общих положений уголовного права о регулирующей функции психики (рис. 5).

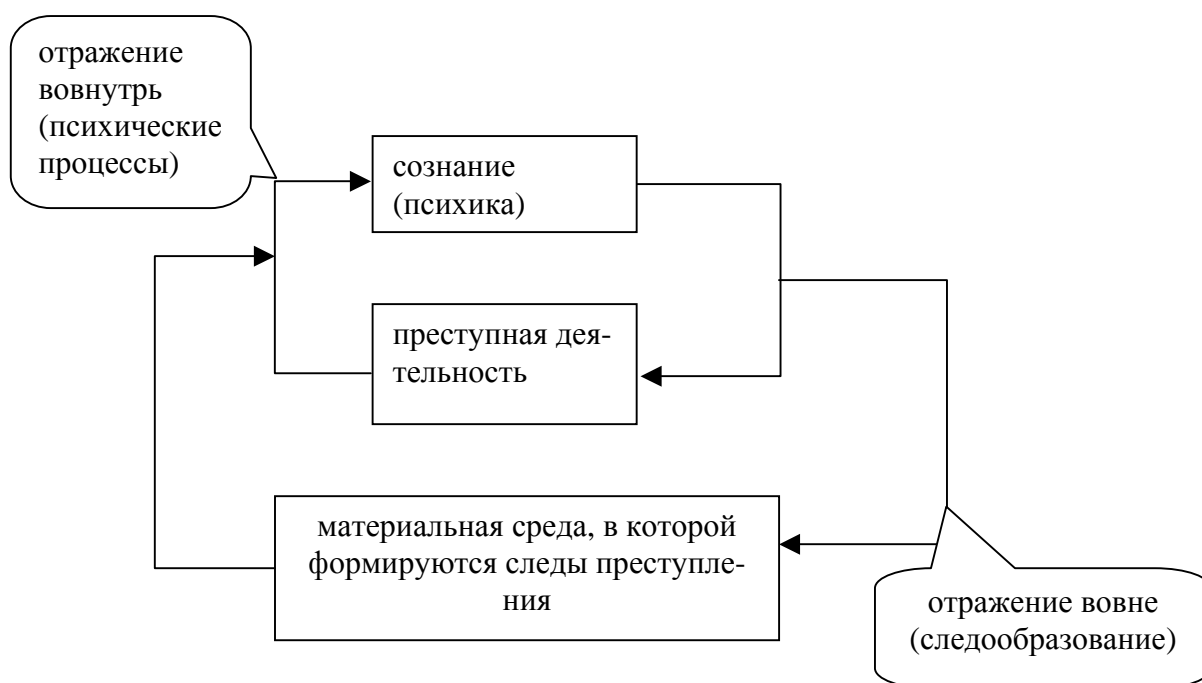

Рис. 5. Психическое отражение выступает как регулятор преступного поведения

Предложенная нами схема совпадает с положениями психологов и криминологов. Так А.Н. Леонтьев включил кибернетические методы исследования в арсенал средств, позволяющих изучать психическую деятельность человека. Рассматривая проблему применения методов кибернетики в психологии, он пишет: «...распространение в ней кибернетического подхода имеет иное научное оправдание. Ведь психология – это конкретная наука о возник-

новении и развитии отражения человеком реальности, которое происходит в его деятельности и которое, опосредствуя ее, выполняет в ней реальную роль. Со своей стороны кибернетика ... позволяет ввести в изучение процессов отражения количественные методы и этим обогащает учение об отражении как общем свойстве материи»¹²⁰.

В ходе уголовно-правового исследования принципа субъективного вменения В.В. Лунеев приходит к следующему пониманию процесса формирования мотивации преступного поведения. Он пишет: «В широком плане мотивация преступного поведения может быть определена как внутренний субъективный стержень (процесс) преступления, который включает в себя актуализацию потребности, формирование конкретного мотива, опредмечивание мотива в цели, выбор путей достижения цели, предвидение и прогнозирование возможных последствий, принятие решения действовать, контроль и коррекция совершаемых действий на основе действующего мотива и другие моменты»¹²¹.

Сравнивая перечисленные В.В. Луневым структурные элементы преступного поведения со схемой, приведенной на рис. 5, обнаруживаем не только полное соответствие, но и возможность конкретизировать с помощью модели те связи, без которых не возникает преступления, как целостной системы.

Академик В.Н. Кудрявцев предложил модель преступного поведения и изобразил ее в виде графической схемы¹²². Целью создания модели автор избрал отображение динамики развития конкретного преступления. Им отмечается, что «используя ... динамическую модель генезиса преступления, можно проследить, как формируется и осуществляется решимость человека на совершение преступления, при каких показателях силы и напряженности того или иного психического процесса преступная активность становится

---

¹²⁰ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 1977. С. 53.

¹²¹ Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. Спарк. 2000. С. 62.

¹²² Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. Учеб. пособие. М. Форум-инфра-М. 1998. С. 33.

достаточно высоко вероятной или даже неизбежной ... анализ этой динамики дает возможность прогнозировать поведение отдельных лиц ... с точки зрения возможного выбора или будущего поступка»¹²³.

Диссертант разделяет позицию процитированного автора и считает, что динамическая характеристика преступления, которая для криминалистических исследований точно определяется ранее указанным понятием «механизм преступной деятельности», является одной из наиболее важных сторон как в раскрытии и расследовании преступления, так и в ходе уголовно-правовой оценки деяния.

В процитированной работе В.Н. Кудрявцев приводит подробный анализ предложенных в литературе моделей преступления и преступного поведения. Им рассматриваются криминологические модели преступного поведения, использованные в работах Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского, В.В. Лунеева, Ю.М. Антоняна и Ю.Д. Блувштейна, О.А. Гаврилова, Г.А. Аванесова, В.А. Леванского, В.А. Минаева, Д.О. Хан-Магомедова, С.Е. Вицина, Б.В. Андреева, В.В. Панкратова и М. В. Самольяновой.

На основании обзора литературы автор приходит к выводу о том, что, только с помощью включения в модель обратных связей, появляется возможность адекватного модельного выражения реальных закономерностей развития преступного поведения. Однако, лишь в одной модели, предложенной Ю.М. Антоняном и Ю.Д. Блувштейном, авторы отказались от линейного изображения генезиса преступления и применили обратную связь, с целью отображения динамики индивидуального преступления¹²⁴.

Рассмотренные выше психологические и уголовно-правовые модели имеют важное познавательное значение, но не могут быть без определенных изменений перенесены в криминалистику и использованы с целью решения рассматриваемой нами конкретной криминалистической задачи. Для того чтобы понять причины невозможности некритичного заимствования крими-

---

¹²³ Там же. С. 25.

¹²⁴ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. Учеб. пособие. М. Форум-инфра-М. 1998. С. 25.

налистикой ранее указанных моделей, следует рассмотреть одну из фундаментальных категорий криминалистики - категорию деятельности.

2.2. Место элементов субъективной стороны преступления в криминалистической модели преступной деятельности

Деятельность как криминалистическое понятие. Одной из наиболее фундаментальных категорий криминалистики является категория деятельности. В механизме преступления Р.С. Белкин именно преступную деятельность рассматривал в качестве предмета исследования криминалистики. Диссертант разделяет мнение тех ученых, например, Н.П. Яблокова и Л.Д. Самыгина¹²⁵, В.Я. Колдина¹²⁶, М.К. Каминского¹²⁷, А.Ф. Лубина¹²⁸ и других авторов, которые полагают, что категория преступной деятельности представляет собой одну из сторон двуединого предмета криминалистики, образованного преступной деятельностью и деятельностью по выявлению и расследованию преступлений.

М.К. Каминский правильно выделяет ряд методологических идей, на которых базируется современная криминалистика. Среди них автор отмечает прежде всего следующие категории «отражение», «деятельность», «системность». Однако, вслед за Р.С. Белкиным, М.К. Каминский рассматривает в связи с категорией деятельности лишь отображение ее вовне, и понимает деятельность как материальное явление, которое посредством закономерностей

---

¹²⁵ Самыгин Л.Д., Яблоков Н.П. Информационные основы расследования и криминалистическая характеристика преступления // Криминалистика. Учебник. Под ред. Н.П. Яблокова. М. БЕК. 1996. С. 34;

¹²⁶ Колдин В.Я., Яблоков Н.П. Преступная деятельность и криминалистическая деятельность как двуединый объект криминалистического изучения // Криминалистика. Учебник. Под ред. Н.П. Яблокова. М. Юристъ. 2000. С. 15.

¹²⁷ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Ижевск. 2001. Вып. 3. С. 5-16. Отметим, что М.К. Каминский выделяет связь между обеими деятельностями в качестве основы определения предмета криминалистики.

¹²⁸ Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 25.

отражения в неживой природе отображается в следах преступления, которые в свою очередь отображаются субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений. «В процессе раскрытия преступления, – указывает М.К. Каминский, отражается деятельность и отражается отражение деятельности, в силу чего и воссоздается в изоморфной модели минувшее деятельностное событие, называемое преступлением»¹²⁹. Тем самым, если и уделяется какое-либо внимание психическому отражению, то речь идет о субъекте деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, но не субъекте преступной деятельности. Тем самым упускаются из вида закономерности преступной деятельности и протекающий в ее системе процесс отражения вовнутрь.

Анализируя взгляды таких ученых, как Андреев И.С. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. Баев О.Я. Возгрин И.А. Петелин, Б. Я. Самыгин Л.Д,¹³⁰ с точки зрения выявления отношения двух категорий криминалистики «отражение» и деятельность», можно прийти к выводу о том, что отражение в криминалистике понимается только в качестве отражения преступной деятельности вовне, в следах преступления. Но оно не включено в качестве структурного элемента в систему преступной деятельности. Включение в систему преступной деятельности в качестве самостоятельного структурного компонента отражения вовнутрь, с нашей точки зрения, является возможным путем решения проблемы криминалистического исследования субъективной стороны преступления и тех «неуловимых» психических процессов, которые обозначаются этим элементом состава преступления.

---

¹²⁹ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Ижевск. 2001. Вып. 3. С. 5-16.

¹³⁰ Андреев И.С. и др. Курс криминалистики. Высшая школа (Минск), 2000, 335 с; Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика. Норма, 2004, 973 с; Баев О.Я. Криминалистика. Сборник задач и заданий. ПРИОР, 2001, 176 с; . Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. Юридический центр Пресс, 2003, 475 с. Возгрин И.А. и др. Криминалистика. Схемы и терминология. СПбГУ МВД России, 2000, 152 с. Петелин, Б. Я. Криминалистическое обеспечение доказывания вины обвиняемого //Правоведение. 1993. № 1. С. 106-111; Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: Изд-во-МГУ. 1989. 180 с.

В то же время, сложность описания такого объекта криминалистического исследования, каким является преступная деятельность, потребовало формирования особого метода ее исследования, получившего название системно-деятельностный подход.

Системно-деятельностный подход. Рассматривая исторические аспекты формирования деятельностного подхода, Р.С. Белкин справедливо указывал, что «деятельностный подход, к объектам познания криминалистики, акцентируемый в работах М.К. Каминского, В.В. Ключкова, В.А. Образцова и ряда других авторов..., – это вовсе не некая «новая концепция деятельностного подхода»... Об изучении преступной деятельности, как объекта криминалистической науки, писал еще Ганс Гросс, не говоря уже обо всех пионерах отечественной криминалистики»¹³¹.

Специфика объекта исследования криминалистики обусловила формирование соответствующего научного инструментария, названного деятельностным подходом. Системно-деятельностный подход, хотя и попадает под определение, которое дают И.С. Андреев, Г.И. Грамович и Н.И. Порубов, когда верно указывают, что учение о методах криминалистики представляет собой учение «об инструментарии, с помощью которого исследователь-криминалист познает предмет науки»¹³², однако, еще не включается в этот раздел во всех учебниках по криминалистике. Например, Н.Г. Шурухнов, ориентируя свое учебное пособие на прикладные вопросы криминалистики,¹³³ не включил деятельностный подход в число методов, которые имеют существенно практическое значение.

Причиной этого, мы полагаем, может быть не только новизна указанного подхода, но и то, что он занимает некоторое промежуточное положение между общими методами криминалистики и всеобщим методом криминали-

---

¹³¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 91.

¹³² И.С. Андреев, Г.И. Грамович и Н.И. Порубов Криминалистика. Учеб. пособие. Под ред Н.И. Порубова. Мн. Высшю шк. 1997. С. 11.

¹³³ Шурухнов Н.Г. Криминалистика. Учебное пособие. М. Юристъ. 2002. С. 8.

стики – диалектическим материализмом. Основным фактором недостаточного внимания к деятельностному подходу, по нашему мнению, является определенная недооценка того места и значения, которое он занимает при решении сформулированной ранее конкретной криминалистической задачи.

Как и в иных науках (например, в работе В.И. Крутова, И.М. Грушкова, В.В. Попова и др.¹³⁴), в криминалистике выделяется три уровня методов. Наиболее общий характер имеет диалектический метод, являющийся всеобщим методом криминалистики. Затем идут общенаучные методы. К общим (общенаучным) методам криминалистики¹³⁵ относятся: наблюдение, измерение, описание, сравнение, эксперимент, моделирование, математические, кибернетические и эвристические методы исследования. К третьей группе относятся специальные методы криминалистики, в число которых входят, например, технико-криминалистические методы и др. Ряд авторов выделяет из всеобщего метода криминалистики подгруппу формально-логических методов¹³⁶. При разработке частных криминалистических теорий они усматривают четыре уровня методов познания в криминалистике¹³⁷.

Проблема окончательного определения системы методов криминалистики не может считаться решенной, потому что наука развивается и тем самым система общенаучных методов продолжает пополняться¹³⁸.

Одним из основных направлений развития деятельностного подхода в прикладном аспекте и приобретения им уровня конкретизации, сопоставимого с методическими рекомендациями, является сочетание его с методом моделирования.

Именно это направление получило в последнее время наибольшее развитие и оценивается в качестве наиболее перспективного. Так, например,

---

¹³⁴ В. И. Крутов, И. М. Грушко, В. В. Попов и др. Основы научных исследований. Учебн. для техн. вузов. М., Высш. шк. 1989. С. 56.

¹³⁵ Белкин Р. С. Курс криминалистики. 2001. С. 229.

¹³⁶ Криминалистика. Учебник. Под ред. Е.П. Ищенко. М. Юристъ. 2000. С. 24.

¹³⁷ Шинкевич Н. Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии. Автореф. канд дисс. Челябинск. 2004. С. 16.

¹³⁸ Криминалистика. Учебник. Под ред. Е.П. Ищенко. М. Юристъ. 2000. С. 24.

М.И. Александрова решает задачу создания структурно-функциональной модели преступной деятельности по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем¹³⁹. Предлагаемая автором модель изображается в виде схемы.

В 80-х и 90-х годах XX века деятельностный подход являлся основополагающим инструментом научных исследований ряда научных школ отечественных криминалистов (г. Н. Новгород, а затем и г. Ижевск). Отметим работы Е.С. Лехановой¹⁴⁰, К.Н. Ивенина¹⁴¹, в которых указывается, что формирование криминалистической модели преступной деятельности является необходимым условием для создания частных криминалистических методик, позволяющих концентрировать «внимание на более «тонких» различиях преступной деятельности, более точно разграничивающих сходные по образу преступных действий, но разные по субъективной стороне (умыслу) преступления»¹⁴². Этот вывод подтверждается современной работой А.А. Белякова¹⁴³.

Одним из глубоких исследований, обеспечивших дальнейшее развитие деятельностного подхода, стала докторская диссертация А.Ф. Лубина. Предметом научного исследования автора явились теоретико-методологические закономерности построения исследовательской модели механизма преступной деятельности. Он пишет: «механизм преступной деятельности, как особая криминалистическая категория, позволяет корректно развести смежные

---

¹³⁹ Александрова М.И. Некоторые теоретические аспекты формирования структурно-функциональной модели преступной деятельности по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. IV. Ижевск. 2003. С. 17-30.

¹⁴⁰ Леханова Е. С. Криминалистический анализ учетного процесса в методике выявления и расследования преступлений. Автореф. канд. дисс. Нижний Новгород. 1996.

¹⁴¹ Ивенин К. Н. Выявление и расследование преступлений, связанных с искажениями отчетности, в условиях перехода к рыночным отношениям. Автореф. канд. дисс. Нижний Новгород. 1993. С. 8.

¹⁴² Там же. С. 12.

¹⁴³ Беляков А.А. Криминалистическое взрывоведение: проблемы теории и практики. Красноярск. Универс. 2003. С. 95.

понятия: преступная деятельность; способ совершения действий; криминалистическая характеристика преступлений»¹⁴⁴.

Излагая деятельностный подход автор исследует историю возникновения понятия «преступная деятельность». Он отмечает, что в конце XIX и в начале XX века понятие «преступная деятельность» было в ходу среди европейских юристов. Г. Ван-Гаммель, А. Прэнс, Ф. фон Лист сформулировали положение о том, что преступление – это лишь государственная и правовая оценка содеянного. Преступление – понятие только юридическое. Не оно должно в первую очередь занимать умы криминалистов, указывает Лакасаль. Далее А.Ф. Лубин пишет: «Собственно, на волне французской («лионской») социологической школы, термин «преступная деятельность» вошел в научный оборот. Если таковой термин применялся, то это означало, что речь шла не о преступлении, как юридическом понятии, а о человеческом проявлении, в основе которого были два фактора: объективный и субъективный. Эти факторы и «дают равнодействующую – преступную деятельность» (Д.А. Дриль, 1895)»¹⁴⁵.

Рассматривая современную криминалистику и позиции современных авторов через призму истории данного понятия, А.Ф. Лубин указывает, что это понятие и есть то «криминалистическое» понятие преступления, на чем настаивают современные криминалисты, к которым он относит Г.А. Густова, М.К. Каминского, В.А. Образцова¹⁴⁶.

Для того, чтобы криминалистика могла создать модель преступной деятельности (и деятельности по выявлению и расследованию преступлений), приходится выделять в понятии преступления собственно криминалистическую часть и в этом существенная особенность криминалистического направления развития деятельностного подхода. Так, например, В.А. Образ-

---

¹⁴⁴ Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 25.

¹⁴⁵ Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 25.

¹⁴⁶ Там же.

цов и Н.В. Кручинина выделяют правоведческую и следоведческую стороны деятельности субъектов уголовного преследования¹⁴⁷.

Под руководством профессора М.К. Каминского за последнее десятилетие была создана научная криминалистическая школа в г. Ижевске. Одним из научных инструментов этой школы стал системно-деятельностный подход, разработанный основателем школы. В рамках этой школы С.Н. Иванов привел «модельное описание преступной деятельности, осуществляемой организованными преступными группами вымогателей», ставшее основой предложенных им рекомендаций по преодолению противодействия расследованию вымогательств¹⁴⁸.

Н.В. Матушкина предложила криминалистическую модель преступной деятельности по уклонению от уплаты налогов и ее использование в целях выявления и раскрытия преступлений этого вида¹⁴⁹. Среди криминалистических работ, в которых системно-деятельностный подход был успешно применен, следует отметить также кандидатские диссертации Н.И. Вытовтовой, А.М. Каминского, М.И. Умарова, Г.А. Шкляевой, И.И. Рожкова, Г.Г. Камаловой, А.В. Щebraкова. На основе этих исследований развитие системно-деятельностного подхода получило в диссертациях, выполненных под руководством профессора В.Ю. Толстолицкого, в том числе работы Э.Г. Хомякова, В.В. Городилова, К.В. Соснина, А.Р. Усиевич.

К.А. Корсаков и Е.Б. Серова понимают под криминалистической моделью следующее: «Криминалистическая модель – это искусственная система, воспроизводящая с той или иной степенью сходства исследуемый в сфере уголовного судопроизводства объект (криминал), изучение которого позволяет получать новые знания об оригинале, необходимые для решения задач

---

¹⁴⁷ Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации. Автореф. докт. дисс. М. 2003. С. 13.

¹⁴⁸ Иванов С.Н. Организационные и тактические проблемы расследования вымогательств, совершенных преступными группами. Автореф. канд. дисс. Ижевск. 1996. С. 7.

¹⁴⁹ Матушкина Н.В. Криминалистическая модель преступной деятельности по уклонению от уплаты налогов и ее использование в целях выявления и раскрытия преступлений этого вида. Автореф. канд. дисс. Ижевск. 1997.

правосудия и управления профессиональной деятельностью участников процесса¹⁵⁰.

При создании модели преступной деятельности главным вопросом является «не столько набор элементов и их параметров сколько наличие-отсутствие между ними закономерной взаимосвязи»¹⁵¹.

Одним из пионеров деятельностного подхода является М.К. Каминский, который рассматривал преступление в собственно криминалистическом плане не только как юридический факт, но и как предметную деятельность. Автор предложил компонентную структуру преступной деятельности (рис. 6), в которой сведены в единую систему потребность, мотив, цель, задачи, результат, объект деятельности, действия и операции. Главным достоинством схемы является указание связей между компонентами преступной деятельности¹⁵².

Схема М.К. Каминского требует пристального анализа, потому что была использована соискателем для исследования структурных компонентов модели преступной деятельности с целью установления субъективной стороны преступления.

В левой половине схемы указаны такие компоненты, как потребность (По) и мотив (М). Мотив является опредмеченной (Пр - предмет, который удовлетворяет потребность субъекта деятельности) потребностью. Тем самым, в выборе предмета деятельности возникает проявление таких субъективных компонентов, как потребность и мотив. Поскольку мотив есть связь потребности с реальным предметом (предметом, выступающим еще пока в виде идеального отображения), то в объективной обстановке мо-

---

¹⁵⁰ Корсаков К.А. и Серова Е.Б. Метод моделирования в деятельности государственного обвинителя // Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности. Под. ред. О.Н. Коршуновой. СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс. 2003. С. 77.

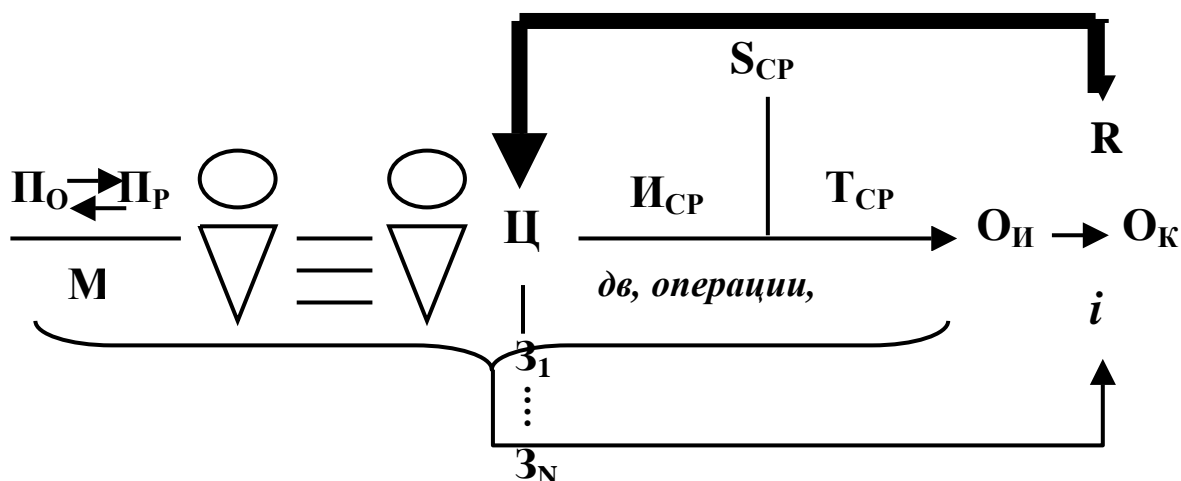
¹⁵¹ Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 35.

¹⁵² Толстолицкий В.Ю., Каминский М.К. Компонентный состав преступной деятельности // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 2. Ижевск. 1999. С. 4-9.

тив формирует цель действия. Рассматривая цель, в качестве компонента модели, мы переходим к правой части. Правая часть схемы представляет собой структурное выражение действия. Согласно схеме действие включает цель, задачи, результат, изменение объекта, систему средств действия (технических и интеллектуальных), а также движения и операции. Тем самым, схема демонстрирует тот факт, что потребность и мотив выражается в действии с каким-либо объектом. Происходит отображение субъективной стороны преступления вовне, то есть в следах преступления.

Одной из задач моделирования является создание копии объекта – оригинала, которая позволяет изучить отдельные стороны объекта познания и взаимосвязь этих сторон. В то же время, создание модели всегда процесс целенаправленный. Модель должна отображать лишь наиболее существенные, с точки зрения целей исследования, свойства оригинала. Тем самым она становится проще оригинала, но именно за счет упрощения, позволяет выделить в нем интересующие субъекта познания закономерности и представить их в «чистом» виде.

Таким образом, изменение цели создания модели необходимым образом приводит к определенному изменению структуры и отношений между компонентами самой модели. Без какого-либо видоизменения модели она не выполняет роль средства научного инструментария для решения новой научной проблемы. В то же время, модель должна сохранять в своей структуре уже познанные существенные стороны оригинала. Поэтому построение модели в частном научном исследовании, как правило, представляет собой дополнение определенными компонентами уже имеющихся моделей объекта-оригинала.

Где обозначены:

П_О – потребность;	И_{СР} – интеллектуальные средства;
П_Р – предмет;	Т_{СР} – технические средства
М – мотив;	О_И – исходное состояние объекта
Ц – цель;	О_К – конечное состояние объекта
S_{СР} – средства;	З_N – задача
R – результат	

i – информация о субъекте деятельности, заключенная в конечном состоянии объекта

Рис. 6. Схема компонентного состава преступной деятельности по М.К. Каминскому

Приведенные основания послужили базой для использования предложенной М.К. Каминским модели преступной деятельности, а соответственно и основных положений системно-деятельностного подхода.

С нашей точки зрения, схема М.К. Каминского представляет собой формализованное и наиболее развернутое в своем важнейшем аспекте, каким являются взаимосвязи между компонентами преступной деятельности, выражение общепризнанной в криминалистике концепции структуры преступной деятельности. Анализ криминалистической модели (рис. 6) показывает, что в своих компонентах она соответствует ряду моделей преступления, соз-

данных в уголовном праве¹⁵³. Состав и структура деятельности в криминалистике многократно подвергались исследованию. Этой проблеме посвящены работы Л.Д.Самыгина¹⁵⁴, В.К.Лисиченко¹⁵⁵ Т.С. Волчецкой¹⁵⁶ О.В. Чельшевой¹⁵⁷ В.А. Образцова¹⁵⁸ и других авторов.

В то же время, существенным отличием модели М.К. Каминского является наличие в ней контура с обратной связью. На рис.6 видна прямая и обратная связь между результатом и целью действия. Это позволяет выделить необходимые связи между структурными компонентами модели, в том числе и теми, которые представляют субъективную сторону преступления: потребность, мотив, цель, результат, которые и составляют внутреннюю сторону преступления.

На основе этого можно прийти к выводу, что предложенная М.К. Каминским схема в сравнении с существующими в криминалистике моделями, полнее и точнее отражает объективные закономерности механизма преступной деятельности, в том числе и в отношении субъективной стороны преступления.

Вынося на первое место соотношение между отображением вовнутрь (психическим отражением) и отражением вовне (следообразованием), можно предложить следующую схему (рис. 7), включающую контур с обратной связью.

Можно представить это отражение в виде кибернетической модели, представляющей собой контур с обратной связью (рис. 7).

---

¹⁵³ Лунеев В.В. Субъективное вменение. М. Спарк. 2000. С. 62.

¹⁵⁴ Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: Изд-во-МГУ. 1989. С. 11.

¹⁵⁵ Лисиченко В.К. Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике. Киев. "Вища школа" 1979 С. 60.

¹⁵⁶ Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: Учебное пособие / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1997. С. 52.

¹⁵⁷ Чельшева, О.В. Место приемов и методов деятельности следователя в механизме расследования /О. В. Чельшева.//Правоведение. 2003. №1. С. 154-162.

¹⁵⁸ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М. Юристъ. 1997. С. 98.

Рис. 7. Закономерности отражения преступной деятельности вовне и вовнутрь

Схема, представленная на рис. 7, показывает, что механизм отражения преступной деятельности в следах (вовне) содержит в себе результат отражения вовнутрь, поскольку психическое отражение является регулятором (управляющей системой) деятельности субъекта.

Предложенная (рис. 7) схема требует пояснения, поскольку не ясно, что представляет собой отображаемый объект. В криминалистике исследование закономерностей отражения преступления в следах подразумевает разделение акта отражения на следующие компоненты: а) «следообразующий» объект; б) «следовоспринимающий» объект; в) механизм следообразования.

То, что мотивы, установка, цель находят свое выражение в предметной деятельности факт известный. Однако, криминалистике не известен механизм формирования следов, обусловленный не особенностями следовоспринимающего объекта или субъекта, а структурой и характеристикой следообразующего объекта – действия. В связи с чем в теоретическом плане, новым

является вопрос о том, чтобы рассмотреть механизм следообразования через некоторые характеристики действия субъекта. Это означает исследование действия, как самостоятельного компонента преступной деятельности, и разработка классификации преступного действия с точки зрения специфики следообразования.

2.3. Действие – как внешнее проявление элементов субъективной стороны преступления

В структуре деятельности именно действие содержит обратную связь, без которой не может существовать управляющая функция психики, а следовательно, и иметь уголовно-правовое значение субъективная сторона преступления. Для криминалистики важно положение деятельностного подхода, заключающееся в том, что именно наличие прямой и обратной связи и создает действие, как самостоятельную структурную единицу деятельности. Обратим внимание, что прямая и обратная связи, если их взять за основу действия, позволяют выделить важнейшие для нас при криминалистическом исследовании субъективной стороны преступления два структурных элемента действия: цель и результат. Если брать за основу цель действия, то ее «овеществление» в результате является прямой связью между ними. В то же время, сложный результат действия не достигается одномоментно, а требует сравнения с поставленной целью. Такое сравнение представляет собой обратную связь между целью и результатом. В связи с чем кибернетическое моделирование преступного действия является необходимым методом криминалистического исследования. А анализ структуры действия конкретизирует представления о механизмах психического отражения, которые составляют неотъемлемую часть механизма преступной деятельности. Использование контура с обратной связью позволяет целенаправленно моделировать закономерности психического отражения, учитывая фундаментальные положения

уголовного права, касающиеся осознания или не осознания признаков состава преступления¹⁵⁹.

Рассмотрим ряд теоретических положений деятельностного подхода, раскрывающих сложные отношения между двумя уровнями - деятельностью и действием. Отношение между деятельностью и действием, только в качестве упрощения, рассматриваются как отношение целого (деятельности) и части (действия, комплекс действий). В тоже время, это представление наиболее широко распространено в литературе¹⁶⁰.

Как верно указывал А.Н. Леонтьев, человеческая деятельность не существует иначе как в форме действия и **«если из деятельности мысленно вычесть осуществляющие ее действия, то от деятельности вообще ничего не останется»**¹⁶¹. В то же время, А.Е. Меркушов рассмотрел пример, когда в описательной части приговора, вынесенного Московским городским судом, отсутствовало изложение совершенного Медне убийства Л. и покушения на убийство А., с целью сокрытия факта убийства Л., не указаны мотивы совершенных Медне действий в отношении А.¹⁶².

В деятельностном подходе мотив есть опредмеченная потребность. Из этого определения становится понятным почему мотив объединяет в единую последовательность ряд действий. В свою очередь мотив опредмечивается в

---

¹⁵⁹ Никифоров Б.С. Субъективная сторона в формальных преступлениях // Советское государство и право. 1971. №3. С. 116. См. также: Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965. №6., Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. М., 1972.

¹⁶⁰ Возгрин И.А., Сальникова В.П. и др. Криминалистика. Схемы и терминология. Учебное пособие. Лексикон, 2001, 152 с.; Возгрин И.А., Степанов А.А. Основы методики и дидактики курса Криминалистика. Изд, 2002, 224 с. Волынский В.А. Криминалистическая техника. ЮНИТИ, 2000, 311 с.; Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Методика расследования отдельных видов преступлений: Курс лекций. Книжный мир, 2004, 466 с. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Амалфея, 2000, 416 с. Козловцев В.А., Маликов С.В. Краткий курс криминалистики. Вопросы и ответы. Юрлитинформ, 2002, 224 с.; Коршунова О.Н., Степанов А.А., ред. Курс криминалистики: В 3 томах. Юридический центр Пресс, 2004, 1889 с.

¹⁶¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. Политиздат. 1977. С. 104.

¹⁶² Меркушов А.Е. Некоторые вопросы кассационной практики по уголовным делам Верховного суда РФ / Бюлл. Верх. Суда РФ. 1997, №9. С. 20-24.

каждом действии¹⁶³ и, таким образом, возникает цель действия. В приведенном примере показано, что возникновение умысла на совершение убийства А., с целью сокрытия факта убийства Л., является процессом формирования мотива.

Преступление, как правильно указал М.К. Каминский, может быть не только деятельностью, но и действием. Если преступление представляет собой действие, то преступного мотива нет. Преступный мотив возникает как функция объединения ряда действий. Для установления мотива требуется объединить в единую преступную деятельность последовательный ряд действий. Если же этого не делается, то невозможно установить мотив преступления.

По этой же причине судом не был установлен мотив ревности в следующем уголовном деле. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 февраля 1997 г. удовлетворила протест прокурора по следующим основаниям. Президиум Самарского областного суда, оставляя без удовлетворения протест прокурора области, в нарушение требований ст. 351 УПК РСФСР, не привел оснований, по которым доводы протеста признал неправильными или несущественными, фактически сослался лишь на показания потерпевшей.

Из показаний Карякина в суде отношения между ним и его бывшей женой (Карякиной) были неприязненные. 17 сентября 1994 г. они поссорились. Потерпевшая Карякина показала, что с Карякиным и несовершеннолетней дочерью от брака с ним она проживала в одном доме. Между ней и бывшим мужем происходили ссоры, он нередко избивал ее. Свидетели Безгина (сестра Карякина) и Савельева (его племянница) подтвердили, что Карякин и его бывшая жена жили плохо.

Таким образом, из материалов дела видно, что отношения между Карякиным и Карякиной на протяжении длительного времени носили неприяз-

---

¹⁶³ Приведенное теоретическое положение сформулировал А.Н. Леонтьев и мы его разделяем.

ненный характер. Хотя брак между ними официально расторгнут, они фактически жили одной семьей. При таких обстоятельствах вывод суда о том, что Карякин действовал беспричинно, из хулиганских побуждений, а не из личной неприязни, противоречит материалам дела. Об этом свидетельствовали и действия Карякина, совершенные против бывшей жены. В деле отсутствуют сведения о нарушении им общественного порядка. С его слов, во время ссоры с Карякиной на личном огороде кроме них находились его сестра и племянница, других граждан не было.

Как показали Карякина, Безгина и Савельева, действия Карякина были направлены против бывшей жены, остальных он нецензурно не оскорблял и телесных повреждений им не причинял. Согласно показаниям свидетеля Попеловой она слышала, как Карякины скандалят, однако не вмешивалась, решив, что они сами решат «семейные дела».

Таким образом, умысел Карякина был направлен не на нарушение общественного порядка, а на выяснение отношений с бывшей женой, с которой он продолжал проживать совместно, хотя и относился к ней неприязненно. Как видно из материалов дела, у Карякина не было умысла на нарушение общественного порядка. Он звал свою жену домой, чтобы разобраться с ней в личных отношениях, и лишь после того, как она отказалась, избил ее.

Доводы Карякина о том, что он избил жену из ревности, судом не опровергнуты.

При таких обстоятельствах избиение Карякиным бывшей жены следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 112 УК РСФСР, как умышленное причинение легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья, а его угрозу ножом — по ст. 207 УК РСФСР (угроза убийством), поскольку потерпевшая воспринимала ее как реальную¹⁶⁴.

Обратим внимание на то, что угроза ножом представляет собой материализованную форму действия.

Выделение форм действия имеет значение для создания криминалисти-

---

¹⁶⁴ Определение СК Верх. суда РФ от 13.02.97. БВС РФ С. 18-19.

ческой модели механизма преступления, совершенного в соучастии. Формы действия позволяют сформировать конкретно для каждого из участников модель преступной деятельности, что обеспечивает индивидуализированность наказания.

С другой стороны, исходя из смысла ст. 32 УК РФ, для соучастия требуется, чтобы деятельность соучастников была совместной. Отсюда вытекает криминалистическая задача, заключающаяся в отображении совместности действий в криминалистической модели механизма преступления. Совместно совершаемое соучастниками действие может быть различным по своим формам для каждого из них.

В обзоре судебной практики Верховного суда РФ анализировалось следующее уголовное дело. Братья Бачкало Дмитрий и Станислав, а также Арчаков, вступив в сговор на завладение чужим имуществом, решили ограбить квартиру Р. С этой целью они решили убить несовершеннолетнюю Р., завладеть ключами от квартиры и совершить кражу денег и драгоценностей.

Арчаков и Бачкало Дмитрий обманным путем вызвали из квартиры несовершеннолетнюю Р. и доставили ее на старый автодром, где их ждал Бачкало Станислав. Арчаков выстрелил Р. в шею, а когда она упала, два раза ударил ее куском арматуры по голове. От полученных телесных повреждений потерпевшая скончалась на месте.

Похитив у Р. золотую цепочку и ключи от квартиры, Арчаков и братья Бачкало закопали труп потерпевшей и с места происшествия скрылись. На следующий день они проникли в квартиру Р. и похитили оттуда деньги, вещи и другие ценности.

Действия виновных квалифицированы судом по пп. "ж", "з", "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ, пп. "а", "б", "г" ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения, исключил из приговора осуждение Арчакова по пп. "ж", "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия Бачкало Станислава и Бачкало Дмитрия переквалифицировал с пп. "ж", "з", "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33 и п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В постановлении Президиума указано, что преступление, совершенное группой лиц, предполагает не менее двух исполнителей, соучастие в форме пособничества не образует группы и этот квалифицирующий признак подлежит исключению из обвинения.

Между тем, как видно из обстоятельств дела, установленных судом, братья Бачкало непосредственного участия в лишении жизни потерпевшей не принимали. Исполнителем убийства был один Арчаков, а братья оказывали содействие, создавали условия, способствовавшие совершению убийства, т.е. являлись пособниками.

По смыслу закона квалификация убийства по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ (когда цель облегчить совершение другого преступления есть основной мотив лишения жизни потерпевшего) исключает возможность квалификации этого убийства по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель и мотив убийства.

Судом установлено, что убийство Р. совершено с целью облегчить совершение кражи денег и ценностей из ее квартиры. Бачкало Дмитрий непосредственного участия в краже из квартиры потерпевшей не принимал, но совместно с другими планировал ее. Убийство совершалось для ее облегчения, все преступления были объединены единым умыслом.

После кражи Арчаков и Бачкало Станислав передали часть денег и золотые изделия ожидавшему их на улице Бачкало Дмитрию, тот обещал золото продать и деньги разделить.

В соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление, либо непосредственно участвовавшее в его совершении. При таких обстоятельствах, Бачкало Дмитрия следует признать пособником кражи и в этой части содеянное им квалифицировать по ч. 5 ст. 33 и п. "б" ч. 3 ст. 158 УК РФ¹⁶⁵.

Как видно из постановления, при создании криминалистической модели

---

¹⁶⁵ Постановление Президиума Верховного суда РФ №495п03 по делу Бачкало и других // БВС РФ 2004 №3. С. 14-15.

убийства следует брать за основу факт причинения смерти выстрелом и ударами арматуры. Оба этих действия совершил Арчаков. Таким образом, объектом обоих действий явилось тело пострадавшей, а свойство, которое требовалось изменить, – жизнь пострадавшей. Средство совершения выстрела не указано, удар был нанесен арматурой. Операциями, с помощью которых причинена смерть, являются – выстрел и удар по голове. Следовательно, Арчаков произвел два действия в материальной форме, которые и стали причиной смерти.

Братья Бачкало не производили действий в материальной форме, то есть не осуществляли действий, которые бы имели тот же объект, а целью действия были те же свойства объекта (жизнь потерпевшей). Они выполняли иные действия, целью которых было обеспечение действий Арчакова. Эти действия заключались в том, что они привели несовершеннолетнюю Р. на автодром. Поэтому Арчагов является исполнителем, а братья Бачкало – соучастниками убийства.

В следующем примере криминалистическая модель действий соучастников также была не сразу построена верно. Как мы полагаем, применение в криминалистическом моделировании деятельности классификации форм действия позволили бы более быстро реконструировать индивидуальную преступную деятельность каждого лица.

Действия одного из лиц были не верно квалифицированы как соучастие. В Определении ВК Верховного Суда РФ от 04.02.97 указано, что Военным судом Московского военного округа 1 октября 1996 г. осуждены Блохин Н. и Блохин А. по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, кроме того, Блохин А. – по п. "е" ст. 102 УК РСФСР, Тарочкин – по ст. 17, ч. 3 ст. 117 УК РСФСР.

Как указано в приговоре, Блохин А. и Блохин Н. в состоянии опьянения и несовершеннолетний Тарочкин провожали знакомую Блохина А. – И. Проходя через лес, Блохин А. схватил И., зажал ей рот, нанес несколько ударов, повалил на землю и изнасиловал. После этого Блохин А. предложил совершить половой акт с И. Блохину Н. Воспользовавшись тем, что сопротивление

со стороны потерпевшей было подавлено, Блохин Н. дважды совершил с ней половые акты. Затем Блохин А., с целью скрыть совершенное изнасилование, задушил И. и уже мертвой нанес ей в область сердца два удара ножом. Тарочкин все это время по указанию Блохина А. находился в нескольких метрах, наблюдая за окружающей обстановкой, с целью своевременного предупреждения о появлении посторонних лиц. Действия Тарочкина органы следствия и суд квалифицировали как пособничество в изнасиловании, т.е. по ст. 17 и ч. 3 ст. 117 УК РСФСР. Военная коллегия Верховного Суда РФ 4 февраля 1997 г., рассмотрев дело в кассационном порядке, приговор в отношении Тарочкина отменила и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления, указав следующее.

Согласно ст. 17 УК РСФСР¹, пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствия.

Из приговора усматривается, что суд признал пособничеством то, что Тарочкин якобы по указанию Блохина А. наблюдал за окружающей обстановкой, когда Блохины насильовали И. Между тем в судебном заседании Тарочкин объяснил, что он действительно находился поблизости, когда Блохины насильовали потерпевшую, но за обстановкой не следил, а увидев, что Блохин А. душит ее, с места происшествия убежал. Эти объяснения Тарочкина по делу не опровергнуты. Таким образом, Тарочкин никаких действий, которые бы свидетельствовали о его пособничестве в изнасиловании, не совершал, и поэтому он не может быть привлечен к уголовной ответственности за пособничество в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 117 УК РСФСР¹⁶⁶.

Передачу информации можно осуществлять с помощью знаков, то есть совершая материализованное действие. Эту форму действия также не установило следствие по делу Тарочкина. Для того чтобы передать информацию об окружающей обстановке, Тарочкин должен был воспринять эту обстанов-

---

¹⁶⁶ БВС РФ 1997 №8. С. 9-10.

ку. Тем самым, он выступил в качестве соучастника, т.к. его задача заключалась в совершении перцептивного действия. Однако, совершал или не совершал перцептивные действия Тарочкин установлено не было. Таким образом, факт пособничества Тарочкина мог быть доказан, если бы были установлены его действия в перцептивной форме и в материализованной.

Один из основоположников деятельностного подхода в психологии Л.С. Выготский сформулировал научную позицию, согласно которой действие является тем предметом, который как раз и представляет собой объект исследования в деятельностном подходе¹⁶⁷.

Приведенные положения важны для понимания некоторых сторон криминалистической теории отражения. Р.С. Белкин указывал: «в сложных связях участвуют в акте отражения и объект преступления, и мотив, и цель, и **вина преступника**¹⁶⁸. Объект преступления как общественные отношения, на которые посягает преступник, репрезентируются в акте отражения действиями и предметом посягательства, **субъективные же моменты – только действиями (бездействием)**¹⁶⁹. Таким образом, и объект преступления, и субъективные элементы состава преступления участвуют в процессе возникновения изменений среды опосредованно: и через отражаемые и отражающие объекты, и через средства отражения»¹⁷⁰.

Процитированное положение Белкина точно указывает на то, что именно действие предстает в качестве непосредственно отображаемого объекта из всех структурных уровней преступной деятельности. В то же время, согласно приведенному высказыванию, субъективные элементы состава преступления фиксируются в изменениях среды опосредованно. С нашей точки зрения, часть из них отображается непосредственно, поскольку является структурными элементами действия. Таким образом, непосредственно ото-

---

¹⁶⁷ Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры. М. Воронеж. 1996. С. 321.

¹⁶⁸ Выделено мной – С. Е.

¹⁶⁹ Выделено мной – С.Е..

¹⁷⁰ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. НОРМА. 2001. С. 54.

бражаемыми аспектами субъективной стороны преступления являются осознаваемые операции и средства действия.

В.И. Шаров указал, что наиболее перспективным в дальнейшем криминалистическом познании преступной деятельности является исследование ее структуры на уровне операций, обеспечивающих способ выполнения действия. Автор пишет: «в криминалистических исследованиях высказано предложение рассматривать деятельность преступника как последовательность операций, входящих в общий состав системы действий. Понятно, что дальнейшее развитие этого положения должно предполагать, по крайней мере, два направления: выделение сущности операций, а также расположение этих элементарных операций в общей структуре преступной деятельности»¹⁷¹.

Сознательно контролируется определенная группа операций¹⁷², входящая в состав действия. Сознательные операции представляют собой путь от цели к результату, связывают их между собой. А.Н. Леонтьев определяет операции следующим образом: «... мы обозначаем этим термином совершенно определенное содержание деятельности: операции – это те **способы**, какими осуществляется действие»¹⁷³. Можно ли криминалистическими средствами объективно установить операции, входящие в структуру действия минувшей преступной деятельности, и тем самым определить круг «оказывающегося в сознании»? Оказывается можно, потому что способы, и в этом их особенность, указывает Леонтьев, «отвечают не мотиву и не цели действия, а тем **условиям**, в которых дана эта цель, т.е. задаче (задача и есть цель, данная в определенных условиях)»¹⁷⁴.

Указанные положения определяют методологию исследования в рамках деятельностного подхода субъективной стороны преступления.

---

¹⁷¹ Шаров В. И. Формализация в криминалистике. Вопросы теории и методологии криминалистического исследования. Автореф. докт дисс. Нижний Новгород. 2003. С. 44.

¹⁷² Операции А.Н. Леонтьев разделяет на две группы: «сознательные операции», которые соответствуют задаче, и операции, представляющие собой автоматизм, поэтому утратившие необходимость контроля сознания за их выполнением.

¹⁷³ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. Политиздат. 1977. С. 266.

¹⁷⁴ Там же . С. 266.

Разделяя мнение о том, что задача и есть цель, данная в определенных условиях, мы приходим к пониманию криминалистического значения воссоздания объективных условий, в которых осуществлялась преступная деятельность. С нашей точки зрения, именно потому, что конкретно существующие условия определяют способ, каким осуществляется преступное действие, становится возможным на основе этой взаимосвязи с необходимой степенью точности установить операции и цели действия, основываясь на способе совершения преступления. Именно тут и обнаруживается связь между неуловимым субъективным содержанием сознания преступника и материальной стороной преступления. Указанная связь является базой для установления субъективной стороны преступления, по мере того как реконструируется способ совершения преступления.

Не случайно такое существенное значение реконструкции обстановки преступления придавал И.М. Лузгин в работе, посвященной моделированию при расследовании преступлений¹⁷⁵. Реконструкция обстановки представляет собой первый и самый необходимый шаг в определении преступных целей и задач, посредством которых однозначно устанавливается и содержание сознания субъекта преступной деятельности. При известных целях является установленным актуально сознаваемое, при известных способах выполнения действий (выраженных в виде операций), является установленным то, что «оказывается осознанным».

Проведенный анализ структуры действия был бы не полным без рассмотрения и следующего тезиса А.Н. Леонтьева. «Как правило, операции, т.е. способы действия, вырабатываются общественно и иногда оформляются в материальных средствах и орудиях действия. Так, например, в счетах кристаллизованы, материально оформлены счетные операции, в пиле – операции распиливания, пиления и т.д. Поэтому большинство операций в деятельности

---

¹⁷⁵ Лузгин И. М. Моделирование при расследовании преступлений. М. Юрид. лит. 1981. С. 152.

человека являются результатом обучения, овладения ... способами и средствами действия»¹⁷⁶.

Таким образом, для установления круга осознаваемых субъектом преступной деятельности явлений одним из необходимых условий является реконструкция использованного средства (орудия или оружия), с помощью которого было действие осуществлено. Причинение телесных повреждений посредством нанесения удара представляет собой осознаваемую операцию. С точки зрения ожидаемой степени тяжести причиняемых повреждений ставится определенная цель и осознается (с помощью обратной связи или превосхищается) результат действия, достигаемый с помощью этой операции – удара. Иная степень тяжести повреждений, представляющая собой иную цель, ставится при использовании материального средства действия. Таким средством действия может быть орудие или оружие, например, использование орудий – палки, кирпича, или оружия – кастета, финки.

Приведенные выше результаты анализа структуры действия позволили уточнить механизм преступной деятельности путем перехода от более высокого уровня в системе деятельности – уровня действий, к более низкому уровню – уровню операций. Это позволило нам показать круг осознаваемых явлений на уровне действий и на уровне операций.

Для формирования полного перечня осознаваемых явлений (а именно осознание составляет основу принципа субъективного вменения) требуется перейти от уровня действий на более высокий уровень – на уровень преступной деятельности. Только на уровне преступной деятельности появляется преступный мотив, который вместе с целью представляет собой факультативный признак субъективной стороны преступления. Укажем, что факультативность мотива и цели соответствуют указанной выше специфике механизма осознания. Как мотив, так и цель могут не представлять собой преступные мотив и цель, однако, способ совершения действия, то есть те зада-

---

¹⁷⁶ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. Политиздат. 1977. С. 266-267.

чи, а также условия, в которых действует субъект и средства, которые он использует, – осознается им всегда. Поэтому юридическое понятие вины с точки зрения объективной реальности, а именно, структуры преступной деятельности, представлено уровнем способов совершения действий, то есть прежде всего уровнем осознанных операций.

Формы действия. Формы действия относительно новое для криминалистики понятие. Как закономерности объективной реальности, формы действия были обнаружены известным отечественным психологом П.Я. Гальпериным, одним из основоположников деятельностного подхода в психологической науке¹⁷⁷.

Приведенная ранее схема М.К. Каминского показывает, что в структуре действия существует обратная связь, которая обеспечивает отражение вовнутрь. Действие содержит в себе механизм отражения, полагал П.Я. Гальперин, и, с целью фиксации отдельных моментов акта отражения вовнутрь, разбил этот механизм на этапы, которые назвал формами действия. Дальнейшее исследование форм действия развито Н. Г. Салминой¹⁷⁸. Выделенные авторами формы действия как раз представляют собой этапы отражения вовнутрь. Так представлял себе П.Я. Гальперин формирование мысли, и его представления составили оригинальную теорию, признанную во всем мире, теорию поэтапного формирования умственных действий. В 1999 году за разработку и практическую реализацию этой теории П.Я. Гальперину (посмертно) и группе его учеников и последователей была присуждена Премия Президента РФ в области образования¹⁷⁹.

«Отдельная мысль – как явление психологическое – представляет собой не что иное, как предметное действие, перенесенное во внутренний, ум-

---

¹⁷⁷ Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.-Воронеж. 1998. С. 272.

¹⁷⁸ Н. Г. Салмина. Виды и функции материализации в обучении. Изд-во МГУ. 1981. С. 7.

¹⁷⁹ Подольский А.И. Вступление // Лекции по психологии. М. Книжный дом «Университе» Высш школа. 2002. С. 20

ственный план, а затем ушедшее во внутреннюю речь»,¹⁸⁰ – писал П.Я. Гальперин. Такая позиция верна и показывает генетическое отношение «чисто» психологических явлений с известным криминалистике механизмом преступной деятельности. В криминалистике понятие форм действия использовано В.Ю. Толстолицким, с целью конкретизации представлений о механизме преступления¹⁸¹.

По форме действия классифицируются следующим образом.

Классификация действия по форме (формы действия):

1. Материальная форма – реальное преобразование материального объекта.

Эту форму действия указывают ряд авторов, раскрывающих механизм преступной деятельности. Так, например, М.К. Каминский указывает, что в ходе деятельности осуществляется преобразование объекта из исходного состояния в конечное¹⁸². Автор обозначает такое преобразование схематически в виде С-Ои-Ок отношения, в котором действие субъекта (обозначен - С) является материальным. Материальная форма действия лежит в основе механизма образования материальных следов.

2. Материализованная форма – действие производится со знаком. Знак используется с целью воздействия на другого субъекта.

Тем самым, материализованная форма действия представляет собой ориентацию на субъект – субъектные отношения. Последние оказываются опосредованы знаком. Знак может быть представлен специально созданными для этой цели объектами и явлениями (рисунок, жест), либо предметами, выполняющими функцию знака – следами преступления. То же самое действие, которое с точки зрения субъекта преступной деятельности представлено в

---

¹⁸⁰ Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.-Воронеж. 1998. С. 272.

¹⁸¹ Толстолицкий В.Ю., Криминалистическая информатика. Ижевск. 2003. С. 41.

¹⁸² Каминский М.К. Процедурная революция и криминалистика // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования // Екатеринбург. Чароид. 2002. С. 78.

материальной форме, как изменение материального объекта, это же самое действие для субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений выступает в материализованной форме, поскольку изменение материального объекта (формирование следа) указывает на лицо, совершившее преступление.

3. Перцептивная форма – восприятие на психическом уровне (но не на уровне физиологической работы органов чувств).

Результатом перцептивной формы действия является рефлексивное осознание и предвидение результата выполняемого действия. Эта форма действия определяет содержание собственного сознания субъекта преступной деятельности. При этом результатом такого действия является, с одной стороны, восприятие внешних объектов и собственных действий, а с другой, – регуляция собственного поведения.

4. Речевая форма – действие может осуществляться в форме внешнего проговаривания или речи про себя.

5. Умственная форма – преобразование идеальных образов.

Рассмотрим на примере указанные выше формы действия.

Преступник нанес потерпевшей три удара ножом в область шеи. От массивного кровотечения из яремных вен она скончалась на месте. В данном примере преступное действие в виде ударов ножом представляет собой физическое воздействие на организм человека. Целью воздействия является механическое изменение (преобразование) организма другого человека, то есть причинение смерти. Поэтому действие выступает перед нами в своей материальной форме.

В то же время, указанное действие имеет и все другие ранее перечисленные формы. Наиболее очевидна необходимость перцептивной формы этого действия. Преступник наносил удары ножом в область шеи целенаправленно, а для этого требовалось воспринимать положение тела потерпевшей и осознавать тот факт, что именно такая локализация повреждения окажется

наиболее эффективной – причинит смерть.

Для того, чтобы выделить материализованную форму, следует указать субъекта, для которого данное преступное действие оказывается представленным в материализованной форме. Для субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений это действие в материализованной форме представлено потому, что направление удара, локализация, оружие, которым был нанесен удар, и другие признаки, становятся знаками, указывающими на субъекта преступной деятельности.

Речевая форма проявлялась в том, что преступник в момент нанесения повреждений выкрикивал: «Будешь знать как мне изменять!». Таким образом, речевая форма действия раскрывает, во-первых, мотив преступления – ревность, а во-вторых, указывает на тот факт, что для самого субъекта преступления его действие субъективно воспринимается в большей степени как материализованная форма – воздействие на субъекта, и в меньшей – как материальная, как преобразование материального объекта. Такое восприятие собственного действия субъектом преступной деятельности не только уточняет ранее указанную перцептивную форму этого действия, но позволяет рассматривать версию о том, что преступление могло быть совершено в состоянии аффекта.

Формы действия представляют собой перечень слепообразующих взаимодействий субъекта со средой. Восстановление действия во всех его формах является практически важной задачей, которая решается на основе совокупности материальных и идеальных следов преступления. Анализ форм преступного действия в конечном итоге позволяет более точно реконструировать субъективную сторону совершенного преступления.

Исследование действия с точки зрения его формы целесообразно производить на основе выделения его структурных элементов. Л.Б. Ительсон предлагает следующие элементы действия. Материальные условия, в которых выполняется действие; объект и предмет действия; цель; конечный результат; механизм сопоставления достигнутого результата с конечной целью дейст-

вия; канал обратной связи, позволяющий осуществлять коррекцию выполнения действия; операции, которые объединены целью действия в определенную последовательность; средства выполнения операций (средства действия); действия и навыки¹⁸³.

А.Н. Леонтьев в основных чертах приводит подобную структуру действия. Он указывает на различие между объектом и предметом действия: «актуально сознаваемым является лишь то содержание, которое выступает перед субъектом как предмет, на который непосредственно направлено то или иное его действие»¹⁸⁴. Таким образом, действие с одним и тем же предметом может приводить к различным осознаваемым его свойствам.

В ниже рассмотренном преступлении, ружье, являясь материальным объектом, использовалось в двух целях: а) похвастаться и б) напугать. Тот факт, что ружье сохраняет свойства стрелять, не является содержанием сознания субъекта преступной деятельности. Этот факт был установлен и повлек изменение квалификации деяния.

В Определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 13 июня 1995 г. указано, что надзорная инстанция, признав убийство совершенным по неосторожности, переквалифицировала действия осужденного со ст. 103 на ст. 106 УК РСФСР.

Боготольским районным народным судом Красноярского края Хороший осужден по ст. 103 УК РСФСР. Он признан виновным в умышленном убийстве Драко. 21 января 1994 г. в двенадцатом часу ночи в доме Хорошего в г. Боготоле находились Бирюков, Вишняков, Петрова, Амельченко и Драко. Хороший стал оказывать знаки внимания Драко, с которой он находился в дружеских отношениях. Драко ответила ему, что ей это надоело, и села рядом с Бирюковым, продолжая разговор. Хороший, видя, что его ухаживания отвергаются, с целью обратить на себя внимание, принес из соседней комнаты в разобранном виде двухствольное охотничье ружье 12-го калибра, собрал

---

¹⁸³ Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии. Мн. Харвест. «Издательство АСТ». 2000. С. 208.

¹⁸⁴ Леонтьев АН. Деятельность. Сознание. Личность. М. 1977. С. 248.

его, зарядил ружье и из неприязни умышленно произвел выстрел в Драко. В результате выстрела потерпевшей причинены телесные повреждения в виде слепого огнестрельного дробового ранения головы с множественными переломами костей основания черепа, что повлекло ее смерть.

Судебная коллегия по уголовным делам и президиум Красноярского краевого суда приговор в отношении Хорошего оставили без изменения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об изменении приговора суда и кассационного определения и отмене постановления президиума краевого суда, переквалификации действий Хорошего со ст. 103 на ст. 106 УК РСФСР, считая, что убийство Драко было совершено им по неосторожности, в результате преступно-небрежного обращения с оружием.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 июня 1995 г. протест удовлетворила, указав следующее. Хороший вину в умышленном убийстве Драко не признал. В судебном заседании он пояснил, что решил похвастаться охотничьим ружьем 12-го калибра, достал и собрал его. Кто-то из присутствовавших сказал, что ружье есть, а патронов нет. Тогда он взял два патрона 16-го калибра и зарядил ружье. Курки ружья взводятся автоматически. Он стал демонстрировать ружье, водя им горизонтально, хотел пошутить, поугадать присутствовавших. Убивать Драко у него умысла не было. По его мнению, выстрела произойти не могло, поскольку патроны он «утопил» в стволы. Неожиданно для него произошел выстрел и заряд попал в Драко. Возможно, он и нажал на курок, но как это было — не помнит. Аналогичные показания Хороший давал в ходе предварительного следствия. Как видно из материалов дела, показания Хорошего об обстоятельствах происшедшего подтверждаются имеющимися в деле доказательствами. Судом установлено, что Хороший принес ружье с целью обратить на себя внимание. Согласно протоколу осмотра места происшествия, из домовладения Хорошего были изъяты: двухствольное внутрикурковое ружье 12-го калибра (в одном из стволов которого находился патрон 16-го калибра на расстоянии 3,6

см от основания ствола, а из другого (левого) ствола ощущался запах гари) и гильза 16-го калибра с согнутыми краями, с запахом пороха.

По заключению судебно-баллистического эксперта, взведение курков производится взводителями при открывании ружья. Из ружья 12-го калибра возможен выстрел патроном 16-го калибра при условии соприкосновения донца гильзы со щитком колодки. Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, выстрел был направлен снизу вверх, что свидетельствует о том, что дульные срезы ружья находились выше относительно щитка колодки.

Как пояснил свидетель Бирюков, Хороший, во время происшедшего, с Драко не ссорился, ревности у него не могло возникнуть из-за того, что Драко пересела к нему. Они были друзьями, и Драко общалась со всеми присутствовавшими. Хороший показывал им ружье, по горизонтали водил стволами на уровне его лица. Потом раздался выстрел. Он не понял, как это произошло.

Хороший крикнул, чтобы вызвали «скорую помощь». Вместе с Хорошим Бирюков отвез Драко в больницу, а оттуда они поехали в милицию.

Свидетели Вишняков и Амельченко дали аналогичные показания. Кроме того Амельченко пояснил, что то обстоятельство, что у Хорошего появилось ружье никого не испугало, угроз он не высказывал и специально ни в кого не целился. По словам Вишнякова, выстрел был неожиданным. Как показала свидетель Петрова, Хороший сказал, что он сейчас что-то покажет и вышел, а вернулся с ружьем. Отношения между Драко и Хорошим были нормальные и атмосфера веселья и разговора не нарушалась, когда она пересела к Бирюкову. Хороший держал ружье на уровне головы Драко, что-то говорил ей и неожиданно произошел выстрел, Хороший сразу отбросил ружье, стал биться головой о печь и кричать, что он не хотел убивать, просил вызвать «скорую помощь».

Приведенные доказательства свидетельствуют, что между Драко и Хорошим были дружеские отношения. В день происшедшего между ними также

не возникло конфликта.

То обстоятельство, что Хороший до выстрела пытался заигрывать с Драко, но она не восприняла этого и пересела на другое место, с достоверностью не подтверждает вывод суда о возникновении между ними неприязни и совершении убийства из ревности.

В нарушение требований ст. 301 УПК РСФСР вывод суда в приговоре об умышленном лишении Хорошим жизни Драко не мотивирован.

Между тем, как видно из материалов дела, поведение Хорошего после выстрела – растерянность, переживание, принятие мер к оказанию медицинской помощи, свидетельствует о том, что выстрел был для Хорошего и всех присутствовавших неожиданным.

Тем не менее Хороший грубо нарушил правила обращения с оружием, вследствие чего произошел выстрел и была убита Драко. Нарушая правила обращения с оружием, Хороший мог и должен был предвидеть возможность выстрела и убийства кого-либо из присутствовавших, а поэтому его действия следует квалифицировать по ст. 106 УК РСФСР как неосторожное убийство¹⁸⁵.

А.Н. Леонтьев раскрыл системные связи между структурными элементами действия, в частности между предметом действия и целью. Те изменения объекта, которые непосредственно подвергаются изменению при воздействии субъекта на этот объект, представляют собой предмет действия и его непосредственную цель. Автор указывает, что «вопреки кажущемуся, актуально сознается только то, что входит в деятельность как предмет того или иного осуществляющего ее действия, как его непосредственная цель»¹⁸⁶.

Указанная связь между предметом действия и целью позволяет реконструировать содержание сознания субъекта преступной деятельности, выступающего в качестве управляющей системы при осуществлении преступного

---

¹⁸⁵ Судебная практика по уголовным делам в 2-х частях. Часть 2. Разъяснения по вопросам Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. /Сост. С.А. Подзоров. М., Экзамен, 2001. С. 302-204.

¹⁸⁶ Леонтьев АН. Деятельность. Сознание. Личность. М. 1977. С. 251.

действия.

В целом можно предложить следующий перечень структурных элементов действия: 1) материальный объект действия – часть объективных условий, в которых выполняется действие; 2) предмет действия – одна из сторон объекта, его свойство, которое изменяется субъектом действия. 3) цель – сознательно предполагаемое (и желаемое) конечное состояние предмета действия; 4) операции – этапы выполнения действия, необходимые для достижения цели действия; 5) средства действия – материальные или идеальные (зависит от рассматриваемой формы действия) объекты, позволяющие осуществить преобразование предмета действия. В материальной форме действия средства действия представлены в виде иных (не объекта действия) материальных объектов, позволяющих механически, химически и другим путем воздействовать на объект действия; 6) результат действия – ожидаемое или фактическое состояние объекта и предмета действия.

В минимальном объеме модель должна включать следующие элементы: а) объект действия, подлежащий изменению; б) свойства объекта, которые изменяются (предмет); в) операции, которыми изменяется объект; г) средства действия, которые позволяют воздействовать на объект и изменить его.

Использование предложенной нами модели элементного состава действия позволяет раскрыть криминалистические аспекты установления субъективной стороны преступления.

Рассмотрим следующий пример. В Определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 21 апреля 1993. указано, что суд постановил оправдательный приговор, не признав в действиях лица состава преступления – неосторожного убийства.

Органами предварительного следствия Левжинский обвинялся в неосторожном убийстве Салахова, совершенном при следующих обстоятельствах.

3 ноября 1989 г. несовершеннолетние Левжинский, Малахов, Заев, Руданик, Харюзов и Салахов приехали в охотничье зимовье. За ужином они выпили бутылку вина, после чего около зимовья по очереди стали стрелять

по пустым банкам и бутылкам из самодельного пистолета, заряжая его патронами кольцевого воспламенения и дробью-картечью. Сделав несколько выстрелов, Салахов, Харюзов и Рубаник вернулись в зимовье и сели за стол у окна, затянутого двумя слоями полиэтиленовой пленки, а Левжинский, Малахов и Заев продолжали стрелять.

Около 18 час., в сумерках, Левжинский, будучи близоруким и находясь в нетрезвом состоянии, зарядил пистолет и со взведенным курком стал бегать около зимовья в поисках более крупной мишени, по которой можно произвести выстрел. Пробегая мимо окна зимовья, Левжинский споткнулся и, падая, непроизвольно нажал на курок пистолета. Произошел выстрел, которым, сидевшему в зимовье напротив окна, Салахову было причинено проникающее огнестрельное ранение левой половины грудной клетки с повреждением легкого, повлекшее обильное кровотечение в левую плевральную полость и острое малокровие, от которого наступила смерть.

Шкотовским районным народным судом Приморского края Левжинский был оправдан в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК, за отсутствием в его действиях состава преступления.

В кассационном порядке приговор оставлен без изменения.

Постановлением Президиума Приморского краевого суда оставлен без удовлетворения протест прокурора края, в котором ставился вопрос об отмене приговора и кассационного определения и направлении дела на новое судебное рассмотрение.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене всех судебных решений и направлении дела на новое судебное рассмотрение. При этом он указал, что обращение с огнестрельным оружием и тем более в непосредственной близости от людей предполагает соблюдение повышенных мер предосторожности. Левжинский эти требования знал, однако, грубо пренебрег ими. Находясь в нетрезвом состоянии и передвигаясь в сумерках с заряженным пистолетом в положении спускового крючка на боевом взводе, он не соблюдал элементарных мер предосторожности, допустил

преступную самонадеянность, выразившуюся в том, что в непосредственной близости от окна зимовья, за которым находились люди, стал прыгать через ведро наполненное водой, споткнулся, в результате чего и произошел выстрел, которым был убит Салахов. Хотя наступление этих последствий Левжинский не предвидел, однако, по обстоятельствам дела должен был и мог их предвидеть.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 21 апреля 1993 г. протест оставила без удовлетворения, указав следующее.

Левжинский, не признавая своей вины в неосторожном убийстве Салахова, указал, что его очередь стрелять была последней. Времени было около 18 час., уже смеркалось. В связи с тем, что зрение у него не очень хорошее, он решил найти более крупную мишень. С заряженным пистолетом в руке он заглянул в зимовье, где в это время ужинали Рубаник, Харюзов и Салахов, и спросил у ребят банку, но подходящей там не оказалось. Тогда находившийся на улице Малахов сказал ему, что банка есть около зимовья. Он побежал вдоль зимовья в указанное ему место и, пробегая мимо окна зимовья, где стояло ведро с водой, споткнулся. Падая, он пытался удержать равновесие, взмахнул руками и, видимо, непроизвольно нажал на спусковой крючок, произошел выстрел. Сразу он не придавал этому значения. Но когда из зимовья выбежали Рубаник и Харюзов и сказали, что ранен Салахов, он понял, что это произошло от его выстрела. Они пытались оказать Салахову помощь, но тот, не приходя в сознание, скончался. Он, Левжинский, не предполагал, что упадет и произведет непроизвольный выстрел.

По словам свидетеля Малахова, подтвердившего обстоятельства случившегося, когда Левжинский бежал, он пистолет держал дулом вниз, а когда споткнулся, взмахнул рукой – прозвучал выстрел.

Свидетель Заев показал, что он в это время стоял спиной к зимовью. Услышав выстрел, он оглянулся и увидел, что Левжинский лежит напротив окна зимовья. Из зимовья выбежал Рубаник и сказал, что ранен Салахов.

Как показал свидетель Харюзов, после ужина, сделав несколько выстре-

лов, он, Рубаник и Салахов вернулись в зимовье: Салахов сел за стол лицом к окну. В зимовье заглянул Левжинский и вышел. Вскоре прозвучал выстрел, и Салахов упал.

Аналогичные показания дал свидетель Рубаник.

Согласно заключению баллистических экспертиз, Салахов мог получить смертельное ранение при обстоятельствах, изложенных Левжинским.

На основании этих доказательств суд обоснованно пришел к выводу о том, что Левжинский, пробегая под окном зимовья с заряженным пистолетом, дуло которого было направлено вниз, не предвидел и не мог предвидеть, что не заметит ведро, споткнется о него, падая, взмахнет руками, произвольно нажмет на спусковой крючок и произойдет выстрел в сторону окна зимовья, которым будет смертельно ранен Салахов. С учетом изложенного, суд правильно пришел к выводу об отсутствии в действиях Левжинского состава преступления и постановил в отношении него оправдательный приговор.

В протесте не оспариваются фактические обстоятельства дела, установленные судом, однако, утверждается, что Левжинский должен был и мог предвидеть наступление смерти Салахова в результате своих действий. Но доказательств, подтверждающих это утверждение, в протесте не содержится. То обстоятельство, что Левжинский знал правила обращения с огнестрельным оружием, не опровергает обоснованности вывода суда¹⁸⁷.

Оправдательный приговор вынесен на том основании, что был правильно установлен элементный состав действия, приведшего к причинению смерти. Объектом действия Левжинского не был пострадавший, поэтому и предметом этого действия не могли быть жизнь и здоровье пострадавшего. Отсюда вытекает отсутствие состава преступления.

Одной из задач, решаемых в ходе создания криминалистической модели преступной деятельности, является задача правильного установления того

---

¹⁸⁷ Судебная практика по уголовным делам в 2-х частях. Часть 2. Разъяснения по вопросам Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. /Сост. С.А. Подзоров. М., Экзамен, 2001. С. 278-279.

свойства объекта материального действия, которое подвергается изменению преступным действием, то есть предмета действия. Установление предмета действия позволяет реконструировать цель действия, а в совокупности, - определить содержание сознания субъекта преступления при выполнении этого действия.

Военным судом Северо-Кавказского военного округа 16 августа 1996 г. осуждены: Власов – по ч. 3 ст. 206, ст. 15 и п. "б" ст. 102 УК РСФСР; Могилин – по ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 206 УК РСФСР. Власов и Могилин признаны виновными в злостном хулиганстве с применением предметов, приспособленных для нанесения телесных повреждений. Могилин, кроме того, - в краже чужого имущества, а Власов – в покушении на убийство из хулиганских побуждений.

Как указано в приговоре, пьяные Могилин и Власов на улице поселка встретили незнакомого им гражданина Шостку, пристали к нему и стали избивать, нанося удары руками и ногами, в том числе по лицу и голове. Желая причинить потерпевшему боль, Могилин в процессе избияния нанес ему удар ножом в плечо, причинив легкое телесное повреждение с кратковременным расстройством здоровья. Вслед за Могилиным Власов, с целью убийства, нанес Шостке этим же ножом удар в левую половину груди, причинив проникающее ранение в левую плевральную полость, отнесенное к тяжким телесным повреждениям. После этого Могилин и Власов с места происшествия скрылись, а Шостка был подобран патрульным нарядом милиции и доставлен в больницу, где ему была оказана медицинская помощь. Органы следствия и суд квалифицировали действия Власова, связанные с причинением тяжкого телесного повреждения Шостке, как покушение на умышленное убийство из хулиганских побуждений.

Военная коллегия Верховного Суда РФ 20 марта 1997 г., рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного Власова, установила, что действия Власова по ст. 15, п. "б" ст. 102 УК РСФСР квалифицированы без достаточных оснований. В ходе предварительного следствия и в судебном заседа-

нии Власов утверждал, что, нанося Шостке удар ножом, он умысла на его убийство не имел, а хотел лишь причинить потерпевшему физическую боль. Эти объяснения Власова подтверждены объективными данными. Из материалов дела видно, что удар Власовым был нанесен с незначительной силой, о чем свидетельствовала небольшая глубина раневого канала (1,5 см). После случившегося Власов видел, что Шостка жив, однако, каких-либо действий, направленных на лишение его жизни, не предпринимал, хотя имел такую возможность. Сам факт нанесения удара в левую половину груди при отсутствии других доказательств, подтверждающих умысел на лишение жизни потерпевшего, не может свидетельствовать о намерении Власова убить Шостку. Поэтому действия Власова в части причинения Шостке ножевого ранения переквалифицированы со ст. 15 и п. "б" ст. 102 на ч. 1 ст. 108 УК РСФСР¹⁸⁸.

Изменение квалификации обусловлено тем, что при правильном установлении предмета действия, то есть свойством объекта действия, которое подвергалось изменению, им оказалась не жизнь субъекта, а его здоровье. На этом основании правильно была установлена цель действия. Целью действия было причинение потерпевшему физической боли, а не причинение смерти. Основанием для такого установления стали конечные состояния объекта преступного действия – следы воздействия на тело потерпевшего. В число этих следов входят следующие факты. 1) Удар Власовым был нанесен с незначительной силой (факт установлен по небольшой глубине раневого канала (1,5 см). 2) После случившегося Власов видел, что Шостка жив, однако каких-либо действий, направленных на лишение его жизни, не предпринимал, хотя имел такую возможность. 3) Сам факт нанесения удара в левую половину груди при отсутствии других доказательств, подтверждающих умысел на лишение жизни потерпевшего, не может свидетельствовать о намерении Власова убить Шостку.

При исследовании предмета и цели действия судом учитывается и перцептивная форма этого действия – Власов видел, что Шостка жив.

---

¹⁸⁸ БВС РФ №8 1997. С. 9.

Материализованная форма действия рассматривается нами одновременно с **речевой формой**, поскольку и та и другая основаны на использовании знака. В криминалистике действие со знаками рассматривалось только по отношению к деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, так материальные следы преступления являются знаком, который в свою очередь выступает носителем информации¹⁸⁹. Р. С. Белкин, рассматривая знаковые системы в криминалистике, указал, что под знаком подразумевают чувственно воспринимаемый предмет (звук, рисунок и т.п.), который в процессе познания используется для хранения, закрепления, преобразования и передачи информации. Знак – это предмет, который выступает не объектом познания, а его средством¹⁹⁰.

В речевой форме действия воздействие осуществляется на определенного субъекта – потерпевшего. Поэтому иной субъект – потерпевший выступает в криминалистическом плане в качестве объекта действия. Свойством объекта, которые требуется изменить, – предметом действия, как правило выступает то или иное действие (бездействие) потерпевшего.

В иных видах преступлений, например, преступлений против жизни, речевая форма действия либо существует наряду с материальной формой, когда причинение смерти сопровождается какими-либо высказываниями, либо осуществляются два последовательно протекающих действия, из которых одно имеет речевую форму, а другое – материальную.

Приведем следующий пример. Акмалов проиграл в карты потерпевшему 15 тыс. рублей. С целью избавления от возврата карточного долга, он решил убить потерпевшего и попросил Ивакина помочь ему в этом. Во время разговора с потерпевшим о возврате долга Акмалов и Ивакин попросили его раз-

---

¹⁸⁹Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. М. НОРМА. 1999. С. 31; Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 74; Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика. Норма, 2004, С. 52; Агафонов В.В., Филиппов А.Г. Криминалистика: Вопросы и ответы. Юриспруденция, 2002, С. 30-34; Шурухнов Н.Г. Криминалистика. Юристъ, 2004, С. 12; Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах. Юристъ, 2004, С. 20.

¹⁹⁰ Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. М. 2001. С. 215.

решить возратить долг частями. Однако, потерпевший отказался, предлагая оплатить долг полностью. Тогда Акмалов двумя выстрелами из ружья убил его.

В Определении Верховного Суда РФ по делу Акмалова и Ивакина указывается, что в данном конкретном случае убийство было совершено не из корыстных побуждений, а на почве личных неприязненных отношений.¹⁹¹

Механизм приведенного преступления складывается из двух действий: первого, - имеющего речевую форму, и второго, - имеющего материальную форму. Целью первого действия было добиться возврата долга частями. Поскольку это не удалось, то возникли неприязненные отношения. Поэтому следующее действие было обусловлено этой причиной. Таким образом, добавление в криминалистическую модель действия в речевой форме позволило правильно установить цель и мотив преступления.

Особую сложность для ретроспективного моделирования преступления представляет перцептивная форма действия.

Перцептивная форма действия. Термин «перцепция» обозначает восприятие. Восприятие есть и у животных. Животные воспринимают окружающий мир, отображают его в своем мозге при помощи органов зрения, слуха, обоняния и т.д. Однако, восприятие человека отличается от восприятия животных. Восприятие человека это действие, – писал В.П. Зинченко¹⁹². При восприятии происходит движение глаз, рассматривающих предмет, движения руки, ощупывающего предмет или манипулирующего с ним и т.д.¹⁹³. Поэтому следует различать восприятие мира человеком, осуществляемое на физиологическом уровне и перцептивное действие, входящее в состав любой преступной деятельности.

Рассмотрим пример, когда Судебная коллегия Верховного Суда РФ при-

---

¹⁹¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2003 по уголовным делам // Бюл. ВС РФ №1 январь 2004. С. 15

¹⁹² Зинченко В.П. Образ и деятельность. М. Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК» 1997. С. 350.

¹⁹³ Психология. Уч. пособие. Под ред. В.А. Крутецкого. М. Просвещение. 1974. С. 107.

знала основанным на законе решение суда об отсутствии в действиях П. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ. Органами предварительного следствия П. обвинялась в том, что она, исполняя обязанности следователя следственного отдела при ОВД г. Биробиджана, заведомо незаконно задержала Н. Судом Еврейской автономной области 31 мая 2002 г. П. оправдана по ч. 1 ст. 301 УК РФ за отсутствием в ее действиях состава преступления. В кассационном протесте государственный обвинитель, не соглашаясь с принятым судом решением, утверждал, что действия П. по задержанию Н. носили заведомо незаконный характер, просил приговор отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение в ином составе судей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 13 февраля 2003 г. оправдательный приговор оставила без изменения, а кассационный протест прокурора без удовлетворения, указав следующее. П. возбудила и расследовала уголовное дело по факту кражи имущества из квартиры в г. Биробиджане, которая совершена 17 сентября 2000 г. При проведении оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что одна из похищенных вещей – телевизор "Голдстар", находится у О. 20 апреля 2001 г. данный телевизор у него изъяли. О. пояснял, что телевизор он купил у Н. осенью 2000 года. 3 мая 2001 г. телевизор был опознан потерпевшей и возвращен ей.

8 мая 2001 г. прокурор г. Биробиджана, ознакомившись с материалами дела, пояснениями П. и оперуполномоченных Ж. и Л. о причастности к данной краже Н., санкционировал производство обыска в его квартире. Однако, до 14 мая 2001 г. оперативным работникам не удавалось застать его дома. 14 мая 2001 г. при производстве в квартире Н. в его присутствии обыска, оперативные работники похищенных вещей не обнаружили. В 22 час. 20 мин. П. допросила его в качестве подозреваемого. Он отрицал знакомство с О. и факт продажи последнему похищенного телевизора. После этого П. приняла решение задержать Н. в порядке ст. 122 УПК РСФСР. В протоколе задержания она подчеркнула одно из трех оснований задержания, напечатанное типографским шрифтом: «...очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут

на данное лицо как на совершившее преступление».

Действия П. по задержанию Н. были расценены органами следствия, как заведомо незаконные. Этот вывод в обвинительном заключении мотивирован тем, что подчеркнутая П. фраза в протоколе, якобы, не соответствует действительности, поскольку никто из очевидцев прямо не указал на Н., как на лицо, совершившее кражу. Между тем, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ установила, что выводы суда о невиновности П. в совершении инкриминируемого ей преступления основаны на доказательствах, полученных в установленном законом порядке, всесторонне, полно и объективно исследованных в судебном заседании и получивших оценку суда в соответствии с требованиями ст. 88 УПК РФ.

В судебном заседании П. виновной себя в заведомо незаконном задержании Н. не признала, пояснила, что от оперуполномоченных Ж. и Л. ей стало известно о причастности Н. к краже. Она возобновила производство по делу, допросила О. и выяснила, что осенью 2000 года Н. принес к нему домой и продал ему телевизор "Голдстар". Этот телевизор был изъят, в дальнейшем опознан потерпевшей и возвращен ей. Правдивость показаний О. не вызывала сомнений, так как Н. характеризовался как ранее судимый, нигде не работавший, общавшийся с сомнительными людьми. С санкции прокурора в квартире Н. был произведен обыск, но положительных результатов он не дал. Н. же в ходе допроса отрицал свое знакомство с О. и продажу ему телевизора. С учетом этого она решила задержать Н. в порядке ст. 122 УПК РСФСР с тем, чтобы воспрепятствовать ему помешать установлению истины по делу, рассчитывая провести очную ставку между ним и О. В течение суток оперативные работники не смогли найти О., и она освободила Н. По словам П., производя задержание Н., она не сомневалась в его причастности к краже, ранее его не знала, неприязни к нему не испытывала.

Ее выводы о причастности Н. к краже основывались на показаниях О., поведении самого Н., который все отрицал, пытаясь этим обеспечить себе алиби, решении прокурора о санкционировании обыска у Н., а также сооб-

щенной ей оперативными работниками информации. Как видно из показаний оперуполномоченных Ж. и Л., О. сам обратился к ним по поводу продажи ему Н. телевизора и сообщил, что со слов Н. ему известно, что телевизор краденый.

Суд обоснованно признал правдивыми показания свидетелей Ж. и Л., как согласующиеся с показаниями П., и подтверждающиеся рапортом Ж. от 25 апреля 2001 г., в котором он сообщил об изъятии у О. телевизора, похищенного из квартиры в г. Биробиджане. С учетом изложенного, следует признать правильными и выводы суда о неправдивости показаний О., отрицавшего свою осведомленность о приобретении им похищенного телевизора.

При оценке показаний О. судом обоснованно учтено и то, что он в соответствии с законом вправе не свидетельствовать против себя самого. Н. в судебном заседании пояснил, что он действительно продал О. телевизор, который он взял у Иванова, уехавшего на постоянное жительство в Израиль, и не знает, «ворованный телевизор или нет». Свидетель И. – начальник следственного управления УВД Еврейской автономной области пояснил, что П., как следователь, действовала на основании закона, так как перед задержанием Н. она располагала данными о том, что телевизор, который Н. продал О., похищен – его опознала потерпевшая. С учетом совокупности приведенных данных, следует признать обоснованным решение суда первой инстанции, согласившегося с доводами, изложенными свидетелем И. Всесторонний анализ и основанная на законе оценка исследованных в судебном заседании доказательств, в их совокупности, позволили суду прийти к правильному выводу об отсутствии у П. умысла на незаконное задержание Н. При этом суд обоснованно признал, что П. действовала с учетом своего профессионального опыта, добросовестно полагая, что, задерживая Н. в порядке ст. 122 УПК РСФСР, она поступает в соответствии с законом. Убеждение П., как следователя, в причастности Н. к преступлению с учетом конкретных обстоятельств дела при его задержании, исключает в ее действиях признак «заведомости» незаконного задержания. С учетом изложенного, Судебная коллегия Верхов-

ного Суда РФ признала основанным на законе решение суда об отсутствии в действиях П. состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ¹⁹⁴.

С точки зрения построения криминалистической модели деятельности П., суть заключается в том, что устанавливается факт того, как воспринимала П. ситуацию. Более точно следует указать, что криминалистическая задача построения модели действия сводилась к тому, что моделировать следует именно перцептивное действие П.

Судом установлен объект перцептивного действия, которым является Н., и то свойство объекта, которое воспринималось, - причастность Н. к похищению. Не установлены судом перцептивные операции и средства, которые обеспечили осуществление перцептивного действия. В криминалистике также нет указаний на то, какие именно средства используются в перцептивном действии. В приведенной ситуации сформированная модель перцептивного действия П. хотя и имеет не полный характер, то есть не раскрыт операционный состав действия и использованные средства, однако, сформированная модель оказалась достаточной для правильной, в конечном итоге, квалификации.

Рассмотренные выше примеры позволяют сделать следующий вывод. Выделение форм действия является средством, с помощью которого может быть сформирована существенно более детальная криминалистическая модель преступной деятельности. Поскольку в реальной деятельности преступника, как правило, используются одновременно действия в различных формах, то возникает самостоятельная задача, заключающаяся в разделении одних действий от других. Это возможно путем учета ряда характеристик действия: объекта действия; свойств, подлежащих преобразованию; операций и средств действия.

Приведем пример, в котором модель преступной деятельности составлена из последовательности действий, имеющих различные формы.

В Определении СК ВС РФ от 19 августа 1993 г. указано, что органами

---

¹⁹⁴ Бюлл. ВС РФ №1 январь 2004. С. 11-12

предварительного следствия Стяжкину было предъявлено обвинение в умышленном убийстве Теймурова по ст. 103 УК РСФСР. Нижневартовским районным народным судом Ханты-Мансийского автономного округа Стяжкин осужден по ст. 106 УК РСФСР за неосторожное убийство Теймурова.

По данному делу осужден Бахтуров за укрывательство этого убийства. 10 мая 1991 г. на берегу ручья между Теймуровым и Стяжкиным возникла ссора, во время которой Стяжкин ударил обухом топора по голове Теймурова. Затем Стяжкин затащил потерпевшего в наполненный водой котлован и стал опускать его голову в воду. Когда Теймуров вырвался и отплыл на середину котлована, Стяжкин, демонстрируя нож, не давал ему выбраться на берег до тех пор, пока тот не утонул.

Судебная коллегия по уголовным делам суда Ханты-Мансийского автономного округа приговор оставила без изменения.

Президиум этого же суда протест прокурора автономного округа, в котором ставился вопрос об отмене судебных решений, оставил без удовлетворения.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене судебных решений, в связи с неправильной квалификацией действий Стяжкина. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 19 августа 1993 г. судебные решения отменила и дело направила на новое судебное разбирательство по следующим основаниям.

Принимая решение о переквалификации действий Стяжкина со ст. 103 УК РСФСР на ст. 106 УК РСФСР, суд указал, что тот не предвидел возможности наступления смерти потерпевшего, хотя должен был и мог это предвидеть.

Кроме того, суд сделал вывод, что достоверных и неопровержимых доказательств, подтверждающих направленность умысла Стяжкина на лишение жизни Теймурова, в судебном заседании не установлено.

Однако, с данным выводом суда нельзя согласиться, так как он сделан без учета имеющихся в деле доказательств.

Во время предварительного следствия Бахтуров (осужденный за укрывательство этого преступления) показал, что Стяжкин ударил потерпевшего по голове обухом топора, затащил в наполненный водой котлован. Когда Теймуров вырвался и поплыл к другому берегу, Стяжкин сказал: «Смотри, если не мы его, то значит он нас». Он же показал, что Стяжкин имел в виду то, что если не они убьют Теймурова, то тот со своими земляками убьет их. Как видно из показаний Бахтурова, потерпевший несколько раз пытался выбраться из воды, но Стяжкин с ножом в руках препятствовал этому, и Теймуров снова отплывал к середине котлована. Предложив Стяжкину оставить в покое потерпевшего и возвращаться домой, он ушел от водоема. Вода после таяния была холодная. Такие же показания Бахтуров дал и в суде.

Стяжкин на очной ставке с Бахтуровым и в судебном заседании подтвердил его показания и пояснил, что, уходя от котлована, понял, что Теймуров утонул. Этим обстоятельствам, имеющим существенное значение для правильной квалификации действий Стяжкина и Бахтурова, суд не дал надлежащей оценки и принял необоснованное решение о переквалификации их действий.

При таких данных нельзя признать обоснованными судебные решения, вынесенные по делу. При новом рассмотрении дела 17 декабря 1993 г. Нижегородским районным народным судом Стяжкин осужден по ст. 103 УК РСФСР. В кассационном порядке приговор 8 февраля 1994 г. оставлен без изменения¹⁹⁵.

Криминалистическая модель преступной деятельности, зафиксированная в первом описании преступления, позволяет квалифицировать действия Стяжкина, как неосторожное убийство. Правильная квалификация стала возможной фактически только при включении в модель действий, осуществленных в различных формах. Так, прежде всего о направленности умысла на лишение жизни свидетельствует следующее перцептивное действие Стяжки-

---

¹⁹⁵ Судебная практика по уголовным делам в 2-х частях. Часть 2. Разъяснения по вопросам Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. /Сост. С.А. Подзоров. М., Экзамен, 2001. С. 281-282.

на. Он воспринимал действия потерпевшего не как попытку потерпевшего спасти свою жизнь, а как начало организации убийства. Это восприятие отобразилось вовне в речевом действии следующим образом: Стяжкин сказал: «Смотри, если не мы его, то значит он нас». При этом Стяжкин имел в виду то, что если не они убьют Теймурова, то тот со своими земляками убьет их. Отметим, что анализ формулировок, использованных Верховным Судом РФ, позволяет указать четкое понимание различий между речевой формой действия и перцептивной. Это видно из того, что вначале приводятся слова Стяжкина, а потом приводится тот смысл, который он вкладывал в эти слова, что и является характеристикой восприятия ситуации Стяжкиным.

В преступной деятельности было и материализованное действие. Демонстрация ножа не позволила потерпевшему выбраться на берег из воды. При этом нож представлял собой знак, указывающий на то, что потерпевший не должен осуществлять попыток выбраться в данном месте из воды. Материальную форму имели два действия: удар обухом топора по голове потерпевшего и затаскивание потерпевшего в воду.

Не достаточно подробная криминалистическая модель преступления, составленная только из двух материальных действий, позволила квалифицировать деяния по ст. 106 УК РСФСР. Однако, более полная модель преступной деятельности, в которую были включены действия, имеющие материализованный характер (демонстрация ножа), речевое действие, перцептивное действие, позволила правильно квалифицировать деяние по ст. 103 УК РСФСР.

Особенности речевой формы действия. Формы действия различаются во многом благодаря, и прежде всего, специфике используемых средств деятельности. В речевой форме действия средством является слово. Не рассматривая литературу по проблемам лингвистики, выделим только те стороны слова, которые позволяют рассматривать его, как средство речевого действия. Слово - структурная единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая со-

вокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков¹⁹⁶. Язык определяется, как один из классов знаковых систем¹⁹⁷.

Исторически слово рождается в качестве звука, который производится субъектом деятельности¹⁹⁸. Поэтому слово в своей исторической основе является внешним средством деятельности. Слово, в первую очередь, выполняет функцию коммуникации¹⁹⁹. В то же время, речевая форма действия может протекать не только как внешняя деятельность – общение с другими людьми, но и во внутреннем плане – в виде мысленного проговаривания. В любом случае, речевое действие становится основой для формирования понятий²⁰⁰. Мы мыслим только знаками – считал Пирс²⁰¹.

Рассмотрим процесс обозначения предмета с помощью слова, но при этом свое внимание перенесем не на объект, а на слово, как носитель информации.

Обозначая какой-либо предмет с помощью слова, человек использует две стороны слова как носителя информации – значение и смысл²⁰². Значение это то, что представляет собой общее для всех предметов, попадающих в объем данного понятия²⁰³, смысл – те видовые отличия, которые указываются для данных объектов, что и позволяет выделить их среди других рассматриваемых предметов²⁰⁴. Развивая эти определения, рассмотрим то, каким обра-

---

¹⁹⁶ Гак В.Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. М. Сов. энциклопедия. 1990. С. 64.

¹⁹⁷ Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М. Сов. энциклопедия. 1990. С. 604.

¹⁹⁸ Воронин С.В. Звукоподражания теория // Лингвистический энциклопедический словарь. М. Сов. энциклопедия. 1990. С. 165-166.

¹⁹⁹ Платонов К.И. Слово как физиологический и лечебный фактор. М. Медгиз. 1962. 532 с.; Ромен А.С. Самовнушение и его влияние на организм человека. – Алама-Ата. Казахстан. 1970. 199 с.; Кавасрский Б.Д. Психотерапия. Медицина. 1985. С. 83.

²⁰⁰ Ивлев Ю.В. Учебник логики: Семестровый курс. Учебник. М. Дело. 2003. С. 26.; Вермель И.Г., Солохин А.А. Формальная логика в судебной медицине. М. РМАПО. 1995. С. 9-10.

²⁰¹ Григорьев Б. В. Классическая логика. М. Уч. пособие. ВЛАДОС. 1996. С. 16.

²⁰² Иванов Е.А. Логика. Учебник. М. БЕК. 1996. С. 53.

²⁰³ Бочаров В.А. Маркин В.И. Основы логики. Учебник. М. ИНФРА-М. 1997. С. 184.

²⁰⁴ Ивлев Ю.В. Логика. Учебник. М. ТК Велби. Проспект. 2004. С. 146.

зом они раскрывают особенности форм действия и различие в средствах действия.

Сопоставляя две формы действия – перцептивную и речевую, укажем, что в первой форме средством действия является личностный конструкт, тогда как во второй – слово. В то же время, поскольку рассматриваются лишь формы действия, то с генетической точки зрения средства действия представляют собой одно и то же, то есть специфические формы средств действия. Это позволяет сравнивать слово и личностный конструкт.

В таком сравнении, личностный конструкт выполняют функции образования смысла, а слово выполняет функцию значения. Тем самым, из двух ведущих форм действия формируются компоненты сознания субъекта.

В работах А.Н. Леонтьева²⁰⁵, А.О. Прохорова²⁰⁶ и других отечественных психологов раскрыта структура человеческого сознания, которая состоит из трех компонентов: чувственной ткани, значения и смысла. Поскольку сознание есть свернутая (внутренняя, психическая) деятельность, то она, как и внешняя деятельность, имеет структуру и соответствующий компонентный состав.

А.О. Прохоров справедливо указывает, что сознание тесным образом связано с речью и без нее в высших формах не существует. При этом он считает, что язык и речь формируют два разных, но взаимосвязанных пласта сознания: **систему значений и систему смыслов слов**. «Значениями слов называют то содержание, которое вкладывается в них носителями языка. Система словесных значений составляет пласт общественного сознания, которое в знаковых системах языка существует независимо от сознания отдельного индивида» – пишет автор²⁰⁷.

Далее автор указывает компоненты сознания: 1) значение – «это ставшее

---

²⁰⁵ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Издательство МГУ. 1981. С. 290, 304, 335. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. Политиздат. 1977. С. 148.

²⁰⁶ Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна. Феникс+, 2002. С. 16.

²⁰⁷ Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна. Феникс+, 2002. С. 10.

достоянием моего сознания в более или менее своей полноте и многосторонности обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже умения, как обобщенного «образа действия», нормы поведения и т.д.»;

2) личностный смысл, т.е. пристрастное отношение субъекта к миру, выраженное в значениях и неразрывно связанное с мотивами личности и ее общей направленностью. Личностный смысл проявляется в эмоциональной окраске, неосознаваемых установках или готовности. Осознанный личностный смысл подразумевает представленность его субъекту в языковой форме;

3) чувственная ткань, т.е. чувственная данность мира в форме образов, наглядных впечатлений, представлений, которые порождаются в практической деятельности и выступают связующим звеном между субъектом и внешним миром»²⁰⁸.

Названные компоненты составляют единое функциональное целое; их самостоятельное рассмотрение есть абсолютизация некоторых сторон реальных процессов, их своеобразные логические пределы. При этом одна из сторон движения значений в сознании конкретных индивидов состоит в возвращении их к чувственной предметности мира, другая сторона движения значений состоит в той особой субъективности, которая выражается в приобретаемой ими пристрастности, т.е. связи с еще одной образующей сознания - личностным смыслом.

Природа трех компонентов сознания определяется тем, что сознание есть результат отражения. Следовательно, оно представляет собой знак, только он не фиксирован как след преступления, а является функционирующим постоянно.

Знак выступает в качестве представителя некоторого другого предмета или явления. Б.В. Бирюков указывает, что различают предметное, смысловое и экспрессивное значение знака. Знак обозначает предмет, – тем самым формируется предметное значение знака. Знак имеет смысловое значение, в ко-

---

²⁰⁸ Прохоров А.О. Там же. С. 16.

тором представлены стороны, черты, характеристики обозначаемого предмета, то есть все то, что понимает человек, воспроизводящий или воспринимающий знак. «Под экспрессивным значением знака понимаются выражаемые с помощью данного знака (при использовании его в данном контексте и в данной ситуации) чувства и желания человека, употребляющего знак»²⁰⁹.

Аналогичные три характеристики знаковых системы выделены в формальной логике. В логике указывается, что термины имеют две важнейшие характеристики: значение и смысл. В.А. Бочаров и В.И. Маркин пишут: «под значением (экстенционалом) термина понимают предмет, знаком которого данный термин является. ... Под смыслом (интенционалом) термина имеют в виду ту информацию о его значении, которую содержит сам термин или которая связана с ним»²¹⁰.

Возвращаясь к компонентам сознания и основываясь на приведенных ранее трех характеристиках знака (термина), можно выразить их в виде так называемого семантического треугольника.

Рис. 8. Компонентный состав сознания

²⁰⁹ Бирюков Б.В. Знак. Философский энциклопедический словарь М. Сов. энциклопедия». 1983. С. 191-192.

²¹⁰ Бочаров В.А. Маркин В.И. Основы логики Учебник. М. ИНФПА-М. 1997. С. 184.

Исследования закономерностей участия сознания в развитии преступной деятельности представляют собой весьма сложную задачу.

Самый прямой вопрос, который может быть поставлен перед криминалистикой, заключается в следующем: «может ли быть отображено содержание сознания субъекта преступной деятельности непосредственно вовне?». Достаточно удивительно, но на этот вопрос можно ответить положительно. Да, содержание сознания отображается вовне, разумеется при этом «следо-воспринимающим» объектом может быть лишь субъект, который сам имеет сознание. Речь идет об идеальных следах преступления.

А.Н. Леонтьев пишет: «сознание обязано своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений. Коммуницируясь, они становятся достоянием сознания индивидов. При этом, они отнюдь не утрачивают своей абстрагированности; они несут в себе способы, предметные условия и результаты действий, независимо от субъективной мотивации деятельности людей, в которой они формируются»²¹¹.

Тем самым обнаруживается тот факт, что значения представляют собой то общее, что позволяет различным субъектам понимать друг друга. Именно в этом контексте следует рассматривать высказывание Л.Б. Ительсона: «язык вынес само содержимое психики – значения – из психики вовне. В слове психика увидела сама себя; произошло отражение отражения»²¹².

Это означает, что **речь представляет собой еще одну форму, в которой происходит отражение деятельности вовне**. Особенностью этой формы отражения вовне является то, что для фиксации формирующихся при этом отражении следов требуется либо наличие лиц, которые воспринимают речь, либо технических устройств, которые предназначены для фиксации ре-

---

²¹¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. Политиздат. 1977. С. 144-145.

²¹² Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии. Мн. Харвест. «Издательство АСТ». 2000. С. 169.

чи, например, звукозаписывающей аппаратуры, либо выполнения самим субъектом определенных действий, позволяющих фиксировать речь, – например, в виде собственноручных записей, набора текста на пишущей машинке, компьютере и т.д. Устная речь рассматривалась в качестве источника информации о следах памяти человека П. Ю. Тимошенко²¹³. Развивая это направление, Ю.В. Ящуринский предложил технические средства криминалистической диагностики звуковой среды²¹⁴. Теоретические основы отражения звуковой информации в материальной среде рассмотрены В.Я. Лукашенко²¹⁵ и Ю.В. Поповым²¹⁶.

Изложенное позволяет дополнить и детализировать ранее приведенную схему, иллюстрирующую механизм отражения вовнутрь.

Кроме одного пути, посредством которого отображается в материальных следах **внешняя деятельность** субъекта, – то есть через его материальную форму действия, его акты, операции, действия, поведение, деятельность, возникает второй путь отражения, заключающийся в отображении результатов психического отражения с помощью речи. Интересующее нас отражение вовнутрь, при этом подходе, отображается с помощью речи субъекта преступления. Можно представить два указанных пути отражения на одной схеме в виде дополнения кибернетической модели, представляющей собой контур с обратной связью (рис. 9).

---

²¹³ Тимошенко П. Ю. Тактические и технические аспекты обнаружения и использования идеальных отображений в криминалистике // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев., 1988.

²¹⁴ Ящуринский Ю. В. Криминалистическая диагностика звуковой среды // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев., 1990.

²¹⁵ Лукашенко В. Я. Криминалистические средства и методы предоставления информации на предварительном следствии // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев., 1992.

²¹⁶ Попов Ю. В. Совершенствование информационного обеспечения следственной деятельности органов внутренних дел на основе использования методов информатики // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев., 1989.

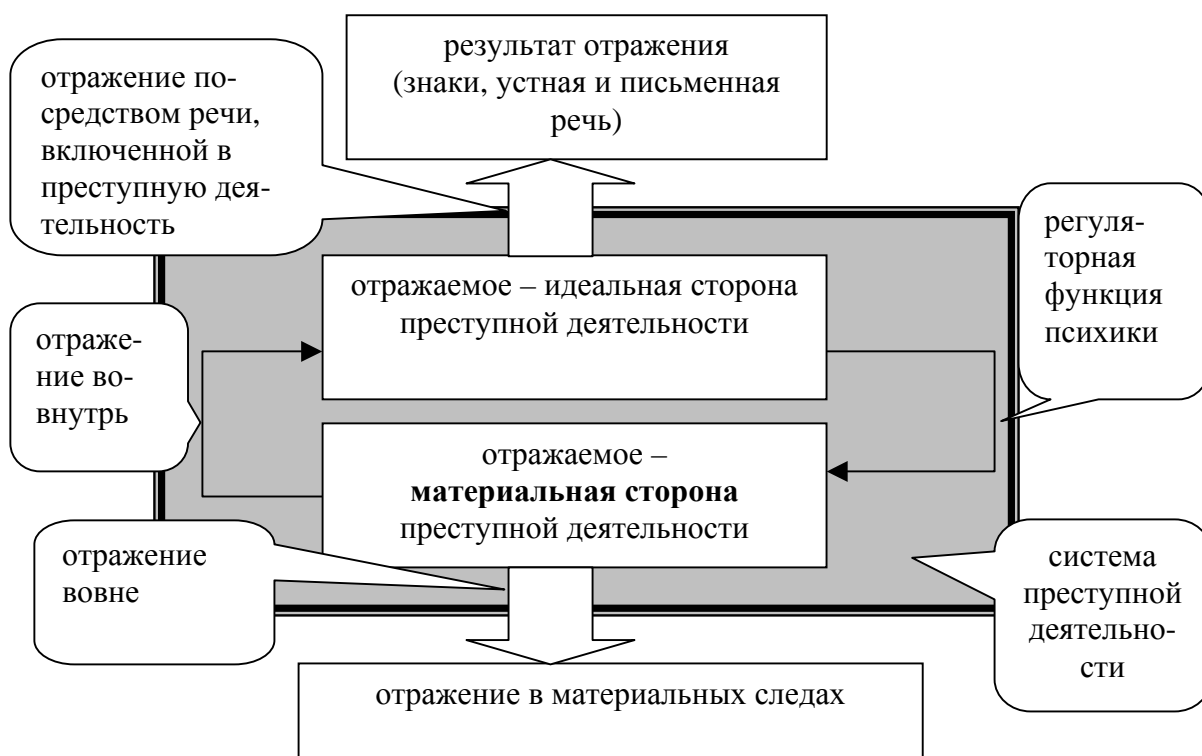

Рис. 9. Отражение материальной (объективной) и идеальной (субъективной) сторон преступной деятельности

Схема, представленная на рис. 9, раскрывает механизм формирования **идеальных следов преступления**, с точки зрения характеристик отображаемого объекта. **В преступной деятельности речь, представляющая собой значение, - как компонент сознания, – непосредственно отображается вовне.**

Таким образом, наша схема, предложенная на рис. 9, расширяет представления криминалистической теории отражения об отображаемых свойствах субъекта преступления. Следует еще раз обратиться к схеме отражения Р.С. Белкина и указать, что **речь представляет собой средство отражения.** При этом, **отображаемым объектом является компонент сознания – значение, отображающим (следовоспринимающим) объектом, изменяющимся при отражении вовне, является другой субъект, а следы, которые формируются, являются идеальными следами.**

Это позволяет детализировать механизм следообразования для идеаль-

ных следов.

Идеальные следы должны занять равноправное положение в криминалистике наряду с материальными следами. Изучение следственной практики показывает, что реконструкция преступления, как минувшего события, не базируется лишь на установлении изменений окружающей среды в виде материальных следов. Так же как и то, что преступление не представляет собой только действия с материальными предметами. Воздействие на потерпевшего, например, с помощью угроз, шантажа, запугивания, обмана составляет необходимый элемент способа совершения преступления. Речевая форма действия включена в структуру преступной деятельности и поэтому требует анализа с точки зрения механизмов слеодообразования.

Однако, не следует забывать, что речь это только форма действия. Как форма, она связана с иными формами, в том числе и перцептивной. Л.Б. Ительсон отмечает еще один важный момент: «чтобы служить средством общения, т.е. чтобы люди его понимали, слово должно иметь **одинаковое значение** для всех людей. ... Отдельный человек осваивает эти значения вместе с освоением речевой деятельности. Но значения слов – это и есть реальность, как она «презентирована», представлена человеку, его сознанию»²¹⁷.

Для криминалистики это высказывание важно тем, что раскрывает закономерности, заключающиеся в следующем: посредством речи и значения слов происходит отображение вовне содержания сознания. В то же время, восприятие субъекта определяется наличием личностных конструктов, которые обуславливают смысл выраженного в речи. В результате, речь является носителем информации, в которой взаимосвязаны и значения слов, объединяющие общающихся, и смыслы выражений, имеющие индивидуальное значение. В связи с этим, рассмотрим перцептивную форму действия.

---

²¹⁷ Ительсон Л.Б. Там же. С. 169-170.

Структура перцептивного действия.

При установлении субъективной стороны преступления важны все формы действия, однако, приоритетной оказывается перцептивная форма действия. Именно с ее помощью становится возможным объективно познать содержание сознания субъекта преступления в момент совершения преступного действия. Механизм восприятия субъектом своих действий и возможных результатов последних подразумевается, в первую очередь, в терминах уголовного права, раскрывающих субъектную сторону преступления.

Перцептивное действие в наибольшей степени соответствует интуитивному уровню представлений о том, что собой представляет психическое отражение, рассматриваемое в виде формирования в психике субъекта внутренней картины объективной реальности.²¹⁸

Даже в криминалистике существуют весьма упрощенное понимание восприятия. Так, С. В. Дубровин считает, что «мысленный образ в виде определенной совокупности признаков отражен в нашем сознании, которое является свойством высокоорганизованной материи – человеческого мозга; этот образ имеет материальную природу (фиксируется клетками мозга) и представляет собой не что иное, как материально- фиксированное отображение определенных признаков. Своеобразную аналогию в данном случае могут составлять, например, фотографические изображения, полученные за счет светочувствительных свойств используемых материалов»²¹⁹.

В этих представлениях процесс восприятия не коим образом не связан с деятельностью субъекта. Недостатком такого подхода является то, что он

---

²¹⁸ Это прослеживается по работам следующих авторов: Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. Права человека, 2002, 152 с.; Алексеев А.И. и др. Криминологическая профилактика. ИНФРА-М, 2001, 496 с.; Бурлаков В.Н., Кропачев Н.М. Криминология. Питер, 2003, 432 с.; Варчук Т.В. Криминология. ИНФРА-М, 2002, 298 с.; Вицин С.Е. Криминология (схемы). Щит-М, 2000, 242 с.; Водопьянов В. Криминология (конспект лекций в схемах). ПРИОР, 2001, 144 с.; Герасимов С.И. Организация криминологической профилактики в Москве. Щит-М, 2000, 272 с.; Гишинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: Курс лекций. Питер, 2002, 384 с.; Долгова А.И. Криминология. Норма, 2003, 848 с.

²¹⁹ Дубровин С.В. Методологические аспекты криминалистической диагностики. Закон и право. М. 2002. С. 15.

не позволяет осуществить научное исследование как самого восприятия, поскольку это совершенно идеальный процесс, так и исследовать выражения результатов этого восприятия в следах, поскольку идеальное непосредственно в следах не отображается. Если оно не отображается, то с точки зрения криминалистической теории отражения и не может быть зафиксировано. Тот факт, что сознание отображается вовне опосредованно как с практической, так и теоретической точки зрения, - требует исследования именно следообразующего объекта.

Возможно потому, что восприятие есть процесс, который нам интуитивно кажется достаточно простым, оказывается для научного познания в виде перцептивной формы действия наиболее сложным. С другой стороны, сложность научного исследования процесса восприятия субъекта, развивающегося, как его действие, в перцептивной форме, имеет объективную обусловленность в том, что этот процесс минимально напоминает привычное для нас по форме материальное действие.

Поскольку восприятие это действие, то оно, как и всякое действие, наиболее полно раскрывает свой специфический операциональный состав через средства, которые при этом используются. Средства перцептивного действия в психологии называются конструктами. Конструкты, как и средства материальной формы действия, выбираются произвольно субъектом в зависимости от цели и задач действия. Как, например, субъект выбирает материальный предмет для нанесения удара другому человеку, так он выбирает и конструкты, которые позволяют ему правильно воспринять свойства тех объектов, которые могут послужить таким орудием. То есть уже в момент взятия предмета, например, кухонного ножа в руки с целью нанесения удара, удар, как действие, оказывается выполненным в своей определенной части (операции по взятию предмета рукой). В момент нанесения удара перцептивная форма действия и конструкты обеспечивают выбор локализации места приложения механической силы. После нанесения одного удара ножом осуществляется восприятие достигнутого результата и, если выполненных операций

оказалось недостаточно для причинения смерти, они повторяются. Как видим, перцептивная форма действия всегда присутствует при выполнении преступного действия. Тем самым обеспечивается сознательный контроль преступного действия.

Нами уже отмечалось, что процесс восприятия собственного действия реализуется с помощью обратной связи. В этом смысле, суть обратной связи заключается в сравнении цели и результата. Поэтому операция сравнения представляет собой важнейшую операцию, входящую в перцептивное действие. Итогом операции сравнения является вывод, который в наиболее общей форме сводится либо к совпадению ожидаемого результата, либо к не совпадению. Это означает, что результат сравнения можно представить в виде 1 или 0, то есть ответов да и нет. Возникает операция, для которой биполярность (то есть деление на два полюса) или двоичность является наиболее характерным своим свойством

Кибернетические методы позволяют моделировать операцию сравнения.

Операция сравнения может быть формализована и представлена в виде схемы, представленной на рис. 10.

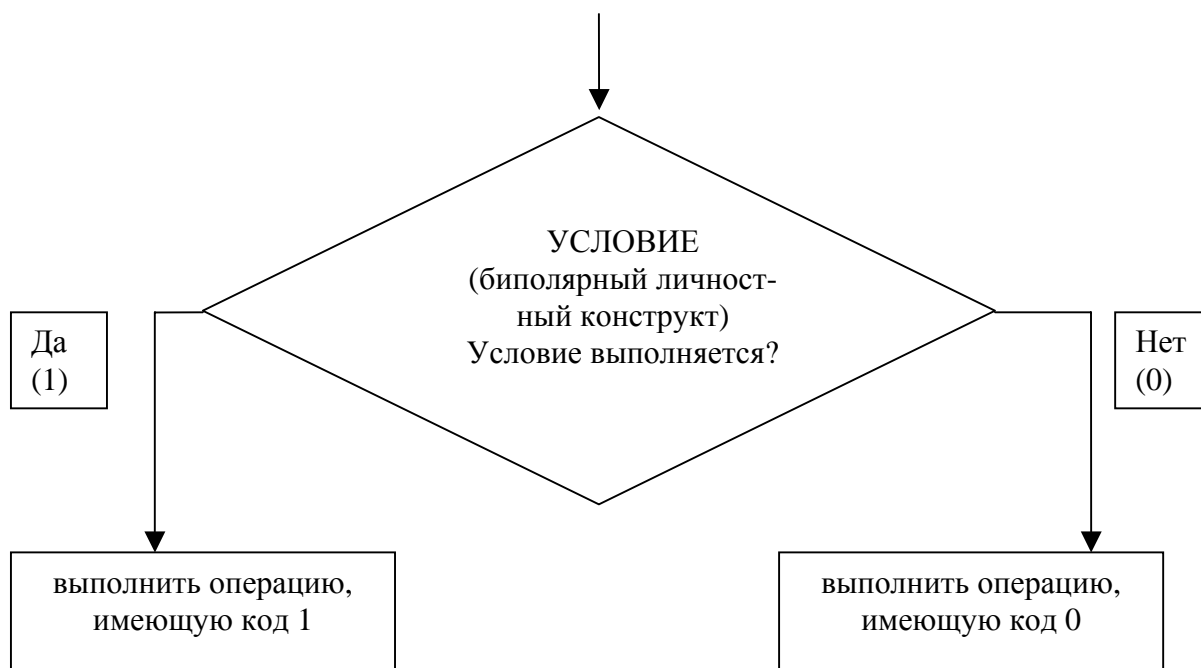

Рис. 10. Модель операции сравнения, включающая в качестве средства биполярный личностный конструкт.

Нас интересуют, в первую очередь, те объективные закономерности, которые исследованы психологией и могут быть использованы криминалистикой, с целью обнаружения характеристик перцептивного действия. Подчеркнем, что структурной основой перцептивного действия являются операции по применению особых «технических» средств, получивших название – личностные конструкты. Дж. Келли показал, что с точки зрения кибернетики, личностный конструкт представляет собой сенсор или датчик, который срабатывает (настроен) только на одно из свойств материального мира. Поэтому только наличие конструкта позволяет субъекту путем сравнения определять наличие (1) или отсутствие (0) именно этого свойства. Сам факт обучения человека и развития способности выделять те или иные признаки предметов, представляет собой обогащение перечня личностных конструктов и сведение их в иерархическую систему.

Конструкты функционируют подобно тому, как устроено цветное восприятие человеком окружающей среды. Как указала Е.Р. Россинская, любое цветовой ощущение складывается из трех базовых цветов, которые воспринимаются колбочками трех типов. Каждый тип колбочек чувствителен только одному цвету: красному, зеленому, синему²²⁰. С точки зрения кибернетики, природа использовала один и тот же принцип (одну и ту же кибернетическую модель) при формировании материальной основы цветового зрения и при создании системы средств восприятия мира человеком на уровне психики. Вместо колбочек в психике субъекта существуют «личностные конструкты». Каждый из них воспринимает лишь один признак, важный для субъекта, например, несправедливость. Это, так называемый, эмерджентный полюс конструкта. Если конструкт с эмерджентным полюсом «несправедливость» наиболее значим для субъекта, то любую ситуацию он воспринимает, в первую очередь, как результат оценки «несправедливая или справедливая».

Особенностью эмерджентного полюса конструкта является то, что он у субъекта имеет собственное словесное обозначение. Тем самым, перцептивная форма действия неразделима с речевой формой этого же действия. Именно поэтому установление субъективной стороны преступления, как правило, происходит в ходе «вербальных» следственных действий (допрос, очная ставка и др.).

По терминологии Келли: «эмерджентный полюс конструкта – это полюс, который включает большую часть непосредственно воспринимаемого конструкта»²²¹. Противоположный ему полюс называется «имплицитным». Как правило, он не имеет вербальной формулировки и остается подразумеваемым. Келли пишет: «иногда у человека даже нет специального символа для обозначения имплицитного полюса конструкта, и он выражается в имплицитной символической форме через эмерджентный термин»²²².

---

²²⁰ Россинская Е.Р. Основы естественно-научных знаний для юристов. М. Норма-инфора. М. 1999. С. 419.

²²¹ Келли Дж. Психология личности. Речь. СПб. 2000. С. 179.

²²² Там же. С. 179.

Однако, отсутствие признака не является отсутствием информации об окружающем мире, а представляет собой сообщение о наличии признака, воспринимаемого имплицитный полюсом конструкта, например, справедливость.

Личностные конструкты обеспечивают установление смысла воспринимаемого и весьма важны для уточнения уголовно-правового значения мотива деятельности. В криминалистических исследованиях термин «мотив» часто обозначает личностный смысл осознаваемого обстоятельства. Например, мотивами убийства, указывает Н.А. Селиванов в «Справочной книге криминалиста»,²²³ могут быть: корысть, ревность, хулиганские побуждения, зависть, обида, личная неприязнь, вражда, кровная месть и другие. Полагаем, что все перечисленные понятия обозначают именно **СМЫСЛ** выполняемого действия и комплекса действий, составляющих преступную деятельность. Поэтому так необходим анализ в криминалистике механизмов, позволяющих устанавливать личностный смысл, который имеет для субъекта ситуация и свои действия. Ничто, кроме личностных конструктов, не является средством установления личностного смысла. Система личностных конструктов, обнаруженная Дж. Келли, детализирует функционирование компонента сознания, названного А.Н. Леонтьевым «личностный смысл»²²⁴. Отсюда вытекает прикладное значение и важность исследования личностных конструктов конкретного субъекта преступления.

Криминалистическая модель системы личностных конструктов субъекта преступной деятельности необходима для создания криминалистического метода, позволяющего понять, что стоит за словами у человека, который их произносит (как говорил Дж. Келли он предложил метод, для «исследования того, что стоит за словами»²²⁵). В первую очередь, создание такого метода

---

²²³ Справочная книга криминалиста. Под ред. Н.А. Селиванова. Норма-инфора – М. М. 2000. С. 220.

²²⁴ Kelly G. A. The Psychology of Personal Constructs. Vols 1 and 2 Norton. New York. 1955. Келли Джордж. Психология личности. СПб. Речь. 2000. 249 с.

²²⁵ Франселла Ф. и Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М. Прогресс. 1987. С. 27.

необходимо для тактических целей. Например, в ходе допроса следователь не ограничивается смыслом слов, произносимых допрашиваемым, в их буквальном понимании. Допрашивающему важно понять, что стоит за этими словами.

Эту задачу решил Дж. Келли, который указал: «когда мы говорим: «Билл Блоггс *честен*», мы не имеем в виду, что Билл Блоггс обладает этим качеством вследствие того, что он не *хризантема*, не *линейный крейсер*, не *квадратный корень из минус единицы*. Когда мы говорим, что «Билл Блоггс *честен*», мы подразумеваем, что он не *плут*. Мы не всегда, скорее даже редко, определяем для себя явно противоположный полюс, но, согласно Келли, в поисках смысла в окружающей действительности мы подмечаем и сходство и различие одновременно»²²⁶.

Процитированный отрывок иллюстрирует, что именно Келли, как автор теории личностных конструктов, понимает под конструктом. Он пишет, что **конструкт позволяет осмыслить ситуацию, то есть обнаружить значение воспринимаемых предметов, их свойств, изменений среды**. В связи с чем, конструкт и может быть представлен как своеобразный сенсор или датчик, называемый еще в современной теории скрытности двоичным измерителем.

Следует отметить, что автор теории личностных конструктов – американец. Поэтому он не придерживался методологии нашей отечественной науки, не был марксистом и не мыслил категориями деятельностного подхода. Однако, исследуя объективную реальность, он пришел к тому же научному положению, что и отечественная наука: восприятие есть действие, точнее одна из сторон действия. Именно на действие указывает Дж. Келли, когда пишет, что конструкт это «открытый человеком способ поведения».

Субъект свободен в выборе своего поведения, это означает, что собственное поведение человек строит каждый раз заново посредством системы

---

²²⁶ Франселла Ф. и Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М. Прогресс. 1987. С. 35.

имеющихся у него конструкторов, если рассматривать только перцептивную форму действия. Келли пишет, что система конструкторов «обеспечивает каждого человека его собственной сеткой поведенческих тропинок, не только ограничивающих его действия, но и открывающих перед ним свободу, которая в противном случае оказалась бы для него психологически не существующей»²²⁷.

В этом и состоит криминалистическое значение понятия личностный конструктор, поскольку с его помощью открывается возможность детального описания субъективных факторов *modus operandi sistem* преступления. Полагаю, что можно дать следующее определение: **система личностных конструкторов это внутренний *modus operandi sistem* преступления.**

2.4. Модель интеллектуального и волевого элементов вины

Мы полагаем, что именно кибернетический метод моделирования позволяет предложить в качестве гипотезы модель интеллектуального и волевого элементов вины. Под моделью интеллектуального и волевого элементов вины, с точки зрения деятельностного подхода, мы предлагаем понимать модель тех объективных закономерностей в структуре преступной деятельности, установление которых является базой для уголовно-правовой оценки последнего, выражающейся в форме вины.

В зависимости от научных целей моделирования выделяют гносеологические модели и информационные. Гносеологическая модель используется для наиболее полного отображения объекта, познания его структуры и закономерностей функционирования. Информационная модель объекта создается

---

²²⁷ Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М. Прогресс. 1987. С. 31 – 32.

с целью практического применения ее в реальной деятельности. Без информационной модели объекта практическая деятельность не только затруднена, но и часто невозможна, поскольку именно информационная модель, носит прикладной характер и позволяет предсказывать изменения объекта при том или ином воздействии на него.

От моделей гносеологических, указывает Н.С. Райбман, как правило, требуется высокая степень «физичности», поскольку они должны детально отразить физические процессы, обеспечивающие функционирование моделируемого объекта. Модели второго типа существенно более просты, дают формальное описание структуры и структурных связей²²⁸.

В судебно-почерковедческой экспертизе указанной классификации моделей придерживаются Н.Г. Сахарова²²⁹, В.Ю. Толстолицкий и Э.Г. Хомяков²³⁰. Типовые информационные модели, используемые при проверке достоверности уголовно-релевантной информации, приведены в работе Н.В. Кручининой²³¹. А.Ф. Лубиным отмечается, что «двойственная природа криминалистической модели механизма преступной деятельности требует рассмотрения этой модели, с одной стороны, как промежуточного результата познания и, с другой, как инструмента последующего изучения закономерностей преступной деятельности»²³².

Следует подчеркнуть, что создаваемые в научных исследованиях модели, как правило, одновременно выполняют обе функции, то есть используются для теоретического познания объекта и имеют прикладное назначение.

---

²²⁸ Дисперсионная идентификация. Теоретические основы технической кибернетики. Под ред. Н.С. Райбмана. М. Наука. 1981. С. 17.

²²⁹ Сахарова Н.Г. Изучение процесса письма с помощью имитационного моделирования. Автореф. канд. дисс. 1989. С. 18.

²³⁰ Толстолицкий В.Ю., Хомяков Э.Г. Амплитудно-фазовый метод измерения талампаллидарных движений при исследовании почерковых объектов. Пособие для экспертов. Ижевск. 2001. 24 с. Хомяков Э.Г. Метод фазового анализа письменных объектов при проведении почерковедческих исследований. Автореф. канд. дисс. Ижевск. 2002. 22 с.

²³¹ Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации. Автореф. докт. дисс. М. 2003. С. 14.

²³² Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 16.

Тем самым, в таких моделях сочетаются стороны гносеологических моделей и информационных.

Предлагаемая нами модель элементов вины базируется на системе личностных конструкторов по следующим основаниям. Форма вины является обязательным признаком состава преступления. Это означает, что уголовно-правовому понятию «элементы вины» в криминалистической модели могут соответствовать лишь: а) уровень действий; б) операции и средства действия. Мотив соответствует уровню деятельности, в связи с чем, в ситуации, когда преступное действие не развивается в деятельность в реальной деятельности, мотив существует, но он не является преступным.

Не все операции относятся к осознаваемым, поэтому следует указывать лишь, так называемые «сознательные операции», и соответствующие средства действия. Тем самым указывается перечень структурных компонентов, которые необходимо создают механизм осознания.

В материальных составах преступлений наиболее важной формой действия, на которой основывается внутренне отражение (субъективная сторона преступления), является перцептивная форма действия.

Средствами действия, с помощью которых осуществляется способ его выполнения, являются личностные конструкторы, а операциями с ними в основном являются операции сравнения.

Сравнение осуществляется с целью получить дихотомический ответ – да или нет. То есть личностный конструктор представляет собой биполярное образование.

Для ориентировки в сложных ситуациях, необходимо использовать систему конструкторов, представляющую собой иерархически организованное дерево. В дереве фиксируется определенный порядок – алгоритм выполнения операций сравнения. Порядок применения личностных конструкторов необходим, поскольку он создает алгоритм выполнения последовательности операций в действии.

Изложенное позволяет сформулировать следующее представление о криминалистической модели интеллектуального и волевого элементов вины: **интеллектуальный компонент вины** представляет собой **перечень необходимых конструктов** (то есть, имеющихся у субъекта средств перцептивного действия), которые обеспечивают субъекту психическое восприятие, а тем самым - осознание собственных действий и существенных признаков ситуации, выступающих в качестве конкретных объективных условий совершения действия.

Поскольку только наличие необходимого конструкта позволяет воспринимать объективную сторону преступления и осознавать ее, следует указать, что, во-первых, конструкты у преступника требуется устанавливать соответствующими методами, а не априорно предполагать, что они якобы существуют, а во-вторых, поскольку конструкт это «техническое» средство, то следует устанавливать и операцию, которая выполняется при использовании конструкта.

Суть операций с конструктами сводится к тому, каким именно полюсом (эмерджентным или имплицитным) применен конструкт, и какое место в иерархии конструктов он занимает, то есть каким по порядку он применен. Последнее создает основу для моделирования волевого компонента вины.

Волевой компонент вины представлен, во-первых, связями между конструктами, и прежде всего иерархическими отношениями между ними, во-вторых, связями этой формы действия с другими формами этого же действия, посредством которых действие отображается вовне в материальных и идеальных следах преступления. Поскольку связи между формами действия были нами уже рассмотрены, остановимся на специфике перцептивного действия, то есть на иерархических связях между конструктами.

Если учитывать только эмерджентный полюс, то есть вербализированную часть конструкта, то иерархические связи удобно выражать логическими средствами - через **отношения объемов понятий**. При таком подходе перцептивная форма действия объединяется с речевой формой и мыслью, что

вполне соответствует реальным отношениями между ними. В результате, иерархические отношения конструкторов указывают на подчиненные понятия. Волевой компонент вины отображает то, что представляет для субъекта **фактическое** соотношение между существенными признаками ситуации, то есть их иерархию, которая является следствием иерархии конструкторов, позволяющих воспринять признаки.

Конструктор не может быть отождествлен ни с мотивом, ни с побуждением, ни с другими известными в уголовном праве и криминалистике понятиями. Во-первых, потому что такое совпадение делает бессмысленным введение нового понятия. А во-вторых, лишает возможности обосновать уголовно-правовые понятия специальными знаниями. Методики зрения кибернетики и информатики соотношения конструкторов можно представить следующим образом. Одни полюс конструктора можно обозначить символом 1, а противоположный – 0. Наличие признака обозначается 1, отсутствие 0. Таким образом, психическое восприятие ситуации осуществляется опосредованно – путем применения конструктора. В результате чего, если признак, который обозначается эмерджентным полюсом конструктора, обнаруживается в ситуации на основании операции их сравнения, то результат представлен символом 1. Если в ситуации этого признака нет, то результат сравнения обозначается символом 0.

Для двух признаков А и В результат выполнения двух последовательных операций сравнения приводит к четырем комбинациям – 11, 01, 10, 00. Сам Дж. Келли использовал указанное двоичное представление полюсов конструкторов и связей между ними следующим образом. Келли пишет:

«Рассмотрим иерархию четырех конструкторов в порядке А, В, С и D, каждый из которых имеет два возможных значения: 0 и 1. Из этих четырех конструкторов можно построить иерархическую шкалу значений с $\log_2^{-1} 4$ или 16 градациями. Значения градаций можно представить в символической форме 16 двоичными числами:

0000

0001
0010
0011
0100
0101
0110
0111
1000
1001
1010
1011
1100
1101
1110
1111

Предположим, что мы строим иерархическую шкалу «прямодушие-криводушие» из четырех базисных конструктов: «честность-нечестность», «искренность-неискренность», «неустрасимость-пораженчество» и «объективность-субъективность». Предположим также, что эти конструкты выстраиваются именно в таком иерархическом порядке. Пусть двоичная цифра 1 представляет первый элемент каждой пары, а двоичная цифра 0 – второй элемент каждой пары. Тогда нечестный, неискренний, пораженец и, к тому же, субъективный человек оказался бы представленным на этой шкале двоичным числом 0000 и находился бы на конце шкалы, соответствующем криводушию. Честный, но неискренний, склонный к пораженчеству и субъективизму человек был бы представлен двоичным числом 1000. Вследствие высокой релевантности честности такому качеству, как прямодушие, этот человек попадает в верхнюю часть шкалы. Тогда как нечестный, неискренний, пораженец, но стремящийся быть объективным человек был бы представлен двоичным числом 0001 и помещался бы ближе к нижнему концу этой шка-

лы»²³³.

В процитированном тексте важно отметить, во-первых, использование двоичного представления системы личностных конструктов. Во-вторых, указание на то, что иерархические отношения между конструктами изображаются последовательностью указания конструктов. Такой подход автора приводит к идее моделирования иерархии связей в системе личностных конструктов посредством кодирующих устройств. Дж Келли указывает на аналогию системы конструктов с электронными устройствами: «когда кто-то внимательно изучает происходящие вокруг него события он «зажигает» определенные дихотомии в своей системе конструктов. Поэтому системы конструктов можно рассматривать как своего рода паттерн сканирования или, проще говоря, растр, который человек непрерывно проецирует на свой мир. По мере осуществления систематического обзора (сканирования) своего перцептивного поля он считывает «отметки целей» – смысловые значения. Чем адекватнее его паттерн сканирования, тем более значащим, наделенным смыслом, становится для него окружающий мир. Чем точнее он соответствует паттернам сканирования, используемым другими людьми, тем больше «отметок целей» - смыслов - человек может извлечь из своих проекций»²³⁴.

В современных технических устройствах хорошо разработаны отмечаемые Дж. Келли методы параллельного анализа информации. Создан специальный математический аппарат, позволяющий моделировать и оптимизировать процессы параллельной обработки информации, поступающей с двоичных измерителей. Например, работы З.М. Каневского и В.Н. Литвиненко²³⁵. Таким образом, для криминалистики открывается возможность кибернетического моделирования перцептивного действия, что может послужить темой для дальнейших криминалистических исследований.

---

²³³ Дж. Келли. Психология личности. Теория личностных конструктов. Речь. СПб. 2000. С. 183-184.

²³⁴ Там же С. 188.

²³⁵ Каневский З.М., Литвиненко В.П. Теория скрытности. Воронеж. ВГУ. 1991. С. 144.

Выводы.

1. И уголовное право и психология рассматривает субъективную сторону преступления как систему регуляции, которая основана на внутреннем, то есть психическом отражении субъектом своей деятельности.

В то же время, вся криминалистическая теория отражения представляет собой описание отражения преступления вовне, в среду. Таким образом, из поля зрения теории криминалистики в целом, и криминалистической теории отражения в частности, выпадает одна из закономерностей объективной реальности, которые подлежат установлению в качестве элемента предмета доказывания и являются содержанием понятия «субъективная сторона преступления».

2. Психические процессы, являющиеся процессами саморегуляции деятельности субъекта преступления, должны быть включены в криминалистическую модель преступной деятельности именно в этом качестве, то есть как управляющая система. Поскольку наиболее общие закономерности саморегуляции и управления изучаются кибернетикой, то кибернетические методы моделирования обязаны использоваться при формировании криминалистической модели преступной деятельности, а сама модель преступной деятельности должна быть кибернетической, то есть содержать контур с обратной связью, где психические процессы являются управляющей системой, а предметная деятельность – объектом управления.

3. Саморегуляция посредством психических явлений любой деятельности осуществляется в самостоятельном ее структурном компоненте – действии. Действие имеет сложную структуру: 1) Материальный объект действия – часть объективных условий, в которых выполняется действие; 2) Предмет действия – одна из сторон объекта, его свойство, которое изменяется субъектом действия; 3) Цель – сознательно предполагаемое (и желаемое) конечное состояние предмета действия; 4) Операции - этапы выполнения действия необходимые для достижения цели действия; 5) Средства действия – материальные или идеальные (зависит от рассматриваемой формы действия) объек-

ты, позволяющие осуществить преобразование предмета действия. В материальной форме действия средства действия представлены в виде иных (не объекта действия) материальных объектов, позволяющих механически, химически и другим путем воздействовать на объект действия; б) Результат действия - ожидаемое или фактическое состояние объекта и предмета действия.

В минимальном объеме модель должна включать следующие элементы: а) объект действия, подлежащий изменению; б) свойства объекта, которые изменяются (предмет); в) операции, которыми изменяется объект; г) средства действия, которые позволяют воздействовать на объект и изменить его.

4. Действие имеет пять форм:

1) **Материальная форма** – реальное преобразование материального объекта.

Эта форма действия характеризуется осуществлением преобразования объекта из исходного состояния в конечное. Материальная форма действия лежит в основе механизма образования материальных следов.

2) **Материализованная форма** – действие производится со знаком, который либо порождается, либо используется, с целью воздействия на другого субъекта.

Действие нацелено на субъекта и опосредовано знаком, который является средством действия. Знак может быть представлен специально созданными для этой цели объектами и явлениями (рисунок, жест), либо предметами, выполняющими функцию знака – следами преступления. То же самое действие, которое с точки зрения субъекта преступной деятельности представлено в материальной форме – изменение материального объекта, для субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений выступает в материализованной форме, – как указатель на субъекта преступления.

3) **Перцептивная форма** – восприятие на психическом уровне (но не на уровне физиологической работы органов чувств).

Результатом перцептивной формы действия является рефлексивное осознание и предвидение результата выполняемого действия. Эта форма действия определяет содержание собственного сознания субъекта преступной деятельности. При этом результатом такого действия является, с одной стороны, восприятие внешних объектов и собственных действий, а с другой, - регуляция собственного поведения.

4) **Речевая форма** – действие может осуществляться в форме внешнего проговаривания или речи про себя;

5) **Умственная форма** – преобразование идеальных образов (образное мышление) и построение мысленных моделей.

5. Перцептивная форма действия имеет наибольшее значение для объяснения закономерностей, обозначенных понятием «субъективная сторона преступления».

До настоящего времени в криминалистике проблема связи между процессом восприятия и деятельностью субъекта преступления, с позиций деятельностного подхода, целенаправленно не исследовалась. Криминалистическое исследование субъективной стороны преступления должно опираться на представление о том, что восприятие это действие. Как и любое действие оно имеет структуру. Особенности этой формы действия можно раскрыть через специфический операциональный состав и через средства, которые при этом используются. Средства перцептивного действия в психологии называются конструктами. Конструкты, как и средства материальной формы действия, выбираются произвольно субъектом в зависимости от цели и задач действия.

6. Криминалистическая модель интеллектуального и волевого элементов вины должна дополнить существующие в криминалистике модели преступной деятельности.

Интеллектуальный компонент вины представляет собой перечень необходимых конструктов (то есть, имеющих у субъекта средств перцептивного действия), которые обеспечивают субъекту психическое восприятие, а

тем самым и осознание, собственных действий и существенных признаков ситуации, выступающих в качестве конкретных объективных условий совершения действия.

Поскольку только наличие необходимого конструкта позволяет воспринимать объективную сторону преступления и осознавать ее, следует указать, что конструкты у преступника требуется устанавливать соответствующими методами, а не априорно предполагать, что они якобы существуют. Поскольку конструкт это «техническое» средство, то следует устанавливать и операцию, которая выполняется при использовании конструкта.

Волевой компонент вины представлен во-первых, связями между конструктами, и прежде всего иерархическими отношениями между ними, во-вторых, связями этой формы действия с другими формами этого же действия, посредством которых действие отображается вовне в материальных и идеальных следах преступления. Если для упрощения учитывать только эмерджентный полюс, то есть вербализированную часть конструкта, то иерархические связи удобно выражать логическими средствами - через отношения объемов понятий. При таком подходе перцептивная форма действия объединяется с речевой формой и мыслью, что вполне соответствует реальным отношениям между ними. В результате, иерархические отношения конструктов указывают на подчиненные понятия. Волевой компонент вины отображает то, что представляет для субъекта фактическое соотношение между существенными признаками ситуации, то есть их иерархию, которая является следствием иерархии конструктов, позволяющих воспринять признаки.

Конструкт не может быть отождествлен ни с мотивом, ни с побуждением, ни с другими известными в уголовном праве и криминалистике понятиями. Во-первых, потому что в его основе лежат принципиально иные приемы оценки деятельности субъекта. Речь идет об уровне действия и перцептивной форме последнего. Во-вторых, такое совпадение делает бессмысленным введение нового понятия, поскольку лишает возможности обосновать уголовно-правовые понятия специальными знаниями.

7. Речевая форма действия представляет собой акт отражения содержания сознания субъекта преступной деятельности через средства языка. В материализованной и речевой формах действия содержание сознания субъекта преступной деятельности непосредственно отображается вовне и представляет собой механизм слепообразования, который до сих пор не указан в криминалистической теории отражения.

ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ОТРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ РЕ- ШЕНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РАССЛЕДОВАНИЯ

Выдвижение версий по субъективной стороне преступления.

Первыми элементами уголовно-процессуального доказывания, как верно указывает З.З. Зинатуллин, выступают: построение и динамическое развитие следственных (судебных) версий (1); собирание доказательств и их источников по каждой из возможных версий (2)²³⁶. Автор подчеркивает, что содержание следственной версии задано уголовным законом и уровнем знаний о выясняемом событии²³⁷. На основе версий обеспечивается избирательность и целенаправленность собирания и проверки доказательств и их источников²³⁸.

Конечно, в ходе собирания доказательств, не выделив сколько-нибудь четко определенный и ограниченный круг единичных фактов, никакого обобщения сделать вообще нельзя. Однако, круг этот очерчивается на основе некоторого абстрактно-общего соображения – версии²³⁹. Сложность и многогранность понятия «следственная версия» является причиной того, что в литературе она рассматривается с различных сторон²⁴⁰.

Ю.Г. Корухов указывает, что расследование может быть рассмотрено, как последовательное чередование индукции и дедукции: «Построение гипотезы (версии) начинается с признаков преступления, наблюдаемых на месте происшествия. Затем эти признаки по законам индукции сопоставляются с типовыми признаками различных ситуаций и после определения наиболее схожей из них осуществляется обратный процесс: методом дедукции мы

---

²³⁶ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск. 2003. С. 23.

²³⁷ Там же. С. 95.

²³⁸ Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск. Изд-во Удм. университета. 1993. С. 91.

²³⁹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С. 231.

²⁴⁰ Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. Ижевск. 2002. С. 89.

двигаемся вновь к частному (признакам совершения преступления), отыскивая недостающие согласно имеющимся типовым»²⁴¹.

Уголовно-процессуальное доказывание, взятое без анализа той роли и места, которое в нем занимает версионный метод²⁴², как раз и оказывается лишь подтверждением, а не установлением интуитивно априорно принятого следователем представления о содержании субъективной стороны преступления.

Такая ситуация известна и в криминалистике, рассмотрена неоднократно. «... Можно полностью соблюсти все нормы уголовно-процессуального закона, в точном соответствии с ним произвести все следственные действия и ... ни на йоту не приблизиться к установлению истины по уголовному делу, к раскрытию преступления и доказыванию виновности лица, обвиняемого в его совершении» – отмечает Л. Я Баев²⁴³.

На это обращали внимание первые отечественные криминалисты советского периода. «Очень многие следственные производства, – писали В. Громов и Н. Лаговиер, – являясь удовлетворительными с точки зрения соблюдения процессуальных форм, в то же время совершенно не удовлетворительны с точки зрения основной цели всякого расследования – раскрытия материальной истины. Процессуальные нормы внешним образом соблюдены, следствие по делу закончено, а «след» – то самый безнадежно утерян... Но что было сделано, чтобы «след» найти, чтобы запутанный клубок распутать? На первый взгляд, сделано все: свидетели допрошены, длинная цепь протоколов налицо. Но более внимательное ознакомление с делом показывает, что в действительности следователь брал лишь те доказательства, которые, если

---

²⁴¹ Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Норма. М. 1998. С. 238.

²⁴² Из этого не следует автоматически вывод о том, что версионный метод должен включаться в качестве элемента уголовно-процессуального доказывания. Проблема возможности включения в качестве первого элемента уголовно – процессуального доказывания построения и динамического развития версий детально рассматривается в работа 3.3. Зинатуллина «Уголовно -процессуальное доказывание». Ижевск. 1993. 180 с. Этот вопрос поднят в работе Ю.К. Орлова «Основы теории доказательств в уголовном процессе. М. 2001. С. 74.

²⁴³ Баев О.Я. Тактика следственных действий. Воронеж. 1995. С. 16.

так можно выразиться, самиплыли ему в руки... В сущности, вместо дополнительного расследования и искания истины оказывается чисто обрядовая регистрация возможных фактов, которые всплыли сами собой»²⁴⁴.

Эту же мысль повторяет А.М. Каминский, который использует вместо понятия «процессуальная обрядность» более «криминалистический» термин «тупиковая ситуация расследования», под которой понимается совершенно те же следственные ситуации. Под тупиковой ситуацией расследования автор понимает такую, когда «в целом был проведен исчерпывающий комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по проверке выдвинутых версий, а сами версии на первый взгляд кажутся совершенно логичными и ... достаточно полно объясняющими ... всю совокупность имеющихся данных», то есть «с одной стороны, как будто сделано все возможное (причем сделано правильно) для раскрытия конкретного преступления, с другой – прироста знаний о раскрываемом событии преступления не происходит. Процесс расследования заходит в тупик»²⁴⁵.

В связи с чем, требуется детально рассмотреть пути, посредством которых версионный метод приводит к установлению фактических обстоятельств, необходимых при доказывании субъективной стороны. С нашей точки зрения, важнейшими и в то же время наименее разработанными являются два из них. Первый путь заключается в реализации в криминалистической методике метода восхождения от абстрактного к конкретному. Второй путь представляет собой метод мысленного моделирования субъективной стороны преступления.

---

²⁴⁴ Громов В., Лаговьер Н. Искусство расследования преступлений. И., 1927. С. 130-131.

²⁴⁵ Каминский А.М. Рефлексивный анализ и моделирование как средство преодоления тупиковых ситуаций расследования. Ижевск. 1998. С. 7-8.

Пути реализации восхождения от абстрактного к конкретному при выдвижении версий по субъективной стороне преступления.

Конкретная задача криминалистики, решаемая методом восхождения от абстрактного к конкретному в рамках криминалистической методики, обусловлена тем, что субъективная сторона преступления представляет собой идеализированный объект, требующий интерпретации в ходе криминалистического исследования реальной преступной деятельности. Интерпретация может заключаться в том, что вина считается субъективным основанием ретроспективной уголовной ответственности²⁴⁶, регулятором преступного поведения²⁴⁷, признаком преступления²⁴⁸ и психическим отношением к деянию.

Исходной абстракцией являются нормы уголовного права и уголовно-процессуального права, в которых определяются элементы субъективной стороны преступления и соответственная часть предмета доказывания.

И.Ф. Герасимов подчеркнул следующее положение: «... если законодательной основой следственной тактики являются нормы, регулирующие производство следственных действий, то в отношении частных методик роль такой основы выполняют статьи (нормы) уголовного кодекса, определяющие состав того или иного преступления, и статьи уголовно- процессуального кодекса, очерчивающие предмет и пределы доказывания. Указанные нормы как бы определяют цель расследования – доказывание состава преступления или

---

²⁴⁶ Кудрявцев В. Н. Субъективные элементы ответственности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. №34. С. 5-6; Петров В. В. Экологические преступления: понятие и составы // Государство и право. 1993. № 8. С. 91-92; Пионтковский А. А. 1) Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 306, 308; 2) О проекте УК России // Государство и право. 1992. №7. С. 90; Церетели Т. В. Основания уголовной ответственности и понятие преступления// Правоведение. 1980. №2. С. 85-86.

²⁴⁷ Миньковский Г. М., Петелин Б. Я. О понятии вины и проблемах ее доказывания // Государство и право. 1992. №5. С. 61

²⁴⁸ Дагель П. С. Совершенствование законодательного определения принципа вины в советском уголовном праве // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985. С. 14-15; Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 40-41, 76, 115; Малеин Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 12; Петелин Б.Я. Доказывание вины по уголовно-процессуальному закону// Правоведение. 1986. №3. С. 74; Тихонов К. Ф. Субъективная сторона преступления. Саратов, 1967. С. 31.

отсутствие такового»²⁴⁹. Таким образом, способом перехода, осуществляющегося методом восхождения от абстрактного к конкретному, от норм уголовного и уголовно-процессуального права становится соответственно криминалистическая методика и тактика.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному обуславливает необходимость выделения в нашем исследовании следующих содержательных составляющих. Исходные абстракции, от которых начинается восхождение к конкретному, представлены следующими идеализированными объектами: а) уголовно-правовая модель преступления, включая субъективную сторону в виде формы вины, элементов вины, мотивов и целей; б) обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу²⁵⁰; в) криминалистическая характеристика преступлений; г) криминалистическая модель преступной деятельности в том случае, когда она выполняет функцию средства познания реальной преступной деятельности.

Как было отмечено в предшествующих главах, указанные идеализированные объекты являются необходимым познавательным средством, наличие которых обеспечивает расследование преступлений методом восхождения от абстрактного к конкретному. В связи с чем закономерно, что они входят в качестве структурных компонентов общей и частной методик расследования. На их основе формируются основные принципы методики расследования: 1. Плановость расследования по уголовному делу. 2. Обусловленность методики предметом доказывания. 3. Зависимость конкретной методики от криминалистической характеристики преступления и основанной на ней типовой методики расследования. 4. Учет при построении методики расследования по конкретному делу конкретной следственной ситуации и другие²⁵¹. Как видим,

---

²⁴⁹ Герасимов. И.Ф. Общие положения методики расследования преступлений / Криминалистика. Под ред. И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина. М. Высш. шк. 1994. С. 325.

²⁵⁰ В п. 2 и 3 ч. 1. ст. 73 УПК РФ указаны следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию, - виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, а также обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.

²⁵¹ Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванов, В.А. Снетков. М. ИНФРА-М. 1997. IV. С. 25-26.

в указанном руководстве в качестве одного из основных принципов методики расследования отмечается принцип обусловленности методики предметом доказывания.

Следующим шагом в восхождении от абстрактного к конкретному является переход от идеализированных объектов к конкретной ситуации²⁵², в которой начинают играть ведущую роль вопросы слеодообразования (информационные основы расследования²⁵³), выдвижения версий, формирование мысленных моделей преступления, использование специальных знаний, использование методов исследования.

Так, В.А. Образцов предлагает следующую структуру общей и частной методики расследования: 1. Криминалистическая характеристика исследуемых событий. 2. Обстоятельства, подлежащие установлению. 3. Общие положения расследования деяния данной категории (версии, иные мысленные модели, меры организационного характера, использование специальных знаний, методы исследования и т.д.). 4. Особенности расследования в условиях типичных ситуаций (по принципу: ситуация – типовые версии – задачи – тактические комплексы (операции) по разрешению ситуации). 5. Особенности подготовки и производства важнейших следственных действий²⁵⁴.

Два первых структурных элемента методики представляют собой идеализированные объекты. Версии и иные мысленные модели являются средством, с помощью которого в сознании субъекта расследования отображается расследуемое преступление. Первые два элемента методики часто объединяются в один идеализированный объект и к этому есть все основания. На эти основания указала О.В. Петрова: «перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, должен быть сформулирован таким образом, чтобы имело место соответствие между предметом доказывания и составом преступления. Дей-

---

²⁵² Там же. С. 325.

²⁵³ Самыгин Л.Д., Яблоков Н.П. Информационные основы расследования и криминалистическая характеристика преступления // Криминалистика. Учебник. Под ред. Н.П. Яблокова. М. БЕК. 1996. С. 34;

²⁵⁴ Образцов В.А. Объект и предмет познания в уголовном судопроизводстве // Криминалистика. Под ред. В.А. Образцова. М. Юристъ. 2002. С. 558.

ствующее уголовно-процессуальное законодательство не позволяет пока говорить о таком соответствии. Элементы состава преступления в перечне элементов предмета доказывания размыты, обозначены нечетко, т.е. для науки уголовного процесса свойственно рассмотрение элементов предмета доказывания в отрыве от материально-правовых категорий или же, в лучшем случае, путем ссылок на эти категории. Однако определение элементов и общей структуры предмета доказывания может быть успешным лишь при использовании в качестве отправных именно материально-правовых категорий состава преступления. Поэтому вина в уголовном и уголовно-процессуальном праве (п. 2 Ст. 73 УПК) должна быть единым институтом и в норме, определяющей содержание предмета доказывания, следовательно, необходимо использовать именно этот термин. По каждому уголовному делу подлежит установлению именно наличие или отсутствие вины. Виновность же как доказанность совершения данным лицом конкретного преступления может быть установлена только приговором суда»²⁵⁵.

Тот факт, что речь идет об идеализированных объектах, имеющих один порядок, – подтверждает точка зрения В.П. Бахина²⁵⁶, а также А.И. Возгина, отметившего, что «в структуре частных методик расследования нет иного места для описания особенностей предмета доказывания, чем их криминалистическая характеристика»²⁵⁷.

Применение идеализированных объектов, в том числе и системы понятий «субъективная сторона преступления», осуществляется путем построения модели преступной деятельности, функция которой заключается в замещении объекта – оригинала. В первую очередь такая модель возникает в мысленной форме и криминалистика обязана разрабатывать соответствующую

---

²⁵⁵ Петрова О.В.. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу // Уголовно-правовые и процессуальные проблемы отправления правосудия в современной России. Матер. Межрегион. научно-практ. конф. 29-31 мая Курск. 2003. С. 172-176

²⁵⁶ Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. Вып. 1. Спарк. М. 2000. С. 17.

²⁵⁷ Возгин А.И. Основные положения учения о криминалистической характеристике преступлений / Криминалистика: Учебник. Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб. Лань. 2001. С. 73-77.

щие методы и рекомендации по его применению. Среди криминалистических рекомендаций следуют отметить работу Н.С. Полевого и Л.Д. Самыгина, которые показали значение метода моделирования в практике расследования преступлений. Авторы правильно указали на специфику этого метода познания, заключающуюся в том, что «в результате моделирования создается промежуточный объект познания – модель, которая в познавательном процессе выполняет ряд функций, в частности: функцию замещения моделируемой системы; информационную; гносеологическую; формализационно-алгоритмическую; доказательственно-иллюстративную»²⁵⁸.

Метод мысленного моделирования в криминалистике описан Густовым²⁵⁹, Н.С. Полевым и Л.Д. Самыгиным²⁶⁰, Н.П. Яблоковым²⁶¹ и другими авторами. Одним из наиболее простых способов применения этого метода является представление следователем самого себя на месте субъекта, совершающего преступление. Зачастую этот простейший способ, который можно назвать «поставить себя на место преступника и увидеть ситуацию его глазами», как способ моделирования, оказывается весьма эффективным. Однако, теоретические основы этого обманчиво простого метода не разработаны и требуют целенаправленного исследования. Такое исследование проведено нами и его результаты приведены ниже в соответствующем разделе.

Конечным этапом восхождения от абстрактного к конкретному является изоморфная модель преступной деятельности. Верно указал М.К. Камин-

---

²⁵⁸ Полевой Н.С. и Самыгин Л. Моделирование в криминалистике и практике расследования преступлений // Криминалистика. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. БЕК. 1996. С. 88.

²⁵⁹ Густов Г.А. Моделирование в работе следователя. Уч. пособие. Архангельск. 1989. 176 с.; Густов Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства. Архангельск. 1989. 91 с.

²⁶⁰ Полевой Н.С. и Самыгин Л. Моделирование в криминалистике и практике расследования преступлений // Криминалистика. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. БЕК. 1996. С. 88.

²⁶¹ Криминалистика. Учебник для вузов. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. БЕК. 1996, С. 92.

ский: «... без изоморфной деятельностной модели нельзя решить ни одного правового вопроса, связанного с абстракцией «преступление»²⁶².

Криминалистическая модель преступления отображает объективную реальность и фиксирует результат ее познания. Познать какой-либо объект – значит построить его мысленную модель, указывает В.А. Образцов²⁶³. Поэтому причины необходимости построения криминалистической модели преступления и ее гносеологическое значение определяются тем местом, которое занимает достижение объективной истины в уголовном судопроизводстве. На вопрос: «что является целью уголовного судопроизводства – установление объективной истины или защита прав граждан от преступных посягательств путем установления объективной истины», А.В. Кудрявцева дает следующий ответ: «установление объективной истины лишь средство, способ, задача для достижения цели защиты и охраны прав, свобод и интересов граждан, общества и государства от преступных посягательств»²⁶⁴. Разделяя эту точку зрения, мы полагаем, что приведенная формулировка позволяет сформулировать причину построения и значение криминалистической модели преступления. Криминалистическая модель преступления является необходимым средством защиты и охраны прав, свобод и интересов граждан, общества и государства от преступных посягательств. Причиной построения криминалистической модели является необходимость познания объективной реальности, а значение модели определяется тем, что она занимает место средства в достижении цели уголовного судопроизводства.

Понятие «модель преступления» достаточно широкое и охватывает много объективных закономерностей. В связи с чем, оно закономерно подвергается детализации. Следует указать два этапа такой детализации. Первый этап заключается в выделении понятия преступная деятельность, а второй - в

---

²⁶² Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «криминалистика» // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 3. Ижевск. 2001. С. 8.

²⁶³ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М. Юристъ. 1997. С. 16.

²⁶⁴ Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России. Монография. Челябинск. Изд- ЮУрГУ, 2001. С. 71.

появлении понятия «механизм преступной деятельности». Первый этап освещен в работах М.К. Каминского, который рассматривал преступление в собственно криминалистическом плане не только как юридический факт, но и как предметную деятельность²⁶⁵.

Второй этап связан с исследованиями А.Ф. Лубина, который пишет: «механизм преступной деятельности, как особая криминалистическая категория, позволяет корректно развести смежные понятия: преступная деятельность; способ совершения действий; криминалистическая характеристика преступлений»²⁶⁶.

Введенное А.Ф. Лубиным понятие механизма преступной деятельности представляется нам наиболее точным для обозначения структуры преступной деятельности и одновременного указания на развитие и изменение этой структуры во времени, в ходе замышления, осуществления и сокрытия преступления. При этом должна сохраняться идея М.К. Каминского, заключающаяся в том, что модель преступной деятельности, механизм которой рассматривается, представляет собой не вновь созданный идеализированный объект, а конечный этап восхождения от абстрактного к конкретному.

А.Ф. Лубин рассмотрел «полноструктурную» модель механизма преступной деятельности и отметил, что типовых структурных элементов должно быть не много, но достаточно для того, чтобы обеспечивалась возможность отображения моделью реального функционирования механизма преступной деятельности. В качестве минимума необходимых структурных элементов он указал: субъект преступной деятельности; условия (обстановка) преступной деятельности; способ совершения действий; следовая картина. При этом главным вопросом, как верно подчеркивает автор, является «не столько набор элементов и их параметров сколько наличие-отсутствие между

---

²⁶⁵ Толстолицкий В.Ю., Каминский М.К. Компонентный состав преступной деятельности // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 2. Ижевск. 1999. С. 4-9.

²⁶⁶ Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 25.

ними закономерной взаимосвязи»²⁶⁷. К сожалению, автор не указывает те элементы модели, которые относятся к субъективной стороне преступления, хотя правильно рассматривает способ совершения преступления как единство субъективных и объективных факторов.

Полагаем, что структурные компоненты модели, относящиеся к субъективной стороне преступления, не были выделены автором не только потому что это не входило прямо в задачи его диссертационного исследования, но и, прежде всего, потому что требовало самостоятельного рассмотрения в рамках предложенного им понятия механизма преступной деятельности еще одного компонента – закономерностей внутреннего отражения. Именно эта задача и решается в нашем исследовании.

Из положений А.Ф. Лубина следует особо выделить то, что существует непосредственная связь между элементами модели и формированием версионной системы. Модель механизма преступной деятельности, как справедливо полагает автор, является одним из немногих средств, позволяющих объединить в иерархическую систему общие и частные версии. При этом связи между элементами модели позволяют связать индуктивными и дедуктивными переходами версии различной степени общности, что в целом позволяет представить их общую картину, то есть связать их в единую систему. Тем самым, автор подчеркнул «версионную» функции модели.

С нашей точки зрения отмеченный момент важен. В криминалистической литературе не указывается, что субъективная сторона преступления должна являться основанием для выдвижения версий. Отмечается только тот факт, что признаки состава преступления являются базой для формирования общих версий.

С точки зрения объема (круга объясняющих обстоятельств), А.Н. Васильев делит версии на общие, по отдельным сторонам преступления, и частные. Под общей версией понимается предположение о сущности события в целом. Под второй группой версий понимаются версии по обстоятельствам,

---

²⁶⁷ Там же. С. 35.

характеризующим объект, субъект, объективную и субъективную стороны преступления. Версии в отношении более мелких вспомогательных обстоятельств, имеющих главным образом криминалистическое, не уголовно-правовое и процессуальное значение, но могущих играть определенную роль в раскрытии преступления и доказывании того или иного обстоятельства, называются частными²⁶⁸.

Таким образом, согласно А.Н. Васильеву, версии по субъективной стороне преступления относятся к группе версий по отдельным сторонам преступления. Как ранее нами указывалось, Н.П. Яблоков считает, что общие версии «выдвигаются в отношении события преступления в целом и его отдельных обстоятельств, характеризующих основные элементы предмета доказывания»²⁶⁹.

Исходя из приведенного определения, версия, выдвинутая в отношении субъективной стороны преступления, то есть виновность (контрверсия – невиновность), является общей. Возможно, что версии, относительно формы вины, можно отнести к частным версиям, так же как и в отношении мотива и цели. Этот вопрос требует дальнейшего исследования и не входит в задачи нашей работы.

С точки зрения степени определенности выделяют типовые и конкретные версии. Типовые версии строятся на основе и с учетом типовых следственных ситуаций. Типовые версии имеют ориентирующее значение и базируются на незначительном объеме информации²⁷⁰. Диссертант полагает, что версии о виновности, форме вины, мотиве и цели являются типовыми. Они формируются в момент возбуждения уголовного дела и будут наполнены в ходе расследования конкретным содержанием. В ходе расследования требуется выдвижения конкретных версий, таких как, например, направленность умысла в конкретной ситуации, объем осознаваемых обстоятельств, психиче-

---

²⁶⁸ Криминалистика. Учебник для вузов. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. БЕК. 1996, С. 103.

²⁶⁹ Там же. С. 102-103.

²⁷⁰ Там же. С. 104.

ское отношение к каждому из них, возможность предвидения данным субъектом тех или иных конкретных последствий и т.д.

Диссертант разделяет мнение Н. П. Яблокова, который указал, что «при выдвижении версий о виновности кого-либо в совершенном деянии часто различают основные и противостоящие (или контрверсии). Так, версии о виновности привлеченного к ответственности лица может противостоять версия о его невиновности. Контрверсия в данном случае служит стимулом объективности и полноты расследования. Контрверсия проверяется на равных основаниях с основной версией»²⁷¹. Приводя в качестве примера версию о виновности, автор не указывает, относится ли она к общим или частным, типовым или конкретным.

Исследованные нами в главе 2 закономерности действительности позволяют выдвигать в отношении субъективной стороны преступления не только общие версии, но также типовые и конкретные. Типовые версии как нам представляется, могут быть построены на основе классификации форм действия.

Конструкция состава преступления обуславливает перечень обстоятельств, которые должен осознавать и предвидеть субъект преступной деятельности. Тем самым, рассмотренный в криминалистическом плане состав преступления указывает на типовые конструкты, которые обязательно должны присутствовать в перцептивной форме действия субъекта.

В случае совершения преступлений с формальным составом, субъект сознает, что незаконно хранит огнестрельное оружие, вовлекает несовершеннолетних в преступную деятельность, злостно уклоняется от уплаты алиментов, не доносит об известном ему преступлении и т. д. Для каждого из перечисленных преступлений осознание осуществляется посредством перцептивного действия, а в качестве средства этого действия предполагаются соответствующие конструкты. При этом речь идет именно о типовых конструктах,

---

²⁷¹ Яблоков Н.П. Криминалистические версии и основы планово-организационного обеспечения криминалистической деятельности // Криминалистика. Учебник для вузов. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. БЕК. 1996, С. 104.

позволяющих осознать отмеченные признаки противоправности действия. Личностный конструкт всегда индивидуален, поэтому предполагать можно только определенный класс конструктов, обеспечивающих осознание перечисленных сторон деятельности, то есть типовых конструктов.

Кроме того, так называемые «насильственные» преступления, могут иметь типовой характер использования каждой из форм действия (с соответствующими средствами действия). Как правило, материальная форма действия предвосхищается материализованной и речевой. В этом случае исследование форм действия докриминального поведения субъекта преступной деятельности позволяет уточнить цель (умысел) и результат, к которому стремился субъект (предвидение результата и желание его наступления).

Выдвинутая типовая версия, относительно совершенно определенного поведения преступника в докриминальный период, может стать основой для его розыска.

Рассмотрим следующий пример. 1 апреля 1998 года сотрудница редакции газеты «Ижевск-экспресс» Солдатенко С. А., 1978 г. р., поехала по адресу: ул. Четырнадцатая, д. 56 г. Ижевска, для снятия квартиры, которую ей, позвонив по телефону, предложил неизвестный мужчина, о чем она сообщила своим сослуживцам (номер квартиры назван не был). Уехав на встречу, Солдатенко не вернулась. На следующий день коллеги и родственники потерпевшей обратились в милицию с заявлением о ее безвестном исчезновении. Из материалов розыскного дела следовало, что дом, указанный потерпевшей, полностью отработан оперативными сотрудниками, при этом положительных результатов не получено.

Как впоследствии выяснилось, отработка была проведена некачественно и не в полном объеме: не все жильцы дома (прописанные и проживающие без прописки) были опрошены, а беседы с некоторыми проживающими носили поверхностный характер. В итоге около 1,5 месяцев следствие шло по неправильному пути, проверяя множество версий, которые не подтвердились.

И уже в ходе дальнейшего расследования дано указание продолжить оперативную отработку указанного дома и близлежащей территории, устанавливая лиц, регулярно появляющихся в этом районе. В результате установили женщину, постоянно торговавшую семечками на остановке общественного транспорта «Зангари», расположенной вблизи дома №56. В ходе допроса свидетель пояснила, что 1 апреля видела, как какой-то мужчина встречал на остановке девушку, похожую на потерпевшую, и прошел с ней в сторону дома №56. По истечении нескольких дней этот же мужчина появился на остановке и подходил к выходящим из транспорта девушкам, предлагая пройти с ним в дом. Одна из девушек согласилась, но вскоре вернулась. Оперативные работники установили данную девушку, которая пояснила, что действительно незнакомый мужчина попросил ее пройти с ним и позвать по телефону какую-то женщину. Зайдя в квартиру, мужчина повел себя странно: одел темные очки, долго копался в шкафах. Это ее насторожило и она, сославшись на занятость, ушла. Перед ее уходом мужчина сказал: «Иди, я тебя отпускаю». На основании полученных данных, выдвинута версия о совершении убийства этим лицом, судя по всему имеющим маниакальные особенности психики. После допроса девушка показала соответствующую квартиру, где был задержан гражданин Цымбусов, который признался в совершении убийства, сопряженного с изнасилованием, и показал место захоронения трупа Солдатенко²⁷².

Полагаем, что версия о маниакальных особенностях психики преступника является типовой, однако она не была своевременно проверена потому что из нее не были выведены конкретные версии. Используя представления о формах действия, можно было конкретизировать особенности поведения предполагаемого преступника. Как видно из показаний одной из допрашиваемых, в поведении преступника наиболее ярко выделяются две формы действия: материализованная и речевая. Восприятие указанных форм действия

---

²⁷² Методическое пособие по расследованию убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Ижевск. 1999. Прокуратура Удмуртской республики. С. 16-17.

позволило допрашиваемой насторожиться. В материализованной форме протекали следующие действия, которые показались странными: «одел темные очки», «долго копался в шкафах». В речевой форме было осуществлено следующее действие: «перед ее уходом мужчина сказал: «Иди, я тебя отпускаю».

Отметим, что с криминалистической точки зрения, материализованная форма действия представляет собой преимущественное отражение смысла, тогда как речевая в основном отражает значение. Смысл всегда раскрывает субъективное восприятие ситуации индивидом, в противоположность этому, значение, по своему содержанию, является общественным, коммуникативным и используется для передачи смысла собственных действий другим лицам.²⁷³ Фраза «Иди, я тебя отпускаю» имеет значение и смысл. Значение ее заключается в том, что лицо, к которому она обращена может беспрепятственно покинуть квартиру. Смысл фразы раскрывает внутреннее видение ситуации преступником и заключается в высказывании «Я не буду тебя убивать». Здесь уместно привести указание А.Н. Леонтьева, который подчеркивает двойственную природу значения. «С одной стороны, значение выступает как единица общественного сознания, а с другой – как образующая индивидуального сознания»²⁷⁴.

Анализ приведенного примера показывает, во-первых, необходимость выдвижения конкретных версий, которые в своем содержании опираются на формы действия, проявившиеся на стадии замышления преступления и, так называемого, докриминального его поведения. Во-вторых, - возможность произвести криминалистическое исследование компонентов преступной деятельности по идеальным следам, сохранившимся у допрашиваемой.

Практическое значение анализа показаний с использованием форм действия заключается в том, что без подобного исследования идеальных следов, произведенных еще на этапе поиска и опроса возможных свидетелей, невоз-

---

²⁷³ Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна. Феникс+, 2002. С. 189-190.

²⁷⁴ Там же. С. 190.

можно было выделить из множества случайных встреч между людьми ту встречу с преступником, которая позволила в итоге обнаружить последнего. В связи с чем, актуальной является разработка криминалистических рекомендаций, целью которых должна стать методика исследования идеальных следов, позволяющая изучить не только компоненты, составляющие структуру преступной деятельности, но формы действия. В то же время, для разработки таких практических рекомендаций требуется хорошая теоретическая база. Поэтому полагаем, что проведенное нами теоретическое исследование форм действия имеет существенное значение для криминалистики.

Средством выдвижения типовых версий в криминалистике первоначально являлась криминалистическая характеристика. Сущность криминалистической характеристики заключается в том, что она представляет собой абстрактное научное понятие, отражающее закономерности подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния, включая закономерности следообразования²⁷⁵. Под криминалистической характеристикой преступления понимается также «совокупность данных о нем, способствующих его раскрытию. Она включает любые обстоятельства преступления, а также факты, связанные с ним и облегчающие предварительное следствие...»²⁷⁶.

Вопрос о видовых отличиях модели преступной деятельности от криминологических моделей поведения неожиданно оказался остро актуальным после выхода в свет работы Р.С. Белкина «Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня». В ней автор приходит к выводу: «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых, и практиков, изжила себя»²⁷⁷. В качестве обоснования своего вывода Р.С. Белкин приводит результаты анализа схемы изложения криминалистической характеристики в современных вузовских учебниках. Согласно автору, схема

---

²⁷⁵ Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики. Под ред. В.Д. Грабовского и А.Ф. Лубина. Нижний Новгород. 1995. С. 48.

²⁷⁶ Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванов, В.А. Снетков. М. ИНФРА-М. 1997. IV. С. 23-24.

²⁷⁷ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. НОРМА. 2001. С. 223.

такого изложения может быть сведена к трем частям: 1) данные об уголовно-правовой квалификации преступления; 2) криминологические данные о личности преступника, жертве, обстановке, предмете посягательства; 3) описание типичных способов совершения и сокрытия данного вида преступлений и типичной следовой картины, характерной для применения того или иного способа. Далее он пишет: «Если провести операцию по удалению из такой характеристики данных уголовно-правового и криминологического характера, то в ней окажется лишь один действительно криминалистический элемент – способ совершения и сокрытия преступления и оставляемые им следы. Не мудрено, что такая характеристика не дает исчерпывающего ответа на вопрос о специфике предмета доказывания, что и требует, помимо нее, приводить в методике перечень обстоятельств, подлежащих установлению по данной категории уголовных дел»²⁷⁸.

Процитированный отрывок содержит ряд положений, которые требуют детального анализа. На основе анализа криминалистической литературы Р.С. Белкин констатирует факт развития криминалистической характеристики, выражающийся в дополнении ее перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию. Выделив новое явление в методике расследования, автор оценивает его значение путем сравнения с задачами, которые ставились при разработке криминалистической характеристики. При таком подходе закономерно, что перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, указывает на часть задач, которые не могут быть решены криминалистической характеристикой, а требуют новых средств решения, для чего собственно и возникает указанный новый инструмент в виде раздела в криминалистической методике. Полагаем, что в этом случае возможно перспективнее было бы поставить вопрос о причинах выделения в методике расследования двух инструментов, из которых один остался под названием криминалистическая характеристика преступления, а другой, получил собственное наименование и представляет собой перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. Как было указано

---

²⁷⁸ Там же.

нами ранее, оба инструмента представляют собой идеализированные объекты и поэтому требуют дополнения криминалистической моделью преступной деятельности, без которой невозможно выдвинуть конкретные версии по субъективной стороне преступления. Именно этот аспект и рассматривается Р.С. Белкиным далее.

Автор справедливо указал, что криминалистическая характеристика имела при своем возникновении точное предназначение – дать следователю ориентир для выдвижения следственных версий. Сам комплекс сведений о преступлениях, составляющих содержание криминалистической характеристики «... приобретал практическое значение лишь в тех случаях, когда между его составляющими установлены корреляционные связи и зависимости. Тогда и только тогда следователь получал обоснованный ориентир для выдвижения следственных версий. В противном случае криминалистическая характеристика лишалась всякого смысла...»²⁷⁹.

Именно эту задачу, как выясняется Р.С. Белкиным, и не выполняет в полном объеме криминалистическая характеристика преступлений. Для ее решения потребовалось дополнительно указывать перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию.

С нашей точки зрения, закономерно поставить вопрос: почему же для решения одной и той же задачи, заключающейся в создании ориентиров для выдвижения версий, потребовалось два существенно различных элемента? В чем же выражается основное различие между двумя криминалистическими средствами решения одной задачи? Полагаем, что ответы на эти вопросы следует искать в методах моделирования преступной деятельности.

Переход, в нашем изложении, от анализа перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, к моделированию преступной деятельности не является скачком мысли от одного предмета к другому. Наоборот, мы пытаемся показать, что существует реальный факт, заключающийся в том, что совершенствование криминалистической характеристики преступлений привело к

---

²⁷⁹ Там же. С. 222.

двум параллельно возникшим новым средствам выдвижения версий. С одной стороны, а именно, со стороны предмета доказывания, криминалистика стала формировать версии, получившие название общих. Общие версии это версии, основанием которых является элементы состава преступления. С другой стороны, возникает в качестве инструмента выдвижения версий модель преступной деятельности, структура которой позволяет выдвигать частные и конкретные версии. В результате чего, каждому уровню версий соответствует свой инструмент для их выдвижения.

Именно это и подчеркнул, как нами указывалось выше, А.Ф. Лубин, указав, что важно создать иерархию версий. В криминалистической литературе по субъективной стороне преступления иерархически связанных версий не приводится. Причиной этого, полагаем, является отсутствие оснований для типовых и конкретных версий, содержанием которых должны являться собственно формы действия, как включающие в себя психические процессы и их отображение в следах преступления. Как и для иных сторон предмета доказывания, версии по субъективной стороне должны представлять собой иерархию трех уровней: 1. Общие версии, характеризующие событие в целом; 2. Типовые версии выдвигаются на основании криминалистической характеристики; 3. Частные и конкретные версии выдвигаются на основании криминалистической модели преступной деятельности.

Следует отметить, что перечисленные версии классифицируются по степени общности и расположены в соответствии с порядком от версий большей общности к меньшей. Различие версий по степени общности не только признается всеми криминалистами, но представляет собой самостоятельный предмет исследования. Так, В.Ф. Ермолович и М.В. Ермолович приводят систему версий, в которой используют три уровня версий и в каждом уровне от 3 до 5 блоков версий²⁸⁰. При этом авторы исследовали особенности

---

²⁸⁰ Ермолович В.Ф., Ермолович М.В. Построение и проверка версий. Минск. Амалфея. 2000. С. 38-40.

механизма построения версий при различных видах преступлений²⁸¹. Этой проблеме уделено внимание Г.В. Артишевским, который предлагал выдвигать несколько рядов версий²⁸².

В итоге возникает иерархическая система версий, как справедливо указал А.Ф. Лубин. При этом автор указал: «что касается практического использования закономерных иерархических связей между версиями, то эта проблема не является научной. Криминалистической (научно-методологической) проблемой выступает сам поиск путей выявления версионной структуры и построения иерархического «дерева» закономерных версионных отношений»²⁸³. Автор несомненно прав и нами предлагается решение проблемы иерархического построения версий по субъективной стороне, посредством использования форм действия, как источник типовых и конкретных версий.

В то же время, деление версий по степени общности имеет объективное основание лишь на начальном этапе их выдвижения. Выдвинутая типовая версия по мере ее конкретизации становится, с одной стороны, конкретной, с другой стороны, она закономерно все в большей степени отображает предмет доказывания. В этом заключается суть метода восхождения от абстрактного к конкретному²⁸⁴.

В конечном итоге версии приводят к познанию преступления, а выражение достигнутого знания осуществляется в виде модели преступной деятельности конкретного преступления. Следовательно, модель преступной

---

²⁸¹ Ермолович В.Ф. Практические аспекты построения версий при раскрытии и расследовании взяточничества // Информационный бюллетень МВД Республики Беларусь. № 2. Мн., 1992. С. 15; А также Ермолович В.Ф. Построение и проверка версий при расследовании краж: Учеб. пособие. Мн. Академия МВД РБ. 1995. 36 с. Ермолович В.Ф., Вишневецкая А.А. Криминалистическая характеристика хищений сельскохозяйственной продукции: Учебное пособие. Мн., Академия МВД РБ. 1996. 54 с. Ермолович В.Ф. Янушко Е.И. Выявление и расследование обмана покупателей и заказчиков. Учебн. пособие. Мн. Академия МВД РБ. 1997. 68 с.

²⁸² Артишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. М. Юрид. лит., 1978. С. 21-44.

²⁸³ Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 24.

²⁸⁴ Толстолицкий В.Ю. Место способа восхождения от абстрактного к конкретному в системе криминалистики // Вестник Российской правовой академии №1. 2004. С. 75.

деятельности одновременно оказывается не только одним из источников выдвижения версий, но и тем результатом, в котором они прекращают существование, как предположительное знание, становясь достоверным знанием – истиной по делу, а преступление – раскрытым²⁸⁵. Тем самым криминалистика подтверждает свой прикладной характер²⁸⁶.

Использование форм действия, как основы выдвижения типовых и конкретных версий, не представляет собой некритическое заимствование психологических знаний криминалистикой. Для того чтобы знания о формах действия были включены в криминалистическую методику, они должны быть активно приспособлены к решению криминалистических задач. Именно это мы и попытались показать в предшествующих главах. Отметим, что к числу законов развития криминалистики Р. С. Белкин отнес закон активного творческого приспособления, для целей судопроизводства, современных достижений тех наук, чьи положения не могут быть прямо, непосредственно, без специального приспособления использованы в практике борьбы с преступностью²⁸⁷. Этот закон был впервые подмечен Е.Ф. Буринским, а сформулирован А.И. Винбергом, как принцип криминалистической трансформации знаний и методов иных наук при использовании их в криминалистике. В связи с чем, в литературе этот закон иногда называется законом Буринского-Винберга²⁸⁸.

Применение методов иных наук, в целях раскрытия и расследования преступлений, представляет собой фундамент, на котором возникла и развивалась криминалистика, что было указано Е.Ф. Буринским и А.И. Винбергом. В то же время, следует напомнить указание А.А. Эйсмана, что при заимствовании методов не происходит изменение предмета исследования криминалистики.

А.А. Эйсман писал: «Между тем высказывались мнения, что кримина-

---

²⁸⁵ Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск. 1975. С. 50.

²⁸⁶ Васильев А.Н. Предмет, метод и система криминалистики // Криминалистика. Под ред. А.Н. Васильева. М. 1980. С. 12.

²⁸⁷ Белкин Р. С. Курс криминалистики. М. Закон и право. 2001. С. 169.

²⁸⁸ Толстолицкий В.Ю., Криминалистическая информатика. Ижевск. 2003. С. 104.

листическая техника (и, следовательно, криминалистическая экспертиза в отличие от тактики и методики) не является частью юридической науки, а должна быть отнесена к области естественных и технических наук. Это заблуждение имеет несколько причин. Во-первых, его авторы, очевидно, молчаливо предполагают, что объектом юридической науки могут быть только правовые нормы. Между тем в любом определении любой юридической науки подчеркивается, что она изучает не только нормы, но и деятельность, регулируемую этими нормами. Вторая причина заблуждения состоит в том, что за основание классификации принимается не предмет науки, а ее методы (причем не все, а некоторые). Факт использования какой-либо наукой микроскопа или энцефалографа не превращает эту науку в физику, также как применение в криминалистике слепочных материалов не дает основания считать ее отраслью стоматологии или декоративного искусства»²⁸⁹.

Вина – понятие юридическое поэтому не следует его наполнять тем смыслом, который вкладывает в них психология.²⁹⁰ В качестве обоснования приведенной точки зрения можно привести следующее мнение: «... если судебно-психологическая характеристика преступления раскрывает наиболее существенные психические закономерности его подготовки и совершения, образования умысла, создания преступного стереотипа поведения и психические данные о личности преступника, потерпевшего и свидетеля, то криминалистическая характеристика включает в себя только ту информацию, в том числе и судебно-психологического характера, которая нужна для наиболее эффективной организации следственной деятельности по уголовным делам»²⁹¹.

Полагаем, что процитированные авторы правы. Подмена юридического смысла понятия «вина» смыслом психологическим происходит тогда, ко-

---

²⁸⁹ Селиванов Н.А. В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман, Н.Я. Якубович. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., Юрид. Лит., 1978. С. 30.

²⁹⁰ Парог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М. 2001. С. 14-15.

²⁹¹ Криминалистика. Учебник. / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб. Лань. 2001. С. 74.

гда умысел и неосторожность стремятся во что бы то ни стало раскрыть при помощи терминов науки психологии, а так же при попытке дополнить характеристику форм вины психологическими терминами, не используемыми законодателем²⁹². Этот тезис верен и для криминалистики. Другое дело – формы действия. Они представляют собой объективно существующее явление, которое позволяет раскрыть содержание психических процессов, но они не являются собственно психическими процессами. Тем самым, они представляют собой предмет криминалистики, а не психологии.

Именно формы действия позволяют раскрыть более детально понятие «способ совершения преступления» (*modus operandi sistem*). В литературе верно указывается, что он обуславливается субъективными и объективными факторами. Главными из субъективных факторов считаются особенности личности преступника: пол и возраст; наличие или отсутствие преступного опыта, судимости; иные личные особенности, характерные для определенной категории дел²⁹³.

Как видим, среди указанных субъективных факторов не упоминается ничего, что представляет собой самые существенные для установления субъективной стороны преступления факторы. В то же время, способ совершения преступления – *modus operandi sistem*, как правильно указал И.Ф. Герасимов, – «является ядром, центральным звеном криминалистической характеристики. Все другие ее элементы так или иначе связаны со способом, хотя имеют и самостоятельное значение»²⁹⁴.

Отсутствие решения проблемы в криминалистике приводит к определенным упрощениям в анализе проблемы в руководствах, посвященных вопросам квалификации преступлений по субъективной стороне.

---

²⁹² Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М. 2001. С. 14-15.

²⁹³ Герасимов И.Ф. Общие положения методики расследования преступлений / Криминалистика. Под ред. И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина. М. Высш. шк. 1994. С. 330-331.

²⁹⁴ Там же. С. 332.

В.Н. Кудрявцев пишет: «было бы малопродуктивно при расследовании дела сначала выяснять, действовал ли виновный умышленно или неосторожно, а затем уже устанавливать, что он совершил или стремился совершить. Поэтому и разграничение преступлений по субъективным признакам целесообразно производить на базе уже установленных объективных признаков состава»²⁹⁵. Полагаем, что автор ведет речь о криминалистической модели преступной деятельности, анализ которой позволяет связать ее компоненты с признаками преступления.

Использование метода моделирования при выдвижении версий по субъективной стороне преступления

Необходимым познавательным средством в деятельности по выявлению и расследованию преступлений является мысленное моделирование события преступления, которое производит следователь в ходе реконструкции способа, обстоятельств, места и времени совершения преступления. М.Б. Вандер отмечает, что «проведение внешне выраженных операций сопровождается мыслительным процессом – интеллектуальным исследованием, в которое входят мысленное моделирование, принятие решений, выдвижение версий, определение направления поиска...»²⁹⁶.

И.М. Лузгин выделил в качестве «инструментов» познавательной деятельности две группы: 1) средства познания, которыми человек оперирует в мышлении; 2) материальные предметы, используемые человеком для достижения целей познания при расследовании преступлений. В первую группу входят приемы логического мышления, словарный запас сотрудников, призванных обеспечить раскрытие и расследование преступлений. Ко второй группе средств познания относятся разного рода приборы, приспособления и

---

²⁹⁵ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. Юристъ. 2001. С. 158.

²⁹⁶ Вандер М.Б. Использование микрочастиц при расследовании преступлений. СПб. Питер. 2001. С. 30.

материалы, то есть все, что относится к области криминалистической техники²⁹⁷.

И.М. Лузгин является одним из первых авторов, рассмотревших содержание в криминалистике метода мысленного моделирования. Им была раскрыта последовательность этапов создания мысленной модели. При этом, автор справедливо отмечает, что криминалистическая теория отражения не исключает, а, наоборот, предполагает идеальное моделирование в качестве особой, мысленной формы отражения объективной действительности. Моделирование автор справедливо представлял как «одно из средств отображения и познания действительности»²⁹⁸. Указывая на то, что мысленное моделирование является наименее разработанным видом моделирования, он понимал под ним формирование образных и логических представлений человека об окружающем мире. Эти модели могут быть выражены внешне в виде символов, знаков, схем, рисунков, конструкций, посредством логики и математики²⁹⁹.

При этом, автор определил сущность моделирования следующим образом: «при моделировании для изучения какого-либо объекта (процесса, явления) используется не сам объект, а замещающая его модель. Она является средством получения информации об объекте-оригинале, заменяет его при постановке опытов и в иных познавательных ситуациях»³⁰⁰. Опираясь на эту формулировку, И.М. Лузгин рассмотрел основные закономерности моделирования, как общего метода познания, и показал конкретные возможности его использования для собирания, исследования и оценки доказательств при расследовании преступлений³⁰¹.

Поскольку событие преступления находится в прошлом, то фактически в ходе расследования создается реконструкция последнего, то есть модель.

---

²⁹⁷ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М. ВШ МВД СССР. 1969. С. 44.

²⁹⁸ Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М. 1981. С. 3.

²⁹⁹ Там же. С. 6.

³⁰⁰ Там же. С. 4.

³⁰¹ Там же. С. 4.

Эта модель существует в различных формах, в том числе и в виде мысленной модели события в материально-реализованной форме. Рассматривая способы моделирования, автор выделил среди них следующие: предметное или материально-реализованное моделирование, логико-математическое моделирование, кибернетическое моделирование.

В качестве моделируемого объекта И.М. Лузгиным были указаны и элементы состава преступления. Автор писал: «объектами логико-математического и кибернетического моделирования в расследовании могут быть признаки спорных ситуаций, факты, образующие состав преступления, и связанные с ним обстоятельства...»³⁰². Таким образом, еще в начале 80-х годов XX века, автор предвидел возможность применения методов логико-математического и кибернетического моделирования для установления фактов, образующих состав преступления. И.М. Лузгин предвидел принципиальную возможность создания криминалистической модели субъективной стороны преступления. Он писал: «Субъективная сторона состава преступления (психическое отношение человека к общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности) также может быть изучена с помощью моделирования, в частности по делам о дорожно-транспортных происшествиях, поджогах, авариях и иных преступлениях»³⁰³.

Отметим, что особенностью моделируемого объекта в этом случае является то, что сам объект включает закономерности психического отражения, то есть субъективную сторону преступления. В результате чего, анализ применения метода моделирования при процессуальном исследовании субъективной стороны преступления требует одновременного использования двух контуров с обратной связью: первый раскрывает закономерности психического отражения в преступной деятельности, второй – закономерности использования метода моделирования.

---

³⁰² Там же. С. 8.

³⁰³ Там же. С. 19.

Особенности ситуационного моделирования при выдвижении версий по субъективной стороне.

Эффективность ситуационного мысленного моделирования³⁰⁴ во многом определяется тем, что таким путем решается задача моделирования субъективной стороны преступления. Т.С. Волчецкая предложила метод целевой имитации – «вхождение в образ другого человека, группы людей. Метод заключается в том, чтобы поставить себя на место другого человека и попытаться посмотреть ситуацию его глазами»³⁰⁵. Ее позицию разделяет В.В. Конин³⁰⁶.

В истории криминалистики рассматриваемый способ является одним из самых ранних, среди используемых при раскрытии преступлений³⁰⁷. Так, если обратиться к истории возникновения криминальной полиции Франции, то своим возникновением «Сюрте» («Безопасность»), как пишет Р.С. Белкин, обязано Э. Видоку. Он сформировал специальную бригаду из бывших уголовников, подбирая их по принципу: «Только преступник может побороть преступление»³⁰⁸.

Если принять приведенное высказывание Э. Видока за основу анализа используемого им подхода к раскрытию преступлений, то можно предположить, что способ раскрытия, который использовал Э. Видок основан на мысленном моделировании действий лица, совершающего преступление. Поскольку в основание способа положена идея - только преступник может «побороть» преступление, то можно предположить, что этот способ базировался на анализе личностного смысла совершенных преступных действий. То есть, мысленная реконструкция преступной деятельности основывалась не столько на анализе объективной стороны преступления, сколько

---

³⁰⁴ Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в обучении криминалистике // Вестник криминалистики Вып. 1. Спарк. Москва. 2000. С. 24.

³⁰⁵ Там же. С. 23.

³⁰⁶ Конин В.В. Ситуационный подход при осуществлении профессиональной защиты подсудимого // Вестник Удмуртского университета. 2004. №6. С. 155-164.

³⁰⁷ Баев О.Я. Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы. С. 13.

³⁰⁸ Белкин Р.С. Скучная криминалистика. Глобус. Ижевск. 1993. С. 146.

на воспроизведении субъективной стороны и личности субъекта преступления.

Будучи сам преступником, он успешно моделировал внутренний механизм преступной деятельности. Как было ранее нами указано, современная психология глубоко проникла в структуру сознания человека и указывает различные компоненты сознания: чувственная ткань, значение и смысл. Значение, как компонент сознания, представляет собой логический механизм, который Э. Видоку был не известен и не применялся им. На этом основании можно предположить, что Видок моделировал преступление преимущественно за счет известных ему личностных смыслов преступника, то есть за счет иного компонента сознания. Являясь субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений, глава криминальной полиции «Сюрте» использовал собственное сознание и его структуру в качестве модели субъекта и субъективной стороны преступления. Применяя трандукцию (логическое заключение по аналогии), он развил оригинальный способ мысленного моделирования преступной деятельности.

Его деятельность и деятельность созданной им группы позволила накопить определенный опыт расследования преступлений. Этот опыт стал передаваться при обучении методам раскрытия. В результате он превратился в знания, которые в сознании следователя представляют собой значения. Произошла закономерная смена ведущего компонента в структуре сознания лица, расследующего преступление. Отметим, что метод раскрытия преступлений путем использования личностного смысла не мог быть перенят лицами, не имевшими уголовного прошлого. У лиц, которые не имеют уголовного прошлого, существует иная система личностных конструкторов. В результате чего, создание мысленной модели происходит преимущественно на основе значений, то есть иного структурного компонента сознания. В дальнейшем ведущим методом становится применение криминалистических знаний, которые в последующем превратились в

криминалистическую характеристику преступлений и моделирование механизма совершения преступления.

Перечисленные средства расследования представляют собой результат внедрения в криминалистику естественнонаучных методов. Бурное развитие химии, физики, судебной медицины привело к тому, что криминалистика полностью перенесла свое внимание на объективную сторону преступления. Установление субъективной стороны перестало быть обеспечено новыми криминалистическими методами.

В определенной мере можно считать верным утверждение о том, что возникла следующая ситуация: **когда Видок и его люди были исключены из Сюрте, вместе с ними «ушел» и способ, которым они пользовались при расследовании преступлений – использование системы личностных конструктов, то есть модели одного из компонентов сознания субъекта преступной деятельности, который определяет личностный смысл обстоятельств и собственных действия для лица, совершившего преступление.**

Приведенный анализ одного из моментов истории криминалистики показывает, что рассматривать механизм преступления без одновременного исследования механизмов его познания, в том числе избранного субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений (далее ДВРП) метода моделирования, нельзя. Поэтому следует рассмотреть некоторые стороны деятельности по выявлению и расследованию преступлений, без которых нельзя понять **особенности метода моделирования внутреннего механизма преступления с помощью установления системы личностных конструктов субъекта преступления.**

Реконструкция механизма преступления и, в частности, содержания сознания субъекта ПД (обозначаемого понятием субъективная сторона преступления), требует некоторой перестройки сознания самого субъекта ДВРП. Прежде всего возникает необходимость ревизии представления о собственном сознании субъекта ДВРП. Дело в том, что **собственное сознание и сис-**

тема личностных конструктов, как правило, оказывается для следователя, прокурора, судьи моделью, на основе которой формируется представление о сознании, его структуре и системе личностных конструктов любого другого субъекта, участника уголовного процесса. Поэтому использование криминалистических рекомендаций по установлению фактов, характеризующих субъективную сторону преступления, не может не сопровождаться определенной перестройкой представлений моделирующего субъекта о собственном сознании. Для эффективного использования метода личностных конструктов субъекту деятельности по выявлению и расследованию преступлений следует исключить ситуации, в которых собственное сознание служит моделью психики субъекта преступной деятельности.

Пример Видока, в указанном отношении, является крайностью, но эта крайность правильно и точно раскрывает существенные стороны метода мысленного моделирования системы личностных конструктов преступника.

Возможно, что установлению личностных конструктов, в некотором отдаленном будущем развития криминалистики, может быть уделено столько же внимания, сколько сейчас посвящено установлению объективной стороны преступления методами криминалистической техники. В настоящее время методы обнаружения личностных конструктов в полном объеме всей системы этих средств перцептивной деятельности скорее относятся к области специальных знаний. Тем не менее, полагаем, что следует указать основную идею разработанного Дж. Келли подхода к установлению личностных конструктов.

Одним из современных методов установления личностных конструктов является методика, описанная Ф. Франселлой и Д. Баннистером. Авторы пишут: «Предположим, что Фред считает, что люди с холодным взглядом, как правило, скупы. Предположим также, что Фред – психолог, причем один из тех, кто верит в существование врожденных фиксированных личностных черт. Он, несомненно, постарается обосновать свои взгляды статистически. Поэтому естественно, что он для проверки своих предположений попробует

оценивать каждого человека в терминах холодный взгляд – теплый взгляд и скупой – щедрый. Результаты своих наблюдений над выборкой, скажем, из ста человек он может представить в виде следующей четырехклеточной таблицы и вычислить затем коэффициент χ^2 (хи-квадрат);

Таблица 1

	холодный взгляд	теплый взгляд
скупой	28	19
щедрый	2	51

Эти данные можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, мы можем действительно полагать, что они дают возможность судить о взаимосвязи выражения глаз и скупости или щедрости людей. Иными словами (отдавая дань строгим требованиям к терминологии в традиционной практике планирования эксперимента), можно сказать, что на данном уровне значимости параметр холодный – теплый взгляд коррелирует с параметром скупость – щедрость. Затем можно попытаться обосновать эту связь, сформулировать новые гипотезы и спланировать эксперименты по их проверке.

С другой стороны, можно рассматривать эти данные как информацию о психологии Фреда. Обнаруженную зависимость можно интерпретировать как показатель того, что для Фреда конструкты теплый взгляд – холодный взгляд и скупой – щедрый связаны между собой. Продолжая рассуждать подобным образом, мы можем обнаружить иные взаимосвязанные конструкты, являющиеся частью общей системы конструктов, а также предположить, каким образом подобные представления о людях отразятся на поведении Фреда и какого рода положительный или отрицательный опыт способен усилить или изменить его способ восприятия и оценки людей.

Один подход отнюдь не отрицает другой. В теории конструктов используются принципы первого подхода при решении задач валидации, поскольку то, что мы называем конструированием или порождением конструк-

тов, это не что-то замкнутое в себе, а живой процесс, с помощью которого человек пытается предугадывать развитие событий – реальных событий во внешнем мире.

Однако, если мы встанем на позиции второго подхода и рассмотрим полученные результаты как данные о системе личных конструкторов Фреда, тогда в составленной им четырехклеточной таблице мы сможем увидеть основы техники репертуарных методик. Множество таких четырехклеточных таблиц составит решетку. За каждым единичным актом оценки – сознательной или неосознаваемой – у каждого человека скрывается собственная, имплицитная теория причин и следствий реальных событий, в рамках которой он выносит суждения. Техника репертуарных решеток (во всем многообразии ее форм) и представляет собой способ изучения структуры и содержания таких имплицитных теорий. ... В свою очередь наши частные теории (или, иными словами, подсистемы конструкторов) объединяются в общую теорию, которую мы называем системой личных конструкторов»³⁰⁹.

Процитированный текст важен по ряду причин. Во-первых, в нем разделены два подхода, представляющие собой принципиально различную интерпретацию одних и тех же статистических данных. Все без исключения криминалистические работы, в которых применяется вероятность и корреляция, базируются на первом подходе. К числу таких работ относятся публикации О Глотова,³¹⁰ А.Ф. Лубина³¹¹, В.Ю. Толстолицкого³¹², О.Я. Шекшуева³¹³ и других авторов. Вся криминалистическая характеристика представляет собой, в части своих эмпирических данных, указание на частоту встречаемости

---

³⁰⁹ Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности М. Прогресс. 1987. С. 29-30.

³¹⁰ Глотов О. Вероятность, граничащая с достоверностью (о достоверности экспертизы в ФРГ) // Соц. законность. 1978, №1. С. 81-82.

³¹¹ Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Нижний Новгород 1997. С. 25.

³¹² Толстолицкий В.Ю. Значение новых математических подходов для развития криминалистики // Вестник Удм. ун-тата. 2002. №2. С. 65-70.

³¹³ Шекшуева О.Я. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 212 с.

тех или иных ее элементов. В итоге, в криминалистике корреляционные связи достаточно прочно вошли в основу формирования криминалистической характеристики преступлений. Второй подход не указан в криминалистике ни в одной работе. Поэтому интерпретация статистических данных, как системы конструкторов субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений, приведенных, например, в виде той же криминалистической характеристики, не приводится.

Представленная нами выше четырехклеточная таблица аналогична таблице Л.Г. Видонова, впервые предложившего табличный метод установления связей между элементами криминалистической характеристики преступлений. Следует отметить, что пример показывает различие между криминалистической версией и личностным смыслом. Более детальное рассмотрение отмеченных аспектов следует начать с указания на одно из направлений в криминалистике, заключающееся в разработке количественных сторон криминалистической характеристики и построения на этой базе типовых версий.

Ниже изложенный анализ демонстрирует тот факт, что личностные конструкторы могут быть использованы в целях дополнения криминалистической характеристики преступлений, поскольку являются основанием для выдвижения следственных версий. Отметим существенно иной механизм выдвижения версий при использовании криминалистической характеристики преступления и модели компонентного состава преступной деятельности, по отношению к механизму, в котором при выдвижении версий используются личностные конструкторы субъекта деятельности по выявлению и расследованию.

Различие между версиями, выдвигаемыми на основании учета элементов криминалистической характеристики и личностных конструкторов, заключается в том, что первые представляют собой объективные, вторые – субъективные факторы. Именно так и интерпретируется приведенная выше четырехклеточная таблица.

Обратимся к работам Нижегородской школы криминалистов, в частности, к публикациям Л.Г. Видонова.

В самом начале анализа публикаций по этой проблеме отметим, что использование в криминалистике понятия «личностные конструкты», по нашему мнению, позволяет выявить причины совершенно полярных оценок работ Л.Г. Видонова. В публикациях, обобщающих результаты дискуссии в отношении криминалистической характеристики преступлений,³¹⁴ и в частности мнения криминалистов относительно значения работ Л.Г. Видонова, можно обнаружить две позиции. С одной стороны, в литературе приводятся примеры успешного раскрытия убийств на основании использования данных Л.Г. Видонова³¹⁵. С другой стороны, собственно статистических (корреляционных) связей в методике автора не приведено, а объем выборочной совокупности считается весьма небольшим для получения статистически обоснованных выводов.

По мнению диссертанта, как ни покажется парадоксальным, но справедливы обе позиции, занимаемые авторами в отношении предложений Л.Г. Видонова. С нашей точки зрения успешное раскрытие убийств оказывается возможным потому что методика Л.Г. Видонова формирует личностные конструкты следователя, то есть является уникальным средством передачи накопленного опыта. При рассмотрении содержания публикаций Л.Г. Видонова, под таким углом зрения, обнаруживается тот факт, что применение на практике предложенных автором таблиц в качестве средства формирования личностных конструктов не требует статистической обоснованности связей ме-

---

³¹⁴ См. Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Свердловск, 1978. Вып. 69. Танасевич В.Г. Теоретические основы расследования преступлений: Методика расследований. М., 1976. С. 5-8; Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М. 1975. С. 3-5. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М. 1982. С. 130. Бахин В.П. Криминалистика для криминалистов или для практики? // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики. М. 2002. С. 57. Шмонин А.В. Криминалистическая характеристика, как составная часть частных криминалистических методик // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики. М. 2002. С. 191.

³¹⁵ Например, Бахин В.П. Криминалистическая методика. Киев. 1999. С. 12. Следственная практика. Вып. 142. М., 1983. С. 18.

жду признаками. Таблицы Л.Г. Видонова задают только общие контуры иерархической системы личностных конструктов следователя. В последующем эта система личностных конструктов пересматривается и совершенствуется на основе личного субъективного опыта расследования.

Следует указать, что в криминалистике начинает интенсивно разрабатываться эта проблема³¹⁶. Одним из ученых, который своими работами обрисовал этот путь является Л.Г. Видонов.

Положительно оценивая идею Л.Г. Видонова, заключающуюся в обнаружении корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики преступлений, Р.С. Белкин отметил: «Время шло, множились работы в которых на все лады говорилось о криминалистической характеристике самых различных преступлений. Но примеру Л.Г. Видонова никто не последовал, и это понятно: легче описывать элементы характеристики, да еще по собственной схеме, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей»³¹⁷.

Вот каким образом оценивает результаты Л.Г. Видонова М.И. Еникеев. Они пишет: «Типовые версии отражают наиболее типичную, высоковероятностную возможность обусловленности данного события определенной причиной. Так, например, исследования Л.Г. Видонова показали, что в случаях убийств лиц мужского пола в возрасте до 17 лет убийцами в подавляющем большинстве случаев (88,9%) были подростки в возрасте 10-16 лет. Три четверти из них были «друзьями» или «приятелями» потерпевших. Убийства лиц мужского пола в возрасте до 23 лет путем нанесения одного ранения в общественных местах (клуб, дом культуры, кинотеатр, парк культуры и отдыха) в 75% случаев совершали лица мужского пола в возрасте 17-22 лет, бывшие друзьями, приятелями, сослуживцами, односельчанами потерпев-

---

³¹⁶ Руденко А. В. Переход от вероятности к достоверности в доказывании по уголовным делам : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 Краснодар, 2001; Овсянников И. В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 Москва, 2001.

³¹⁷ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Норма. М. 2001. С. 221.

ших. Виновные проживали на расстоянии от 300 до 1500 метров от места происшествия.

Такого рода высоковероятностные корреляции и дают основания для выдвижения типовых версий. (С учетом выявленных корреляций между структурными элементами криминалистических характеристик убийств Л.Г. Видоновым и Н.А. Селивановым подготовлено справочное пособие по типовым версиям при расследовании убийств)³¹⁸.

Таким образом, М.И. Еникеев совершенно правильно подчеркнул не только известную в криминалистике связь между криминалистической характеристикой преступлений и типовыми версиями, но и указал на то, каким именно образом работы Л.Г. Видонова и Н. А. Селиванова выражают эту «корреляционную» связь посредством вычисления процентов. Так, автор приводит связь между фактором «убийство лица мужского пола в возрасте до 17 лет» и фактором «убийство совершено подростками в возрасте 10-16 лет». Указанная связь выражается в том, что из всех раскрытых дел таких дел было 88,9%.

Полностью соглашаясь с М.И. Еникеевым в положительной оценке работ Л.Г. Видонова, тем не менее полагаем, что следует отметить и некоторую неясность выражения «корреляционной связи», выраженной в процентах. Термин «корреляция» в математической статистике используется для выражения, во-первых, линейной связи между признаками, а во-вторых, эти признаки представляют собой не подсчитываемые, как это имеет место при анализе, проведенном Л.Г. Видоновым, а измеряемые величины.

Подобная не полная детализация излагаемых Л.Г. Видоновым собственных представлений не позволила осуществиться быстрому внедрению в практику научных исследований предлагаемых им методов. Наоборот, работы указанного автора были подвергнуты жесткой критике.

---

³¹⁸ Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. М. Юрист. 1996. С. 405.

Одним из наиболее серьезных аргументов против выводов, которые получил в ходе своих исследований Л.Г. Видонов, является недостаточный объем изученного материала. В частности, критика со стороны А.М. Ларина была построена прежде всего на том, что в клетках таблицы, если вернуться от процентов, которыми оперировал Л.Г. Видонов, к абсолютным значениям, оказываются числа 5, 3 и даже 1. То есть, всего один случай наблюдался при совместном сочетании двух признаков. Вот что пишет А.М. Ларин: «Столь же не сложна расшифровка указанных автором в процентах данных об убийцах в этих пяти случаях: 60% несудимых мужчин – это три человека; из них 66,7% «из круга супругов и сожителей» – двое, один, по-видимому, супруг, другой – сожитель». И далее: «такого же порядка числа стоят и за другими процентными показателями распределения признаков, относящихся к потерпевшему, преступному действию и преступнику»³¹⁹.

Подчеркивая «мизерные» абсолютные цифры, основную критическую мысль А.М. Ларин формулирует так: «После этого нетрудно догадаться, почему Л.Г. Видонов заменил абсолютные числа процентами. Напиши он открытым текстом, что из пяти уголовных дел можно вывести пять «статистико-вероятностных закономерностей», его бы пожалуй, осмеяли и читатели, далекие от математики»³²⁰. После статьи А.М. Ларина в криминалистике прочно утвердилось мнение о том, что выявление связей между теми или иными факторами, требует огромного массива уголовных дел.

В результате критических замечаний А.М. Ларина в этой области научных исследований было задано вполне определенное направление развития. Эмпирическая база некоторых диссертационных исследований стала насчитывать 100 тысяч компьютерных информационно-поисковых карт, каждая из которых имеет 200 позиций³²¹. При этом объем эмпирической базы формировался по следующему принципу: «В нашем представлении, важно не

---

³¹⁹ Ларин. А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М. Издательство БЕК. 1996. С. 122-123.

³²⁰ Там же. С. 123.

³²¹ Лубин А. Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Автореф. докт. дисс. Н. Новгород. 1997. С. 12.

максимальное количество уголовных дел, оперативных материалов и опросных листов, составляющих эмпирическую базу данных, а минимальное – не менее десяти – количество частоты «попаданий» в каждый параметр структуры исследовательской модели (позицию анкеты, матрицы)³²².

Вполне закономерно, что в конечном итоге, трудоемкость подобных исследований перестала соответствовать их практической значимости. По этому поводу в 2001 году Р.С. Белкин заметил: «... примеру Л.Г. Видонова никто не последовал, и это понятно: легче описывать элементы характеристики, чем заниматься весьма трудоемким процессом выявления корреляционных зависимостей между ними»³²³.

Нас интересуют выше рассмотренные проблемы потому что, в определенной мере, работы Л.Г. Видонова могут рассматриваться в качестве попытки построения таблиц, позволяющих исследовать связи между личностными конструктами субъекта деятельности по расследованию преступлений.

Несмотря на то, что эта идея не выражена в явной форме, тем не менее, первый шаг использования подсчетов с последующим построением таблиц был сделан.

Исследуя первый, из приведенных М.И. Еникеевым примеров, можно указать, что суть работы Л.Г. Видонова выражена в проценте 88,9%. Каким же образом получена эта цифра? Для понимания этого следует «вырезать» из таблиц автора четыре связанных между собой клетки, в результате чего получим четырехклеточную таблицу.

Предположим, что Л.Г. Видонов исследовал 90 уголовных дел. Тогда полученный им процент 88,9 показывает, что из всех дел, взятых за 100%, интересующие дела составляют в численном выражении 80 дел. При этом, важно подчеркнуть, что выделенные 80 дел составляют содержание лишь одной ячейки в четырехклеточной таблице. В качестве иллюстрации анализируемого примера может служить следующая таблица (2)

---

³²² Там же.

³²³ Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. НОРМА–ИНФРА–М. М. 2001. С. 221.

Таблица 2

«Корреляционная связь» между признаками криминалистической характеристики, представленная в виде четырехклеточной таблицы

	«убийство лица мужского пола в возрасте 17 лет»	«убийство иного лица»
убийцами являются подростки 10-16 лет.	80 (88,9%)	3 (3,3%)
убийцы иные лица	4 (4,4%)	3 (3,3%)

Таблица 2 позволяет уточнить смысл приведенных Л.Г. Видоным процентов на основе обобщенного представления четырехклеточных таблиц. Теперь можно указать, что в криминалистической характеристике преступлений Л.Г. Видонов использовал, так называемые, сложные проценты. В рассматриваемом случае признак А – «убийцами являются подростки 10-16 лет», признак В – «убийство лица мужского пола в возрасте 17 лет».

В результате проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что начатое Л.Г. Видоным направление исследований по формированию методов выдвижения следственных версий может быть продолжено на основе теории личностных конструктов.

Роль перцептивной формы действия субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений при выдвижении версий

Правильно решает проблему определения криминалистического понятия «признак» Н.В. Кручинина, которая указывает: «признаки не существуют в природе сами по себе. Признак в отличие от материального носителя информации представляет собой гносеологическую, идеальную категорию. Признак – это мысленный образ, мысленная модель, отражающая представление о том, что формируется и существует в сознании познающего субъекта, в его голове»³²⁴.

³²⁴ Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации. Автореф. докт дисс. М. 2003. С. 32.

Формы действия позволяют разделять перечисленные автором, как синонимы, понятия: «признак», «мысленный образ», «мысленная модель». В наибольшей степени процитированное определение признака полностью соответствует понятию личностный конструкт. Личностный конструкт и представляет собой то субъективное средство, которое существует в голове человека и позволяет выделять из объективной реальности признак. Без личностных конструктов субъект не в состоянии выделить никаких признаков. Объект материальной природы или ситуация остаются нерасчлененными на свойства при отсутствии у субъекта личностных конструктов.

Уместно привести определение следственной версии А.М. Ларина: «Следственная версия – это строящаяся в целях установления объективной истины по делу интегральная идея, образ, несущий функции модели исследуемых обстоятельств, созданный воображением (фантазией), содержащий предположительную оценку различных данных, служащий объяснением этих данных и выраженный в форме гипотез»³²⁵.

По-нашему мнению, в процитированном определении версии указывается воображение и фантазия, как иное обозначение структурного компонента сознания, называемого личностным смыслом. Использование строгой научной терминологии, разработанной в когнитивной психологии, позволяет избежать выражений типа «фантазия», при научном определении версии. В этом мы видим одно из существенных позитивных сторон концепции Дж. Келли, при ее использовании в криминалистике.

Ю.К. Орлов указывает, что построение версии – «чисто мыслительная деятельность, находящаяся за рамками уголовного процесса. Например, в ходе осмотра места происшествия у следователя может смениться несколько версий. Но процессуально это нигде и никак не отражается»³²⁶.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать тезис о том, что личностные конструкты, представляющие собой специфическое средство, при

---

³²⁵ Ларин. От следственной версии к истине. М. 1976. С. 29.

³²⁶ Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М. 2001. С.

выполнении операций восприятия в ходе реализации перцептивной формы действия, подлежат криминалистическому анализу, потому что включены в механизм выдвижения следственных версий. Набор личностных конструкторов субъекта ДВРП представляет собой средство деятельности, с помощью которого устанавливается смысл тех или иных следов, возникающий у субъекта уголовного преследования.

В этом плане актуальным является анализ соотношения понятий «след» и «признак». В криминалистике этот вопрос остается неразрешенным. Р.С. Белкин указывает, что большинством криминалистов следы преступления понимаются как любые материально фиксированные изменения среды³²⁷. Например, А. Ф. Лубин указывает, что следы преступления всегда являются результатом некоторых преобразований, которые могут изменить состав и строение объекта³²⁸. Одновременно, автор указывает и другую позицию, согласно которой каждый след является источником информации лишь после того, как оперуполномоченный или следователь поймут (расшифруют, «прочитают») его содержание³²⁹.

Наиболее широко используется понятие «признак» в криминалистической диагностике. Так, Ю.Г. Корухов определяет криминалистическую диагностику, как операции с диагностическими признаками³³⁰.

Таким образом, налицо двойное понимание термина след. С одной стороны, он представляет собой материально-фиксированное изменение среды, с другой, идеальную конструкцию – диагностический или логический признак, указывающий на материально-фиксированное изменение среды. Некоторые авторы связывают двойное понимание следа с чувственным и рациональным этапами познания. Так, В.Ю. Толстолуцкий и С.В. Мамаева отмечают, что на стадии эмпирического познания следов преступления последние

---

³²⁷ Р.С. Белкин. Курс криминалистики. М. 2001. С. 309.

³²⁸ Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики. Учебник. Под ред. В.Д. Грабовского и А.Ф. Лубина. Н. Новгород. 1995. С. 51.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Нома-инфора-М. М. 1998. С. 91.

выступают как изменение материальной обстановки, тогда как на стадии рационального познания, за счет применения методов абстрагирования, обобщения, анализа и синтеза и других логических методов образования понятий, субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений формируются логические признаки, которые также охватываются понятием «след»³³¹.

В п. 19. ст. 5 УПК РФ³³² законодатель использует формулировку, которая позволяет считать следами преступления как те, так и другие следы: не только материально фиксированные изменения среды, но и признаки, которые не являются результатом структурных изменений одного материального объекта и обнаруживаются в результате использования методов сравнения, абстрагирования, измерения и других.

Закономерности отражения преступления в следах кладутся в основу формирования криминалистической характеристики преступления. Таким путем процессы следообразования включатся в криминалистическую методику расследования отдельных видов преступлений. «В основе криминалистической характеристики преступления лежат данные изучения оставленных им материальных и идеальных следов-последствий как результата взаимодействия его субъекта с другими лицами, материальными и иными объектами окружающей среды, указывающими на криминалистически значимые признаки преступления, преступника, различные обстоятельства ...»³³³. Таким образом, закономерности следообразования являются одной из основ формирования криминалистической характеристики преступлений, когда следы понимаются в смысле материально-фиксированных отображений. Та-

---

³³¹ Толстолицкий В.Ю., Мамаева С.В. Особенности применения метода интервальных оценок в методике расследования хищений // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. V. Ижевск. 2004. С. 41.

³³² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. На состояние 22 июля 2004 г. М. 2004. Омега – Л. С. 6.

³³³ Яблоков Н.П., Крылов В.В. Информационно-структурные основы криминалистического изучения преступной деятельности и ее расследования // Криминалистика. Учебник. Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. Юрист. 2002. С. 36.

кого же мнения придерживается и И.Ф. Герасимов, считавший одним из элементов криминалистической характеристики преступлений механизм следообразования³³⁴.

Не вызывает сомнений, что в криминалистической характеристике преступлений должны быть учтены процессы следообразования. Однако, теоретическое исследование закономерностей следообразования в целом и закономерностей отражения во внешней среде способа совершения преступления представляют собой сложную и самостоятельную проблему. Речь идет о том, что переход от эмпирического уровня исследования следов закономерно ведет к оперированию признаками. С помощью признаков субъектом познания фиксируется смысл и значение материальных изменений среды, произведенных в ходе преступной деятельности. М.К. Каминский и Н.В. Матушкина для описания указанных процессов используют понятие «средства выражения». Они указывают, что «средством выражения, по-нашему мнению, является система вербальных и невербальных знаков и понятий, отражающих информацию о материальных и идеальных объектах и явлениях»³³⁵.

В криминалистике под термином «отражение» понимается, как указывает А.Р. Белкин, следующее: «обычно отражение определяется как взаимодействие материальных тел или как результат этого взаимодействия»³³⁶. Поскольку процитированное понимание отражения связывается с образованием материальных следов, то становится понятным, что исследуемые криминалистической закономерности отражения ограничены теми законами, с помощью которых происходит отражение в неживой природе. То есть теми механическими, физическими, химическими взаимодействиями материальных тел, ко-

---

³³⁴ Герасимов И.Ф. Криминалистическая характеристика преступления // Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина. М.: Высшая школа. 1994. С. 331.

³³⁵ Каминский М.К., Матушкина Н.В. Средства выражения в криминалистике // Вестник Удм. Ун-та. 2004. №6 (1). С. 110.

³³⁶ Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. М. НОРА. 1999. С. 29.

торые приводят к изменению материальных объектов в ходе осуществления преступной деятельности.

При таком узком понимании закономерностей отражения, вполне понятно почему в стороне от центра внимания криминалистов остаются закономерности восприятия следов. Полагаем, что разрабатываемые в криминалистической диагностике понятие следа как признака, следует рассматривать с точки зрения перцептивного действия, которое производится субъектом деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

С этой точки зрения, признак соответствует понятию личностного конструкта. В связи с чем, возможность «расшифровать» содержание материальных следов преступления определяется наличием у субъекта ДВРП перечня определенных личностных конструктов.

Производя осмотр, освидетельствование, и иные следственные действия, в основе которых лежит перцептивная форма действия, лицо, осуществляющее данное следственное действие, использует личностные конструкты, которые позволяют ему выделить признаки, которые несут информацию о преступлении. Этот вопрос не может быть подменен анализом следов, например, деление их на материальные и идеальные. Так, О.Я. Баев, отмечает, что «материальные следы преступления и криминалистические средства работы с ними изучаются криминалистической техникой; идеальные – криминалистической тактикой и методикой расследования (исследования) отдельных видов и категорий преступлений»³³⁷. Автор раскрывает, что понимается им под материальными и идеальными следами. Он пишет: «Следы преступления, как криминалистически значимые отображения преступной деятельности, можно классифицировать на два вида: – материальные следы. К ним относятся «отпечатки» события на любых материальных объектах: предметах, документах, теле и (или) организме потерпевшего, обстановке события и т. д.; – идеальные следы – отпечатки события в сознании, памяти людей, совершивших преступление, и (или) к нему прикосновенных (например, укры-

---

³³⁷ Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М. Экзамен. 2001. С. 57.

ватели преступления и т.п.), потерпевших от преступления, очевидцев, других свидетелей и т.д.; в связи с таким характером этих следов их еще именуют «интеллектуальными» или «памятными» следами»³³⁸.

Интересна позиция Л.В. Винницкого, который также рассмотрел вопрос существования материальных и идеальных следов. Автор верно указывает: «Общепризнанно, что следами преступления признаются любые изменения, возникающие в результате общественно опасного, противоправного действия или бездействия. Они могут быть идеальными (в сознании людей) и материальными»³³⁹. Выше указанные представления опять таки базируются на исследовании закономерностей отражения преступления в идеальных следах и подразумевает разделение процесса на следующие компоненты: а) «слеодообразующий» объект; б) «следовоспринимающий» объект; в) механизм слеодообразования. Однако, необходимо подвергнуть анализу и механизм восприятия субъектом ДВРП следовоспринимающих объектов. Тем самым перейти к перцептивной форме действия субъекта ДВРП. При этом нельзя сводить механизм восприятия к процессам имеющим физиологический характер³⁴⁰.

Самостоятельное значение в деятельности субъекта ДВРП имеет акт восприятия им речевой формы действия участников уголовного судопроизводства, таких как свидетель, подозреваемый, обвиняемый. Как нами было ранее указано, речь субъекта представляет собой совершенно особенный способ слеодообразования. А.Н. Леонтьев пишет: «Сознание обязано своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений. Коммуницируясь они становятся достоянием сознания индивидов. При этом они отнюдь не

---

³³⁸ Там же.

³³⁹ Винницкий Л. В. Освидетельствование на предварительном следствии Учебное пособие. Смоленск. 1997. С. 21.

³⁴⁰ Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. Прогресс. М. 1975. С. 337. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М. Медицина. 1968. С. 21. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. Учебник. 3-е изд. М. Проспект. 2004. С. 115. Образцов В.А. Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М. Юнити-дана, Закон и право, 2002. С. 248-249.

утрачивают своей абстрагированности; они несут в себе способы, предметные условия и результаты действий, независимо от субъективной мотивации деятельности людей, в которой они формируются»³⁴¹.

Обнаруживается тот факт, что значения представляют собой то общее, что позволяет различным субъектам понимать друг друга. Именно в этом контексте следует рассматривать высказывание Л.Б. Ительсона: «Язык вынес само содержимое психики – значения – из психики вовне. В слове психика увидела сама себя; произошло отражение отражения»³⁴².

С целью иллюстрации выдвигаемых положений, рассмотрим материалы, опубликованные в №6 Бюллетеня Верховного Суда Российской Федерации за 1997 (С. 13-14). В краткой форме их изложил В.А. Никонов, который пишет: «Характеристика субъективной стороны представляет повышенную сложность. Необходимо использовать широкий спектр фактических данных. Так, Сургутским городским судом Ханты-Мансийского автономного округа Бородулин осужден по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Ханты-Мансийского автономного округа приговор изменила: действия Бородулина переквалифицировала на ст. 106 УК РСФСР. По делу установлено, что он в состоянии алкогольного опьянения из личной неприязни нанес, лежащему на диване, Медведеву несколько ударов кулаком в левую височную часть головы, после чего Медведев сразу потерял сознание, а Бородулин произнес: «Жаль, что я его вообще не прибил». (То есть, фактические обстоятельства дела однозначно свидетельствуют о наличии умысла на нанесение телесных повреждений – В.Н.). Судебно-медицинским исследованием установлено, что смерть Медведева наступила от закрытой черепно-мозговой травмы. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда

---

³⁴¹ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Издательство МГУ. 1981. С. 144-145.

³⁴² Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии. Мн. Харвест. «Издательство АСТ». 2000. С. 169.

РФ признала вывод кассационной и надзорной инстанций суда автономного округа о совершении преступления по неосторожности необоснованным»³⁴³.

В процитированном тексте автор подчеркивает уголовно-правое значение устного высказывания Бородулина, который произнес: «Жаль, что я его вообще не прибил». При этом В.А. Никонов рассматривает речь Бородулина в качестве установленных фактических обстоятельств дела, которые «однозначно свидетельствуют о наличии умысла на нанесение телесных повреждений».

С точки зрения криминалистики, речь идет о речевой форме действия, установление которого позволило определить форму вины.

Еще раз подчеркнем, что **речь представляет собой еще одну форму, в которой происходит отражение деятельности вовне**. Это положение обязывает рассмотреть речевое взаимодействие допрашиваемого и допрашивающего как взаимодействие двух сознаний. Организуя речевую форму действия допрашиваемого, становится возможным изменить и его перцептивную форму. Тем самым, на основании связи между формами действия может быть создана группа новых тактических приемов.

Рассмотрим пример, позволяющий проиллюстрировать сказанное.

По делу об убийстве воспитательницы детского сада Караваевой О.А., исчезнувшей 03.10.95. в г. Глазове, на первоначальном этапе расследования в поле зрения следствия попал некий Лекомцев В.А., который в тот день вечером прогуливался возле территории детсада со своей собакой и длительное время беседовал с Караваевой, собравшейся домой. При допросе Лекомцев пояснил, что после знакомства с потерпевшей и разговора с ней о собаках, он один ушел домой. Причастность к пропаже Караваевой отрицал.

Проведенные следственные действия (допросы свидетелей и родителей Лекомцева, осмотры его квартиры, огорода и т.п.), а также оперативно-розыскные мероприятия оказались безрезультатными. И в 1996 году произ-

---

³⁴³ Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) 2001. Тюмень. С. 126-127.

водство по делу приостановили. Однако, работа по раскрытию преступления продолжалась. Основное внимание было сосредоточено на проверке поведения Лекомцева во время и после исчезновения Караваевой, а также более тщательного изучения его личности.

Одним из мотивов преступления следствие считало совершение убийства Караваевой на сексуальной почве, отслеживая аналогичные преступления, зарегистрированные в городе. В течении 1997 г. в г. Глазове совершено три изнасилования, одно из которых с покушением на убийство. Эти преступления были схожи по обстоятельствам: в темное время суток незнакомый мужчина преследовал женщину, пытаясь завести с ней знакомство, зайдя в безлюдное место, угрожал убийством и совершал насильственный половой акт. В феврале 1998 г. в г. Глазове совершено очередное подобное изнасилование, за которое по горячим следам задержан подозреваемый, оказавшийся Лекомцевым. Все потерпевшие опознали его как насильника.

Изучение личности Лекомцева, который вел одинокий, замкнутый образ жизни, не имел друзей, развелся с женой по причине ее измен, совершение им серии сексуальных преступлений, в том числе с покушением на убийство, подтверждало реальность версии о причастности Лекомцева к исчезновению Караваевой. В отсутствии данных об обстоятельствах и орудии убийства, месте происшествия и нахождения трупа Караваевой проведены тщательная подготовка и допрос Лекомцева. Использование указанной выше информации, ряда косвенных обстоятельств (Лекомцев последний был с потерпевшей, на его лице имелась царапина, появившаяся в период исчезновения Караваевой), а также такого тактического приема, как создание у подозреваемого преувеличенного представления об имеющихся у следователя доказательствах и его осведомленности, дало положительный результат, Лекомцев признался в содеянном, подробно рассказал об обстоятельствах убийства и указал место сокрытия трупа Караваевой (на дне старицы р. Ваебыж под

металлической дверью), где он и был обнаружен³⁴⁴.

В приведенном примере, по делу об убийстве Караваевой О.А., следует выделить то, что уже при расследовании убийства был допрошен подозреваемый Лекомцев, а также проведены иные следственные действия, которые оказались безрезультатными и дело было приостановлено. Только через 3 года, когда в Лекомцеве потерпевшие опознали насильника, были использованы известные ранее данные (царапина на лице Лекомцева, появившаяся в момент исчезновения Караваевой), а также тактический прием, заключающийся в создании у подозреваемого преувеличенного представления об имеющихся доказательствах и осведомленности следствия, что и дало положительный результат.

Процитированный пример показывает следующее. Признание Лекомцева в убийстве Караваевой, с последующим указанием на место сокрытия трупа, стало возможным только на фоне предварительного изменения содержания его сознания. Изменение сознания было осуществлено прежде всего путем изменения деятельности Лекомцева. Речевая форма действия, осуществлявшаяся им при опознании, привела к изменению его системы личностных конструктов. В результате, восприятие Лекомцевым ситуации стало другим.

Изменился личностный смысл тех обстоятельств, которые были предъявлены преступнику. Личностный смысл неразрывно связан с мотивами личности и ее общей направленностью. Он проявляется «в эмоциональной окраске, неосознаваемых установках или готовности. Осознанный личностный смысл подразумевает представленность его субъекту в языковой форме»³⁴⁵.

В отношении анализируемого случая можно заметить, что в ситуации, когда показания даются искренние, то есть допрашиваемый признает свою вину и действительно считает свою деятельность преступной, значение и

---

³⁴⁴ См. Методическое пособие по расследованию убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. Ижевск. 1999. Прокуратура Удмуртской республики. С. 22-23.

³⁴⁵ Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна. Феникс+, 2002. С. 16.

личностный смысл совпадают. Есть все основания полагать, что на момент дачи правдивых показаний значение и личностный смысл у Лекомцева совпали. Другими словами, перцептивная и речевая формы действия неразделены между собой содержательно. Первоначально это совпадение было лишь в отношении доказанных преступлений. Однако, затем связь между речевой формой и перцептивной привела к переходу и даче показаний в отношении ранее не раскрытого преступления.

Именно факт совпадения личностного смысла и значения, основанного на связи всех форм действия между собой, по-нашему мнению, является условием успешного использования тактического приема, заключающегося в создании преувеличенного представления у преступника об имеющихся у следователя доказательствах и его осведомленности.

Дело в том, что сам указанный тактический прием основан на расхождении значений и личностного смысла у допрашивающего. То, что говорит допрашивающий по своему значению не совпадает с личностным смыслом речи для самого говорящего. Цель тактического приема достигнута за счет прямого перехода значений воспринимаемых допрашиваемым слов в субъективный смысл.

Без указанного характера связи между двумя компонентами сознания (двумя формами действия) – значением (речевая форма действия) и личностным смыслом (перцептивная) – допрос Лекомцева и использование названного тактического приема не позволили бы достигнуть цели, заключающейся в раскрытии убийства Караваевой. Этот вывод подтверждается тем фактом, что первоначальный допрос Лекомцева, произведенный за три года до этого, не дал таких результатов.

Тем самым, мы полагаем, что проведенный нами анализ примера, во-первых, подчеркивает практическую значимость криминалистических знаний о формах действия при исследовании структуры преступной деятельности. Во-вторых, позволяет указать на условие, наличие которого необходимо для успешного осуществления избранного тактического приема.

Приведенный пример показывает, по-нашему мнению, насколько может быть эффективным понятие «личностный конструкт» в тактическом плане. Возможно, что в будущем может быть сформирована группа тактических приемов, целью которых является выявление личностных конструктов субъекта преступления, использование имеющихся конструктов и целенаправленное изменение системы конструктов.

Именно целенаправленное формирование новых конструктов у подозреваемого, обвиняемого обеспечивает необходимое восприятие последним того и иного предоставляемого ему факта. Поэтому, прежде чем предъявлять то или иное доказательство, полагаем что необходимо выяснить систему личностных конструктов лица, которому они предъявляются. Только в этом случае можно предсказать субъективный смысл, который обнаружит отмеченное лицо в той информации, которая ему предоставляется следователем.

Рассмотрим с этой точки зрения пример, приводимый М.И. Еникеевым.

«При осмотре магазина, из которого была совершена кража, следователь обнаружил на полу под окном шерстяное одеяло. На одеяле имелось несколько вмятин, характер которых позволял предположить, что его несколько раз пытались повесить на забитый в верхнюю часть оконной рамы гвоздь. Необходимость в завешивании окна возникла в связи с тем, что уличный фонарь хорошо освещал внутреннюю часть помещения магазина.

Подозрение в краже пало на П. Во время допроса ему был задан только один вопрос «для размышления»: «Как вы думаете, был ли виден прохожим преступник, который пытался занавесить окно в магазине?». Помня о том, что одеяло неоднократно падало и его приходилось вновь вешать на фоне ярко освещенного окна, П. решил, что его увидел и опознал кто-то из знакомых. Считая себя разоблаченным, он признался в краже»³⁴⁶.

Мы полагаем, что у допрашиваемого заданным ему вопросом был либо создан конструкт, либо этот конструкт был перемещен на самый верх иерархической системы конструктов, в отличие от того, что он ранее не занимал

---

³⁴⁶ Еникеев М.И. Юридическая психология. М. Юристь. 1996. С. 376.

ведущего места в системе средств восприятия ситуации.

Следователем было указано действие – завешивание окна одеялом, – которое сам следователь наблюдать не мог. Но поскольку указанное действие было выполнено в действительности, то и факт его наблюдения имеет место в действительности, значит есть свидетель.

Полагаем, что вопрос следователя: «Как вы думаете, был ли виден прохожим преступник, который пытался занавесить окно в магазине?» привел к тому, что **личностный смысл** вопроса для допрашиваемого предстал в виде утверждения «**тебя опознали**».

Автор примера по-иному рассматривает суть тактического приема и предлагает следующее: «Помня о том, что одеяло неоднократно падало и его приходилось вновь вешать на фоне ярко освещенного окна, П. решил, что его увидел и опознал кто-то из знакомых. Считая себя разоблаченным, он признался в краже». При этом вопрос о том, каков механизм принятия решения, остается открытым. Полагаем, что объяснение сути тактического приема, на основе использования личностных конструктов, более детально раскрывает внутренний механизм принятия решения.

Автор примера М.И. Еникеев приводит данный пример, с целью показать, что «повышенная психическая активность подозреваемого (обвиняемого) в случае причастности к преступлению может объясняться его информированностью относительно тех данных, которые неизвестны пока следователю, острым повторным переживанием отдельных эпизодов преступления»³⁴⁷.

Это утверждение верно, но не раскрывает внутреннего механизма ни преступной деятельности, ни внутреннего механизма поведения допрашиваемого. При этом автор правильно связывает два события: прошлое – преступление, и настоящее – допрос, указанием на переживание отдельных эпизодов преступления. Полагаем, что в обобщенном виде эту мысль можно сформулировать следующим образом: внутренняя деятельность субъекта преступления является основанием для отождествления его в качестве одно-

---

³⁴⁷ Там же. С. 37.

го и того же субъекта при различии внешних деятельностей – в момент совершения преступления (преступная деятельность) и во время допроса в качестве участника уголовного процесса.

Отсюда следует еще одно замечание: противодействие расследованию выражается не только во внешней деятельности, но обязательно включает в себя внутреннюю деятельность субъекта. Можно предположить, что в целом ряде следственных действий, которые включают в себя общение с лицом, совершившим преступление, последним осуществляется противодействие расследованию, выражающееся в форме психической активности. Полагаем, что указанную внутреннюю деятельность субъекта преступления следует включить в качестве объекта исследования криминалистики, поскольку она представляет собой продолжение механизма преступления в той его части, которая обозначается как противодействие и сокрытие следов преступления³⁴⁸.

Выводы.

Обобщая изложенное, можно сформулировать следующие положения.

1. Уголовно-процессуальное доказывание субъективной стороны преступления начинается также как и доказывание иных признаков состава преступления - с выдвижения соответствующих следственных версий. Версии, относящиеся к субъективной стороне преступления, должны быть не просто выдвинутыми, а составлять иерархически построенную версию систему. Как правило, такая версия система должна включаться в себя версии различного уровня - общие, типовые и конкретные. Метод восхождения от абстрактного к конкретному является основой криминалистической методики и реализуется посредством выдвижения и проверки системы версий. Наиболее сложными и недостаточно разработанными для установления субъективной стороны преступления в криминалистике являются уровни ти-

---

³⁴⁸ Каневский Л.Л. Проблемы периодизации следственной деятельности // Проблемы правового регулирования в современных условиях (Материалы научно-практ. конф.) Ижевск. 1997. С. 75.

повых и конкретных версий. С целью восполнения этого недостатка нами предлагается использовать формы действия в качестве основы для выдвижения типовых и конкретных версий по субъективной стороне преступления.

2. Криминалистическая характеристика не выполняет функцию основы для выдвижения версий по субъективной стороне, поскольку дублирует положения норм материального и процессуального права, то есть содержит указание на идеализированные объекты, тогда как для выдвижения типовых и конкретных версий требуется фактическая основа, представляющая собой «живой» механизм преступной деятельности. Предлагается использовать в качестве основы для выдвижения версий и их проверки понятие «форма действия» и вытекающие из него особенности элементного (операционного состава и средств действия) каждой из форм действия. Из проведенного нами анализа следует, что одной из наиболее важных, для установления субъективной стороны, является перцептивная форма действия, которая обеспечивает механизм осознания и предвидения.

3. Конструкция состава преступления обуславливает перечень обстоятельств, которые должен осознавать и предвидеть субъект преступной деятельности. Тем самым, рассмотренный в криминалистическом плане состав преступления указывает на типовые конструкты, которые обязательно должны присутствовать в перцептивной форме действия субъекта. В случае совершения преступлений с формальным составом субъект сознает, что незаконно хранит огнестрельное оружие, вовлекает несовершеннолетних в преступную деятельность, злостно уклоняется от уплаты алиментов, не доносит об известном ему преступлении и т. д. Для каждого из перечисленных преступлений осознание осуществляется посредством перцептивного действия, а в качестве средства этого действия используются соответствующие личностные конструкты. При этом речь идет именно о типовых личностных конструктах, позволяющих осознать отмеченные признаки противоправности действия. Личностный конструкт всегда индивидуален, поэтому предполагать

можно только определенный класс конструктов, обеспечивающих осознание перечисленных сторон деятельности, то есть типовых конструктов.

4. Необходимым познавательным средством в деятельности по выявлению и расследованию преступлений является мысленное моделирование события преступления, которое производит следователь в ходе реконструкции способа, обстоятельств, места и времени совершения преступления. Эффективность ситуационного мысленного моделирования во многом определяется тем, что таким путем решается задача моделирования субъективной стороны преступления. Предложенный в литературе метод целевой имитации – «вхождение в образ другого человека», заключающийся в том, чтобы поставить себя на место другого человека и попытаться посмотреть на ситуацию его глазами, в своей основе есть попытка осуществить реконструкцию перцептивного действия субъекта преступной деятельности. Соответственно этот метод предполагает знание личностных конструктов преступника. В связи с чем, исследование системы личностных конструктов является актуальной задачей криминалистики.

5. Рассматриваемый способ является, в некотором смысле, возрождением способа Э. Видока, который моделировал преступление преимущественно за счет известных ему личностных смыслов преступника, но не значений. Его деятельность позволила накопить определенный опыт расследования преступлений. Этот опыт стал передаваться при обучении методам раскрытия. В результате он превратился в знания, которые в сознании следователя представляют собой содержание другого компонента сознания, называемого значением. Произошла закономерная смена ведущего структурного компонента в сознании лица, расследующего преступление. Метод раскрытия преступлений, путем использования личностного смысла, не мог быть перенят лицами, не имевшими уголовного прошлого. Для этого необходимы криминалистические методики формирования личностных конструктов, которые еще не разработаны. Поэтому ведущим методом становится применение криминалистических знаний, которые в последующем превратились в

криминалистическую характеристику преступлений и моделирование механизма совершения преступления.

б. Реконструкция механизма преступления, в частности, содержания сознания субъекта ПД, требует некоторой перестройки сознания самого субъекта ДВРП. Прежде всего возникает необходимость ревизии представления о собственном сознании субъекта ДВРП, его структуре и содержании каждого из компонентов этой структуры. Дело в том, что собственное сознание и собственная система личностных конструкторов, как правило, остается для следователя, прокурора, судьи моделью, на основе которой формируется представление о сознании, его структуре и системе личностных конструкторов любого другого субъекта, участника уголовного процесса. Поэтому использование криминалистических рекомендаций по установлению фактов, характеризующих субъективную сторону преступления, не может не сопровождаться определенной перестройкой представлений моделирующего субъекта о собственном сознании. Для понимания и эффективного использования метода личностных конструкторов субъекту деятельности по выявлению и расследованию преступлений, следует исключить ситуации, в которых собственное сознание служит ему моделью психики субъекта преступной деятельности. Пример Э. Видока, в указанном отношении, является крайностью, но эта крайность точно раскрывает некоторые существенные стороны метода мысленного моделирования системы личностных конструкторов преступника. Представление о личностных конструкторах позволяет указать причины полярных оценок работ Л.Г. Видонова. С одной стороны, в литературе приводятся примеры успешного раскрытия убийств на основании использования данных Л.Г. Видонова. С другой стороны, собственно статистических (корреляционных) связей в методике автора не приведено, а объем выборочной совокупности считается весьма небольшим, для получения статистически обоснованных выводов. Полагаю, что справедливы обе позиции. С нашей точки зрения, методика Л.Г. Видонова формирует личностные конструкторы следователя, то есть является уникальным средством передачи нако-

пленного опыта. При рассмотрении содержания публикаций Л.Г. Видонова, под таким углом зрения, обнаруживается тот факт, что применение на практике предложенных автором таблиц в качестве средства формирования личностных конструктов не требует статистической обоснованности связей между признаками. Таблицы Л.Г. Видонова задают только общие контуры иерархической системы личностных конструктов следователя. В последующем эта система личностных конструктов пересматривается и совершенствуется на основе личного субъективного опыта расследования. В указанных таблицах можно увидеть прообраз криминалистической методики, нацеленной на формирование личностных конструктов субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

8. Эффективным является использование представлений о понятии «личностный конструкт» и в тактическом плане. Полагаем, что может быть сформирована группа тактических приемов, целью которых является выявление личностных конструктов субъекта преступления, использование имеющихся конструктов и целенаправленное изменение системы конструктов. Именно целенаправленное формирование новых конструктов у подозреваемого, обвиняемого обеспечивает необходимое следствию восприятие последним того и иного предоставляемого ему факта. Кроме того, следует указать, что прежде чем предъявлять допрашиваемому то или иное доказательство, полагаем, что необходимо выяснить систему личностных конструктов лица, которому они предъявляются. Только в этом случае, можно предсказать субъективный смысл, который обнаружит отмеченное лицо в той информации, которая ему предоставляется следователем. Без знания системы личностных конструктов допрашиваемого предъявление доказательств допрашиваемому носит «слепой» характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложность темы нашего исследования можно иллюстрировать позицией А.И. Плотникова, указавшего, что психологическая концепция вины направляет правоприменителя на выяснение внутреннего состояния лица, совершившего преступление, хотя решение этой задачи недостижимо.³⁴⁹ В то же время, нельзя не учитывать, что личностный подход и определенная «психологизация» является важнейшей чертой современного уголовного права России. Уже в первых нормах УК РФ, где дается определение понятия преступления (ст. 14 УК РФ)? впервые в отечественном праве указывается вина: «виновно совершенное общественно-опасное деяние». Субъективная сторона преступления определяется в уголовном праве как психическая деятельность лица, связанная с совершением преступления, представляющая собой единство интеллектуальных, волевых и мотивационных процессов.

Проведенный нами анализа показал, что субъективная сторона преступления (как и иные признаки состава) есть понятие, которое образовано методом идеализации, то есть путем мысленного конструирования понятий об объектах, не существующих и не осуществимых в действительности, хотя и имеющих прообразы в реальном мире.

Ни человеческого сознания (или психики субъекта), ни субъективной стороны преступления без преступной деятельности субъекта не существует. Поэтому справедливо утверждать, что перечисленные системы понятий получены путем абстрагирования от иных сторон преступной деятельности. Идеализация, как метод научного познания, тесно связана с методом моделирования, хотя и не совпадает с ним полностью. Уголовно-правовая модель преступления формируется посредством применения двух методов - идеализации и моделирования. В связи с чем, при использовании уголовно-правовой модели, то есть осуществления практической деятельности, в кото-

---

³⁴⁹ Плотников А.И. Объективное и субъективное в уголовном праве: Оценка преступления по юридическим признакам. Оренбург, 1997. С. 79.

рой применяются в качестве средства познания указанный идеализированный объект, возникает задача интерпретации структурных его элементов в терминах реальных объектов. Такой возврат к объективной реальности от уголовно-правовой модели преступления и предмета доказывания осуществляется в уголовном судопроизводстве, в результате чего возникает предмет и задачи (общая, специальные и конкретные) самостоятельной науки - криминалистики.

Изложенное позволило нам сформулировать одну из конкретных задач криминалистики и сформулировать ее, как задачу интерпретации признаков состава преступления при исследовании конкретного деяния. Под интерпретацией понимается установление наличия соответствия между системой понятий идеализированного объекта (уголовно-правовой модели преступления) и реальной преступной деятельностью.

Такая точка зрения совпадает с позицией ряда криминалистов, в частности Р.С. Белкина, отметившего, что в уголовно-процессуальном законе содержится общая формула предмета доказывания, на базе которой криминалистическая методика разрабатывает круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждой категории уголовных дел, являющейся элементом криминалистической характеристики преступлений. В связи с чем можно указать, что отпавляясь от общей характеристики предмета доказывания, даваемой уголовно-процессуальным законом, криминалистика разрабатывает конкретные частные методики таким целесообразным способом, чтобы была решена задача максимальной детализации предмета доказывания по конкретной категории дел преступлений и произошло наполнение абстрактной обобщенной уголовно-процессуальной формы конкретным для данного дела содержанием.

Проведенное нами исследование позволяет считать, что состав преступления представляет собой идеализированный объект, который является мысленной познавательной конструкцией и служит важнейшим познавательным средством, используемым криминалистикой при разработке частных ме-

тодик расследования отдельных видов преступлений. В то же время, самостоятельной задачей криминалистики становится решение проблемы криминалистического обеспечения установления признаков субъективной стороны преступления. На этом основании, указанная задача может быть отнесена к перечню конкретных задач криминалистики. На современном этапе развития криминалистики указанная конкретная задача, в силу произошедшего изменения законодательства, является приоритетной в ряду задач, определяющих содержание научных разработок в области частных криминалистических методик.

Сформулированная выше конкретная задача не нова как для общей теории криминалистики, так и для криминалистической методики. Одной из попыток ее решения, хотя и неудачных для решения указанной задачи, было создание криминалистической характеристики преступлений. Причиной неудачи стало то, что данная криминалистическая задача не может быть решена с помощью этого научного средства. Суть несоответствия заключается в том, что криминалистическая характеристика является таким же идеализированным объектом, как и уголовно-правовая модель преступления. Поэтому многие их элементы либо соответствуют друг другу, либо полностью тождественны.

Сформулированная нами конкретная задача криминалистики заключается в возврате от абстрактной модели преступной деятельности к самой преступной деятельности, как «живой» деятельности субъекта, как материального явления, в ходе осуществления которого происходит образование материальных и идеальных следов. В то же время, и уголовное право и психология рассматривают субъективную сторону преступления как систему регуляции, которая основана на внутреннем, то есть психическом отражении субъектом своей деятельности. Однако, вся криминалистическая теория отражения представляет собой описание отражения преступления вовне, в среду. Таким образом, из поля зрения теории криминалистики в целом и криминалистической теории отражения в частности, выпадает одна из закономерностей объ-

ективной реальности, которые подлежат установлению в качестве элемента предмета доказывания и являются содержанием понятия «субъективная сторона преступления».

Отметим, что психические процессы, являющиеся процессами саморегуляции деятельности субъекта преступления, должны быть включены в криминалистическую модель преступной деятельности именно в этом качестве, то есть в качестве управляющей системы. Поскольку наиболее общие закономерности саморегуляции и управления изучаются кибернетикой, то кибернетические методы моделирования целесообразно использовать при формировании криминалистической модели преступной деятельности, а сама модель преступной деятельности должна быть кибернетической, то есть содержать контур с обратной связью, где психические процессы являются управляющей системой, а предметная деятельность – объектом управления.

Модель действия является результатом кибернетического моделирования саморегуляции посредством психических явлений любой деятельности. Действие имеет сложную структуру: 1) Материальный объект действия – часть объективных условий, в которых выполняется действие. 2) Предмет действия – одна из сторон объекта, его свойство, которое изменяется субъектом действия. 3) Цель – сознательно предполагаемое (и желаемое) конечное состояние предмета действия. 4) Операции – этапы выполнения действия, необходимые для достижения цели действия. 5) Средства действия – материальные или идеальные (зависит от рассматриваемой формы действия) объекты, позволяющие осуществить преобразование предмета действия. В материальной форме действия средства действия представлены в виде иных (не объекта действия) материальных объектов, позволяющих механически, химически и другим путем воздействовать на объект действия. 6) Результат действия – ожидаемое или фактическое состояние объекта и предмета действия.

В минимальном объеме модель должна включать следующие элементы: а) объект действия, подлежащий изменению; б) свойства объекта, которые

изменяются (предмет); в) операции, которыми изменяется объект; г) средства действия, которые позволяют воздействовать на объект и изменять его.

Нами развивается классификация форм действия: **материальная форма** – реальное преобразование материального объекта. **материализованная форма** – действие производится со знаком, который либо порождается, либо используется, с целью воздействия на другого субъекта; **перцептивная форма** – восприятие на психическом уровне (но не на уровне физиологической работы органов чувств); **речевая форма** – действие может осуществляться в форме внешнего проговаривания или речи про себя; **умственная форма** – преобразование идеальных образов (образное мышление) и построение мысленных моделей.

Отметим, что перцептивная форма действия имеет наибольшее значение для объяснения закономерностей, обозначенных понятием «субъективная сторона преступления». Средства перцептивного действия в психологии называются конструктами. Конструкты, как и средства материальной формы действия, выбираются произвольно субъектом в зависимости от цели и задач действия.

Нами предложены модели интеллектуального и волевого элементов вины, которые должны дополнить существующие в криминалистике модели преступной деятельности.

Интеллектуальный компонент вины представляет собой перечень необходимых конструктов (то есть, имеющих у субъекта средств перцептивного действия), которые обеспечивают субъекту психическое восприятие, а тем самым и осознание собственных действий и существенных признаков ситуации, выступающих в качестве конкретных объективных условий совершения действия.

Поскольку только наличие необходимого личностного конструкта позволяет воспринимать объективную сторону преступления и осознавать ее, следует указать, что, во-первых, конструкты у преступника требуется устанавливать соответствующими криминалистическими методами, а не априор-

но предполагать, что они якобы существуют, а во-вторых, поскольку конструируется это средство, то следует устанавливать и операцию, которая выполняется при использовании конструкта (то есть осуществлять реконструкцию операционального состава перцептивного действия).

Волевой компонент вины представлен, во-первых, связями между конструктами, и прежде всего иерархическими отношениями между ними, во-вторых, - связями между формами действия. Волевой компонент вины проявляется через то, как воспринимает субъект соотношение между существенными признаками ситуации, то есть иерархию последних, которая является следствием иерархии конструктов, обеспечивающих восприятие признаков.

Конструкт не может быть отождествлен ни с мотивом, ни с побуждением, ни с другими известными в уголовном праве и криминалистике понятиями. Во-первых, потому что такое совпадение делает бессмысленным введение нового понятия. А во-вторых, лишает возможности обосновать уголовно-правовые понятия специальными знаниями.

Речевая форма действия представляет собой акт отражения содержания сознания субъекта преступной деятельности через средства языка. В материализованной и речевой формах действия содержание сознания субъекта преступной деятельности непосредственно отображается вовне и представляет собой механизм слеодообразования, который до сих пор не указан в криминалистической теории отражения.

Приведенная в первых двух главах нашей работы теоретическая база позволила перейти к рассмотрению в третьей главе прикладных аспектов сформированных нами ранее положений. В третьей главе рассматриваются вопросы, относящиеся к разделу криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений. В центр внимания поставлены вопросы выдвижения версий по субъективной стороне преступления. Такое внимание к версиям обусловлено их местом в уголовно-процессуальном доказывании.

Уголовно-процессуальное доказывание субъективной стороны преступления начинается также как и доказывание иных признаков состава преступления - с выдвижения соответствующих следственных версий. Версии по субъективной стороне преступления должны быть не просто выдвинутыми, а составлять иерархически построенную версионную систему, включающую общие, типовые и конкретные версии. Метод восхождения от абстрактного к конкретному является основой криминалистической методики и реализуется посредством системы версий в виде различных уровней – общих, типовых и конкретных. Наиболее сложными и недостаточно разработанными в криминалистике являются уровни типовых и конкретных версий. Нами предлагается использовать формы действия в качестве основы для выдвижения типовых и конкретных версий по субъективной стороне преступления.

Результаты нашего анализа позволяют считать, что криминалистическая характеристика ограничено выполняет функцию основы для выдвижения версий по субъективной стороне поскольку дублирует положения норм материального и процессуального права, то есть содержит идеализированные объекты, тогда как для выдвижения типовых и конкретных версий требуется фактическая основа, представляющая собой механизм преступной деятельности. Такой основой являются формы действия и особенности элементного (операционального состава и средств действия) каждой из форм действия. Одной из наиболее важных для установления субъективной стороны является перцептивная форма действия, которая обеспечивает механизм осознания и предвидения.

Конструкция состава преступления обуславливает перечень обстоятельств, которые должен осознавать и предвидеть субъект преступной деятельности. Тем самым, рассмотренный в криминалистическом плане состав преступления указывает на типовые конструкты, которые обязательно должны присутствовать в перцептивной форме действия субъекта. В случае совершения преступлений с формальным составом, субъект сознает, что незаконно хранит огнестрельное оружие, вовлекает несовершеннолетних в пре-

ступную деятельность, злостно уклоняется от уплаты алиментов, не доносит об известном ему преступлении и т. д. Для каждого из перечисленных преступлений осознание осуществляется посредством перцептивного действия, а в качестве средства этого действия предполагается соответствующие личностные конструкты. При этом речь идет именно о типовых конструктах, позволяющих осознать отмеченные признаки противоправности действия. Личностный конструкт всегда индивидуален, поэтому до расследования предполагать можно только определенный класс конструктов, обеспечивающих осознание перечисленных сторон деятельности, то есть типовых конструктов.

Необходимым познавательным средством в деятельности по выявлению и расследованию преступлений является мысленное моделирование события преступления, которое производит следователь в ходе реконструкции способа, обстоятельств, места и времени совершения преступления. Эффективность ситуационного мысленного моделирования во многом определяется тем, что таким путем решается задача моделирования субъективной стороны преступления. Предложенный в литературе метод целевой имитации – «вхождение в образ другого человека», заключающийся в том, чтобы поставить себя на место другого человека и попытаться посмотреть ситуацию его глазами, в своей основе есть попытка осуществить реконструкцию перцептивного действия субъекта преступной деятельности. Соответственно этот метод предполагает знание личностных конструктов преступника. В связи с чем, исследование системы личностных конструктов является актуальной задачей криминалистики.

Рассматриваемый способ является, в некотором смысле, возрождением подхода Э. Видока, который, как мы предполагаем, моделировал преступление преимущественно за счет известных ему личностных смыслов преступника, но не значений. Его деятельность позволила накопить определенный опыт расследования преступлений. Этот опыт стал передаваться при обучении методам раскрытия. В результате он превратился в знания, которые в

сознании следователя представляют собой значения. Произошла закономерная смена ведущего компонента в сознании лица, расследующего преступление. Метод раскрытия преступлений путем использования личностного смысла не мог быть перенят лицами, не имевшими уголовного прошлого. Поэтому ведущим методом становится применение криминалистических знаний, которые в последующем превратились в криминалистическую характеристику преступлений и моделирование механизма совершения преступления. Конечно, изложенная гипотеза требует проверки.

Реконструкция механизма преступления и в частности содержания сознания субъекта ПД требует некоторой перестройки сознания самого субъекта ДВРП. Прежде всего, возникает необходимость ревизии представлений о собственном сознании субъекта ДВРП. Дело в том, что собственное сознание и собственная система личностных конструктов, как правило, остается для следователя, прокурора, судьи моделью, на основе которой формируется представление о сознании, его структуре и системе личностных конструктов любого другого субъекта, участника уголовного процесса. Такой подход допустим только в некоторых случаях. В большинстве ситуаций для установления субъективной стороны преступления методом криминалистической реконструкции требуется определенная перестройка собственного сознания моделирующего субъекта. Для эффективного использования личностных конструктов с целью реконструкции субъективной стороны преступления субъекту деятельности по выявлению и расследованию преступлений следует критически подходить к ситуациями, в которых собственное сознание служит ему моделью психики субъекта преступной деятельности.

Пример Э. Видока, в указанном отношении, является крайностью, но эта крайность точно раскрывает некоторые существенные стороны метода мысленного моделирования системы личностных конструктов преступника.

Представление о личностных конструктах позволяет указать причины полярных оценок работ Л.Г. Видонова. С одной стороны, в литературе приводятся примеры успешного раскрытия убийств на основании использования

данных Л.Г. Видонова. С другой стороны, собственно статистических (корреляционных) связей в методике автора не приведено, а объем выборочной совокупности считается весьма небольшим для получения статистически обоснованных выводов.

При рассмотрении содержания публикаций Л.Г. Видонова, под таким углом зрения, обнаруживается тот факт, что применение на практике предложенных автором таблиц в качестве средства формирования личностных конструктов не требует статистической обоснованности связей между признаками. Таблицы Л.Г. Видонова задают только общие контуры иерархической системы личностных конструктов следователя. В последующем эта система личностных конструктов пересматривается и совершенствуется на основе личного субъективного опыта расследования.

Эффективным является использование представлений о понятии «личностный конструкт» и в тактическом плане. Полагаем, что может быть сформирована группа тактических приемов, целью которых является выявление личностных конструктов субъекта преступления, использование имеющихся конструктов и целенаправленное изменение системы конструктов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации, 1993
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М. 2004. Омега – Л.
3. Уголовный кодекс РФ (в ред. Федерального закона от 08.12.2003)

2. Международно-правовые документы

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята 10.12.1948 //Международное гуманитарное право в документах. М., 1996.
2. Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989. Сборник важнейших документов по международному праву. Часть 1. Общая. М. 1996.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 //Российская газета от 05.04.1995

3. Монографии, учебные пособия, комментарии

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г. и др. Криминалистика. - Норма, 2004, - 973 с.
2. Агафонов В.В., Филиппов А.Г. Криминалистика: Вопросы и ответы. - Юриспруденция, 2002, - 224 с.
3. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. Права человека, - 2002, - 152 с.
4. Алексеев А.И. и др. Криминологическая профилактика. - ИНФРА-М., 2001, - 496 с.

5. Андреев И.С. и др. Курс криминалистики. - Высшая школа (Минск), 2000, - 335 с.
6. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. - М.: Медицина, 1968. - 547 с.
7. Артишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. - М.: Юрид. лит., - 1978. - 102 с.
8. Баев О.Я. Криминалистика. Сборник задач и заданий. - ПРИОР, 2001, - 176 с.
9. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. - М.: Экзамен, 2001. - 228 с.
10. Баев О.Я. Российская криминалистика начала XXI в.: направления развития, современные проблемы //вестник криминалистики, - Вып.1. - М.: Спарк, - 2000, - 220 с.
11. Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж, 1995. - 220с.
12. Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. - М.: НОРМА, 1999. - 418 с.
13. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. - М.: НОРМА–ИНФРА-М, 2001. - 237 с.
14. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х томах. - Т. 3. - М. Юристъ, 1997. - 478 с.
15. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Закон и право. - М., 2001. - 837с.
16. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. - Изд-во Саратовского университета, 1986. - 397 с.
17. Белкин Р.С. Скучная криминалистика. - Глобус. – Ижевск, 1993. - 350 с.
18. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. - М.: Наука, 1966. - 295 с.
19. Беляков А.А. Криминалистическое взрывоведение: проблемы теории и практики. - Красноярск. универс., 2003. - 459с.

20. Бирюков Б.В. Знак. Философский энциклопедический словарь - М. Сов. энциклопедия», 1983. – 770с.
21. Боуэн М. Духовность и личностно-центрированный подход // Гуманистическая и трансперсональная психология. Хрестоматия. / составитель К.В. Сельченко. - Мн. - Харвест. - М.: АСТ, - 2000. – 556с.
22. Бочаров В.А. Маркин В.И. Основы логики. Учебник. - М.: ИНФРА-М, 1997. - 296 с.
23. Братусь Б.С. Опыт обоснования гуманитарной психологии // Гуманистическая и трансперсональная психология. Хрестоматия. / составитель К.В. Сельченко. - Мн. Харвест. - М.: АСТ, 2000. – 776с.
24. Буринский Е.Ф. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею // М.: ЛексЭст, 2002. - 464 с.
25. Бурлаков В.Н., Кропачев Н.М. Криминология. - Питер, 2003, - 432 с.
26. Крутов В.И., Грушко И.М., Попов В.В. и др. Основы научных исследований. Учебн. для техн. вузов. - М.: Высш. шк, 1989. - 399с.
27. Вандер М.Б. Использование микрочастиц при расследовании преступлений. - СПб. Питер, 2001. - 224 с.
28. Варчук Т.В. Криминология. - ИНФРА-М, 2002, - 298 с.
29. Васильев А.Н. Предмет, метод и система криминалистики // Криминалистика. Под ред. А.Н. Васильева. - М., 1980. – 57с.
30. Вермель И.Г., Солохин А.А. Формальная логика в судебной медицине. - М. РМАПО, 1995. - 95с.
31. Винницкий Л. В. Освидетельствование на предварительном следствии Учебное пособие. – Смоленск, 1997. - 115с.
32. Вицин С.Е. Криминология (схемы). - Щит-М, 2000. - 242 с.
33. Водопьянов В. Криминология (конспект лекций в схемах). - ПРИОР, 2001. - 144 с.
34. Возгрин А.И. Общие положения методики расследования преступлений // Криминалистика. Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. – СПб. Лань, 2001. - 609 с.

35. Возгрин А.И. Основные положения учения о криминалистической характеристике преступлений // Криминалистика. Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. – СПб. Лань, 2001. – 246с.
36. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. - Юридический центр - Пресс, 2003, - 475 с.
37. Возгрин И.А. и др. Криминалистика. Схемы и терминология. - СПбГУ МВД России, 2000. - 152 с.
38. Возгрин И.А., Сальникова В.П. и др. Криминалистика. Схемы и терминология. - Учебное пособие. - Лексикон, 2001. - 152 с.
39. Возгрин И.А., Степанов А.А. Основы методики и дидактики курса Криминалистика. – Изд., 2002. - 224 с.
40. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в деятельности защитника: пути и перспективы исследования проблемы // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. - 75с.
41. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: Учебное пособие / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1997. - 93 с.
42. Волынский В.А. Криминалистическая техника. - ЮНИТИ, 2000. - 311 с.
43. Воронин С.В. Звукоподражания теория // Лингвистический энциклопедический словарь. - М. Сов. энциклопедия. 1990. – 798с.
44. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры. - М. Воронеж, 1996. - 321 с.
45. Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Методика расследования отдельных видов преступлений: Курс лекций. - Книжный мир, 2004. - 466 с.
46. Гак В.Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - 262 с.

47. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. Избранные психологические труды. - М.: Воронеж, 1998. - 289 с.
48. Герасимов И.Ф. Криминалистическая характеристика преступления // Криминалистика. - Учебник для вузов. Под ред. И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина. - М.: Высшая школа, 1994. - 331 с.
49. Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. - Свердловск, 1975. - 51 с.
50. Герасимов И.Ф. Общие положения методики расследования преступлений / Криминалистика. - Под ред. И.Ф. Герасимова и Л.Я. Драпкина. - М. Высш. шк, 1994. - 396с.
51. Герасимов С.И. Организация криминологической профилактики в Москве. - Щит-М, 2000. - 272 с.
52. Гишинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: Курс лекций. - Питер, 2002. - 384 с.
53. Григорьев Б. В. Классическая логика. - Уч. пособие. - М.: ВЛАДОС, 1996. - 192 с.
54. Громов В., Лаговьер Н. Искусство расследования преступлений. - И., 1927. - 185с.
55. Густов Г.А. Комплексный подход к раскрытию убийства. - Архангельск, 1989. - 115с.
56. Густов Г.А. Моделирование в работе следователя. - Уч. пособие. - Архангельск, 1989. - 176 с.
57. Гуськова А.П. Развитие криминалистики как необходимое условие для решения задач уголовного судопроизводства // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики: генезис профессиональной защиты и представительства. - Екатеринбург: Чароид, 2003. - 76с.
58. Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. - Учебное пособие. - ИГ «Юрист», 2002. - 51с.

59. Дагель П. С. Совершенствование законодательного определения принципа вины в советском уголовном праве // Проблемы советской уголовной политики. - Владивосток, 1985. - 18с.
60. Дж. Келли. Психология личности. Теория личных конструктов. - Речь. – СПб, 2000. - 184с.
61. Дисперсионная идентификация. Теоретические основы технической кибернетики. Под ред. Н.С. Райбмана. - М.: Наука, 1981. – 430с.
62. Долгова А.И. Криминология. - Норма, 2003. - 848 с.
63. Дубровин С.В. Методологические аспекты криминалистической диагностики. Закон и право. – М, 2002. - 72 с.
64. Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983. - 227 с.
65. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии. - М. Юристъ, 1996. - 405 с.
66. Еникеев М.И. Юридическая психология. – М.: Юристъ, 1996. - 376с.
67. Ермолович В.Ф. Построение и проверка версий при расследовании краж: Учеб. пособие. - Мн. Академия МВД РБ, 1995. - 36 с.
68. Ермолович В.Ф. Янушко Е.И. Выявление и расследование обмана покупателей и заказчиков. Учебн. пособие. - Мн. Академия МВД РБ, 1997. - 68 с.
69. Ермолович В.Ф., Вишневская А.А. Криминалистическая характеристика хищений сельскохозяйственной продукции: Учебное пособие. - Мн., Академия МВД РБ, 1996. - 54 с.
70. Ермолович В.Ф., Ермолович М.В. Построение и проверка версий. - Минск. – Амалфея, 2000. - 176 с.
71. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск, 2003. - 148 с.
72. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск: Изд-во Удм. Университета, 1993. - 178 с.

73. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. – Ижевск, 2002. - 89 с.
74. Зинченко В.П. Образ и деятельность. М. Изд-во «Институт практической психологии», - Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. - 350с.
75. Злобин Г.А., Никифоров Б.С. Умысел и его формы. - М., 1972. - 264с
76. Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. - Амалфея, 2000. - 416 с.
77. Иванов А.А. Индивидуализация юридической ответственности. Правовые и психологические аспекты. - М. Издательство «Экзамен», 2003. - 192 с.
78. Иванов Е.А. Логика. - Учебник. - М.: БЕК, 1996. - 309 с.
79. Ивлев Ю.В. Логика. - Учебник. - М.: ТК Велби. Проспект, 2004. - 146с.
80. Ивлев Ю.В. Учебник логики: Семестровый курс. - Учебник. - М. Дело, 2003. - 208 с
81. Идеализация // Философский энциклопедический словарь. - М. Сов. Энциклопедия, 1983. - 196 с.
82. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. - 231 с.
83. Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии. - Мн. Харвест. «Издательство АСТ», 2000. - 896 с.
84. Кавасрский Б.Д. Психотерапия. Медицина. - 1985. 834с.
85. Каминский А.М. Рефлексивный анализ и моделирование как средство преодоления тупиковых ситуаций расследования. – Ижевск, 1998. – 60с.
86. Каминский М.К. Процедурная революция и криминалистика // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования // Екатеринбург: Чароид, 2002. - 78 с.
87. Каневский З.М., Литвиненко В.П. Теория скрытности. – Воронеж. ВГУ, 1991. - 144 с.

- 88.Келли Дж. Психология личности. - Речь. - СПб. 2000. - 179 с.
- 89.Кибрик А.Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. - М. Сов. энциклопедия, 1990. - 604 с.
- 90.Козловцев В.А., Маликов С.В. Краткий курс криминалистики. Вопросы и ответы. - Юрлитинформ, 2002. - 224 с.
- 91.Колдин В.Я., Яблоков Н.П. Преступная деятельность и криминалистическая деятельность как двуединый объект криминалистического изучения // Криминалистика. Учебник. Под ред. Н.П. Яблокова. - М.: Юристъ, 2000. - 475с.
- 92.Комментарий в Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. - М.: Эксмо, 2003. - 137 с.
- 93.Корниенко Н.А. Следы человека в криминалистике // СПб. Питер, 2001. – 123с.
- 94.Корсаков К.А. и Серова Е.Б. Метод моделирования в деятельности государственного обвинителя // Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности. Под. ред. О.Н. Коршуновой. - СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2003. - 77 с.
- 95.Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. - М.: Норма, 1998. - 238 с.
- 96.Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. - М.: Нома-инфора-М, 1998. - 91 с.
- 97.Коршунова О.Н., Степанов А.А., ред. Курс криминалистики: В 3 томах. - Юридический центр Пресс, 2004. - 1889 с.
- 98.Криминалистика. // Под ред. проф. А.Г. Филиппова. - М. Юриспруденция, 2000. - 242 с.
- 99.Криминалистика. Учебник для вузов. Отв. ред. Н.П. Яблоков. - М.: БЕК, 1996. - 708 с.
100. Криминалистика. Учебник. / Под ред. Е.П. Ищенко. - М.: Юристъ, 2000. - 751 с.

101. Криминалистика. Учебник. / Под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. - СПб.: Лань, 2001. - 925 с.
102. Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики. Под ред. В.Д. Грабовского и А.Ф. Лубина. - Нижний Новгород, 1995. - 400 с.
103. Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики. Учебник. Под ред. В.Д. Грабовского и А.Ф. Лубина. - Н. Новгород, 1995. - 400 с.
104. Крутецкий В.А. Психология. - М.: Просвещение, 1980. 658с.
105. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. Учеб. пособие. - М.: Форум-инфра-М, 1998. – 233с.
106. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. - М.: Юристъ, 2001. - 302 с.
107. Кудрявцева А.В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России. Монография. - Челябинск.: Изд- ЮУрГУ, 2001. – 71с.
108. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. - М., 1969. - 230 с.
109. Ларин. А.М. Криминалистика и паракриминалистика. – М.: БЕК, 1996. – 323с.
110. Ларин А.М. От следственной версии к истине. - М., 1976. - 200 с.
111. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М. Политиздат. 1977. - 304 с.
112. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - Издательство МГУ. 1981. - 582 с.
113. Лисиченко В.К. Использование данных естественных и технических наук в следственной и судебной практике. - Киев. - "Вища школа" 1979. - 90 с.
114. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. - М. Юрид. лит. 1981. - 152 с.

115. Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. - М. ВШ МВД СССР. 1969. - 178 с.
116. Лунеев В.В. Субъективное вменение. - М. Спарк. 2000. - 70 с.
117. Малейн Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. - М., 1985. - 280 с.
118. Методическое пособие по расследованию убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. - Ижевск. 1999. - Прокуратура Удмуртской республики. - 133 с.
119. Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход) - 2001. Тюмень. – 181с.
120. Образцов В.А. Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. - М. Юнити-дана, - Закон и право, 2002. - 447 с.
121. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. - М. Юристь. 1997. - 336 с.
122. Образцов В.А. Криминалистика. Курс лекций. - М. 1996. - 448 с.
123. Образцов В.А. Объект и предмет познания в уголовном судопроизводстве // Криминалистика. Под ред. В.А. Образцова. - М. Юристь. 2002. - 233с.
124. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. - М. ЮНИТИ-ДАНАЮ - Закон и право, 2002. - 447 с.
125. Общая психология /Под ред. А.В. Петровского. 3-е изд. - М. Просвещение. 1986. – 508с.
126. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. - М. 2001. - 138 с.
127. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. - М. 1975. – 160с.
128. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. - М., 1961. - 666 с.
129. Платонов К.И. Слово как физиологический и лечебный фактор. - М. Медгиз. 1962. - 532 с.

130. Плотников А.И. Объективное и субъективное в уголовном праве: Оценка преступления по юридическим признакам. - Оренбург, 1997. - 140 с.
131. Подольский А.И. Вступление // Лекции по психологии. - М. Книжный дом «Университе» Высш школа. 2002. – 65с.
132. Полевой Н.С. и Самыгин Л. Моделирование в криминалистике и практике расследования преступлений // Криминалистика. - Отв. ред. Н.П. Яблоков. М. БЕК. 1996. – 88с.
133. Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. - Прогресс. - М. 1975. – 337с.
134. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. - Дубна. Феникс+, 2002. - 280 с.
135. Психология. Уч. пособие. Под ред. В.А. Крутецкого. - М. Просвещение. 1974. – 107с.
136. Райнес Р.Л., Горяинов О.А Телеуправление. - Изд. 2-е М. Энергия. 1965. – 99с.
137. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений - М. 2001. - 136 с.
138. Ромен А.С. Самовнушение и его влияние на организм человека. – Алама-Ата. Казахстан. 1970. - 199 с.
139. Россинская Е.Р. Основы естественно-научных знаний для юристов. – М: Норма-инфора, 1999. - 600 с.
140. Руководство для следователей / Под ред. Н.А. Селиванов, В.А. Снетков. - М. ИНФРА-М. 1997. - 732 с.
141. Салмина Н.Г. Виды и функции материализации в обучении. - Изд-во МГУ. 1981. - 230 с.
142. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. - М.: Изд-во-МГУ. 1989. - 180 с.
143. Самыгин Л.Д., Яблоков Н.П. Информационные основы расследования и криминалистическая характеристика преступления // Кри-

- миналистка. Учебник. - Под ред. Н.П. Яблокова. - М. БЕК. 1996. – 534с.
144. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. - М. Городец. 2000. - 367 с.
145. Селиванов Н.А. В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман, Н.Я. Якубович. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. - М., Юрид. Лит., 1978. – 330с.
146. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. - М. 1982. – 240с.
147. Справочная книга криминалиста. - Под ред. Н.А. Селиванова. - Норма- инфора –м. М. 2000. – 220с.
148. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. - Юридическая энциклопедия. - М. 1998, - 430с.
149. Тихонов К. Ф. Субъективная сторона преступления. - Саратов, 1967. – 154с.
150. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. - М., 1980. - 176 с.
151. Толстолицкий В.Ю., Криминалистическая информатика. - Ижевск. 2003. – 41с.
152. Толстолицкий В.Ю., Хомяков Э.Г. Амплитудно-фазовый метод измерения таламопаллидарных движений при исследовании почерковых объектов. Пособие для экспертов. - Ижевск. 2001. - 24 с.
153. Философский энциклопедический словарь. - М. Сов. энциклопедия. 1983. - 797с.
154. Франселла Ф. и Баннистер Д. Новый метод исследования личности. - М. Прогресс. 1987. – 127с.
155. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. - М. ТК Велби. - Изд-во Проспект, 2004. - 472 с.
156. Шмонин А.В. Криминалистическая характеристика, как составная часть частных криминалистических методик // Роль и значение

- деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики.- М. 2002. – 191с.
157. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: Учебное пособие. - М. Юристъ. 2002. – 78с.
158. Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах. - Юристъ, 2004, - 224с.
159. Яблоков Н.П. Криминалистика. Учебник для вузов и юридических факультетов. - М. ЛексЭст. 2003. – 373с.
160. Яблоков Н.П. Криминалистические версии и основы плано-организационного обеспечения криминалистической деятельности // Криминалистика. Учебник для вузов. - Отв. ред. Н.П. Яблоков. - М. БЕК. 1996, - 404с.
161. Яблоков Н.П., Крылов В.В. Информационно-структурные основы криминалистического изучения преступной деятельности и ее расследования // Криминалистика. Учебник. Отв. ред. Н.П. Яблоков. - М. Юристъ. 2002. - 718с.
162. Kelly G. A. The Psychology of Personal Constructs. Vols 1 and 2 Norton. New York. 1955. Келли Джордж. Психология личности. - СПб. Речь. 2000. - 249 с.

4. Авторефераты

1. Девицкая Е.Л. Основы криминалистического учения о следственном наблюдении. - Автореф. канд. юрид. наук. - М. 2002. – 28с.
2. Иванов С.Н. Организационные и тактические проблемы расследования вымогательств, совершенных преступными группами. - Автореф. канд. дисс. - Ижевск. 1996. – 26с.
3. Ивенин К. Н. Выявление и расследование преступлений, связанных с искажениями отчетности, в условиях перехода к рыночным отношениям. - Автореф. канд. дисс. Нижний Новгород. 1993. – 8с.

4. Кручинина Н.В. Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации. - Автореф. докт дисс. - М. 2003. – 34с.
5. Леханова Е.С. Криминалистический анализ учетного процесса в методике выявления и расследования преступлений. - Автореф. канд. дисс. - Нижний Новгород. 1996. – 32с.
6. Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. - Автореф. докт. дисс. - Н. Новгород. 1997. – 32с.
7. Лукашенко В.Я. Криминалистические средства и методы предоставления информации на предварительном следствии // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев., 1992. – 22с.
8. Попов Ю.В. Совершенствование информационного обеспечения следственной деятельности органов внутренних дел на основе использования методов информатики // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев., 1989. – 26с.
9. Сахарова Н.Г. Изучение процесса письма с помощью имитационного моделирования. - Автореф. канд. дисс. - 1989. – 28с.
10. Тимошенко П.Ю. Тактические и технические аспекты обнаружения и использования идеальных отображений в криминалистике // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев, 1988. – 20с.
11. Хомяков Э.Г. Метод фазового анализа письменных объектов при проведении почерковедческих исследований. - Автореф. канд. дисс. Ижевск. 2002. - 22 с.
12. Шаров В. И. Формализация в криминалистике. Вопросы теории и методологии криминалистического исследования. - Автореф. докт дисс. - Нижний Новгород. 2003. – 44с.
13. Шинкевич Н.Е. Актуальные проблемы криминалистической виктимологии. - Автореф. канд дисс. - Челябинск. 2004. – 16с.

14. Ящурицкий Ю. В. Криминалистическая диагностика звуковой среды // Автореф.. дис...к.ю.н. - Киев., 1990. – 23с.

5. Диссертации

1. Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 – М., 2001. -223с.
2. Руденко А.В. Переход от вероятности к достоверности в доказывании по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 - Краснодар, 2001. - 317с.
3. Шекшуева О.Я. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования. - дисс. канд. юрид. наук. - М., 1998. - 212 с.

6. Научные статьи

1. Александрова М.И. Некоторые теоретические аспекты формирования структурно-функциональной модели преступной деятельности по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. IV. - Ижевск. 2003. - С. 17-30.
2. Бахин В.П. Криминалистическая методика. Киев. 1999. Следственная практика. Вып. 142. - М., 1983. - С. 12-18.
3. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. Вып. 1. - Спарк. М. 2000. - С. 17.

4. Бахин В.П. Криминалистика для криминалистов или для практики? // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики. - М. 2002. - С. 57-61.
5. Вытовтова Н.И. Криминалистическая классификация преступной деятельности // Вестник Удмуртского университета. - Правоведение 2. 2001. - С. 70-74.
6. Глотов О. Вероятность, граничащая с достоверностью (о достоверности экспертизы в ФРГ) // Соц. законность. 1978, №1. С. 81-82.
7. Ермолович В.Ф. Практические аспекты построения версий при раскрытии и расследовании взяточничества // Информационный бюллетень МВД Республики Беларусь. № 2. - Мн., 1992. - С. 15-18;
8. Кадров В.А. Понятие и классификация мотивов и их место в процессе доказывания // Вестник Удмуртского университета. №6 (1). 2004. - С. 68-75.
9. Каминский М.К. Криминалистическая модель «компьютерных преступлений». // Вестник Удмуртского университета. 1996. № 1. - С. 69 - 74.
10. Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «криминалистика» // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 3. - Ижевск. 2001. - С. 8-16.
11. Каминский М.К., Матушкина Н.В. Средства выражения в криминалистике // Вестник Удм. Ун-та. 2004. №6 (1). - С. 10 - 14 .
12. Каневский Л.Л. Проблемы периодизации следственной деятельности // Проблемы правового регулирования в современных условиях (Материалы научно-практ. конф.) - Ижевск. 1997. - С. 75-76.
13. Конин В.В. Ситуационный подход при осуществлении профессиональной защиты подсудимого // Вестник Удмуртского университета. 2004. №6. - С. 155-164.

14. Корноухов В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестник криминалистики. Вып. 2 (10). 2004. - С. 21-28.
15. Кудрявцев В. Н. Субъективные элементы ответственности // Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1981. №34. - С. 5-6;
16. Матушкина Н.В. Криминалистическая модель преступной деятельности уклонения от уплаты налогов // Проблемы правового регулирования в современных условиях (Материалы научно-практ. конф.) Ижевск. 1997. С. 83 - 84.
17. Меркушов А.Е. Некоторые вопросы кассационной практики по уголовным делам Верховного суда РФ / Бюлл. Верх. Суда РФ. 1997, №9. С. 20-24.
18. Миньковский Г.М., Петелин Б.Я. О понятии вины и проблемах ее доказывания // Государство и право. 1992. №5. С. 61 -62.
19. Назаров С.А. О соотношении криминалистической характеристики и механизма преступления // Вестник криминалистики. Вып. 2 (10). 2004. С. 18 - 20.
20. Никифоров Б.С. Об умысле по действующему законодательству // Советское государство и право. 1965. №6.
21. Никифоров Б.С. Субъективная сторона в формальных преступлениях // Советское государство и право. 1971. №3. С. 116 - 124.
22. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2003 по уголовным делам // Бюл. ВС РФ №1 январь 2004. С. 15.
23. Петелин Б.Я. Доказывание вины по уголовно-процессуальному закону// Правоведение. 1986. №3. С. 74.
24. Петелин, Б.Я. Криминалистическое обеспечение доказывания вины обвиняемого //Правоведение. 1993. № 1. С. 106-111.
25. Петров В.В. Экологические преступления: понятие и составы // Государство и право. 1993. № 8. С. 91-92.
26. Петрова О.В. Предмет и пределы доказывания по уголовному делу // Уголовно-правовые и процессуальные проблемы отправления

- правосудия в современной России. Матер. Межрегион. научно-практ. конф. 29-31 мая Курск. 2003. С. 172-176.
27. Пионтковский А. А. О проекте УК России // Государство и право. 1992. №7. С. 90.
28. Плотников А.И. Проблема вины в свете повышения эффективности ответственности за преступления. // Ученые записки: Сборник научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. – Выпуск 1. – Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. С. 46-52.
29. Посконин В.В. Логическое начало в познании права // Вестник Удмуртского университета. 1996. №1. С. 21 - 24.
30. Толстолицкий В.Ю. Значение новых математических подходов для развития криминалистики // Вестник Удм. ун-та. 2002. №2. С. 65-70.
31. Толстолицкий В.Ю. Место способа восхождения от абстрактного к конкретному в системе криминалистики // Вестник Российской правовой академии №1. 2004. С. 70 - 76.
32. Толстолицкий В.Ю., Каминский М.К. Компонентный состав преступной деятельности // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. 2. Ижевск. 1999. С. 4-9.
33. Толстолицкий В.Ю., Мамаева С.В. Особенности применения метода интервальных оценок в методике расследования хищений // Криминалистика, криминология и судебные экспертизы в свете системно-деятельностного подхода. Вып. V. Ижевск. 2004. С. 40- 44 .
34. Церетели Т.В. Основания уголовной ответственности и понятие преступления// Правоведение. 1980. №2. С. 85-86.
35. Чельшева, О.В. Место приемов и методов деятельности следователя в механизме расследования /О. В. Чельшева.//Правоведение. 2003. №1. С. 154-162.

36. Чельшева О.В. Механизм преступления и криминалистическая характеристика // Вестник криминалистики. Вып. 2 (10). 2004. С. 11- 17.
37. Шашкин. С.Б. Категория тождества в свете обстоятельств, подлежащих доказыванию. / Вестник криминалистики. Вып. 2(4)/2002. М. Спарк. С. 20-24.

7. Материалы практики

1. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации 1997 №8. С. 9-10.
2. Бюллетень Верховного суда Российской Федерации 2004 №1. С. 11-12
3. Определение судебной коллегии Верховного суда РФ от 13.02.97. БВС РФ С. 18-19.
4. Постановление Президиума Верховного суда РФ №495п03 по делу Бачкало и других // БВС РФ 2004 №3. С. 14-15.
5. Судебная практика по уголовным делам в 2-х частях. Часть 2. Разъяснения по вопросам Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. /Сост. С.А. Подзоров. М., Экзамен, 2001. С. 302-204.

Приложение 1.

При разработке темы диссертации были опрошены 50 судей по анонимной анкете, имеющей следующий заголовок:

«Уважаемые коллеги! Нами проводится научное исследование с целью разработки криминалистических рекомендаций направленных на обеспечение установления субъективной стороны преступления. Просим вас ответить на следующие вопросы, касающиеся насильственно-корыстных преступлений».

Результат обработки полученного материала следующий.

1. При очевидных преступлениях какой из признаков состава преступления (укажите только один признак) по вашему мнению является наиболее сложным для установления?

Субъективная сторона - 11 (22%)

Объект – 16 (32 %)

Объективная сторона 23 (46%)

2. При очевидных преступлениях установление какого из признаков состава преступления (укажите только один признак) по вашему мнению является наиболее информативным при создании мысленной модели преступления?

Объект – 5 (10 %)

Объективная сторона 38 (76%)

Субъективная сторона - 7 (14%)

3. При очевидных преступлениях доказывание какого из признаков состава преступления (укажите только один признак) по вашему мнению является наиболее сложным?

Объект – 10 (20 %)

Объективная сторона 34 (68%)

Субъективная сторона - 6 (12%)

4. С какого элемента (укажите только один элемент) вы начинаете установление субъективной стороны преступления?

- Мотив – 15 (30%)

- цель 5 (10%)

- форма вины (умысел или неосторожность) 30 (60%)

5. Преимущественно каким путем (укажите только один путь) устанавливается субъективная сторона?

- через первоначальное установление объективной стороны 40 (80%)

- как самостоятельный признак преступления параллельно и в дополнение к объективной стороне 10 (20%)

6. Какие по вашему мнению следственные действия (укажите только одно действие) имеют первоочередное значение при установлении субъективной стороны при неочевидных преступлениях?

- Невербальные (осмотр места происшествия и др.) 45 (90%)

- Вербальные (допросы потерпевшего, свидетелей и др.) 5 (10%)

7. Какие следы (материальные или идеальные) имеют преимущественное значение при установлении субъективной стороны (выберите один из возможных ответов) ?

- материальные 6 (12)

- идеальные 44(88%)

8. С какой уверенностью можно полагаться на отдельные сведения, сведения ставшие основанием для установления объективной и субъективной сторон?

- объективной 46 (92%)

- субъективной 48 (96%)

9. Используете ли мысленное моделирование действий преступника?

- да 50 (100%)

- нет – 0

10. Используете ли мысленное моделирование объективной стороны преступления?

- да 100%

- нет – 0%.

11. Используете ли мысленное моделирование субъективной стороны преступления?

- вопрос не понятен 30 (60%)

- да 20 (40%)

12. Что используется вами из указанных вариантов ответа в первую очередь (укажите один вариант) в качестве основы для выдвижения версий (криминалистическая характеристика, мысленная модель преступления, признаки состава преступления)?

- криминалистическая характеристика 18 (36%)

- мысленная модель преступления – 30 (60%)

- признаки состава преступления – 2 (4%)

13. Существуют ли отдельно взятые факты, однозначно доказывающие прямой или косвенный умысел?

- да 40 (80%)
- нет 10 (20%)

14. Существуют ли отдельно взятые факты, однозначно доказывающие неосторожную вину?

- да 38 (76%)
- нет 12 (24%)

15. Если существует возможность выбора, то кого и следует допросить в первую очередь для установления формы вины?-

- свидетеля 35 (70%),
- потерпевшего 40 (80%),
- подозреваемого, обвиняемого – 25 (50%).

16. Используете ли криминалистические рекомендации целенаправленно разработанные для установления субъективной стороны преступления?

- нет, потому что не встречались – 37 (74%)
- нет (без мотивировки ответа) 5 (10%)
- да использую – 8 (16%)

17. Должны ли по вашему мнению разрабатываться криминалистические рекомендации по установлению субъективной стороны ?

- нет 4 (8%)
- возможно 41 (82%)
- обязательно 5 (10%)

18. Относятся ли задача установления формы вины к психологическим?

да – 14 (28%),
нет – 36 (72%).

19. Каков процент следственных ошибок из общего числа допускаемых, обусловлен не верным установлением субъективной стороны?

- до 4% - 42 (84%)
- от 5% до 10% - 6 (12%)
- более 11% - 2 (4%)

20. Какие категории дел характеризуются наибольшей сложностью установления субъективной стороны?

- убийства, насильственные преступления – 32 (64%)
- иные 18 (36%)

Приложение 2.

При разработке темы диссертации были опрошены 50 дознавателей и следователей по анонимной анкете, имеющей следующий заголовок:

«Уважаемые коллеги! Нами проводится научное исследование с целью разработки криминалистических рекомендаций направленных на обеспечение установления субъективной стороны преступления. Просим вас ответить на следующие вопросы, касающиеся насильственно-корыстных преступлений».

Результат обработки полученного материала следующий.

1. При очевидных преступлениях какой из признаков состава преступления (укажите только один признак) по вашему мнению является наиболее сложным для установления?

Субъективная сторона - 6 (12%)

Объект – 3 (6 %)

Объективная сторона 41 (82%)

2. При очевидных преступлениях установление какого из признаков состава преступления (укажите только один признак) по вашему мнению является наиболее информативным при создании мысленной модели преступления?

Объект – 2 (4 %)

Объективная сторона 44 (88%)

Субъективная сторона - 4 (8%)

3. При очевидных преступлениях доказывание какого из признаков состава преступления (укажите только один признак) по вашему мнению является наиболее сложным?

Объект – 1 (2 %)

Объективная сторона 35 (70%)

Субъективная сторона - 4 (8%)

4. С какого элемента (укажите только один элемент) вы начинаете установление субъективной стороны преступления?

- Мотив – 26 (52%)

- цель 21 (42%)

- форма вины (умысел или неосторожность) 3 (6%)

5. Преимущественно каким путем (укажите только один путь) устанавливается субъективная сторона?

- через первоначальное установление объективной стороны 46 (92%)

- как самостоятельный признак преступления параллельно и в дополнение к объективной стороне 4 (8%)

6. Какие по вашему мнению следственные действия (укажите только одно действие) имеют первоочередное значение при установлении субъективной стороны при неочевидных преступлениях?

- Невербальные (осмотр места происшествия и др.) 26 (52 %)

- Вербальные (допросы потерпевшего, свидетелей и др.) 24 (48%)

7. Какие следы (материальные или идеальные) имеют преимущественное значение при установлении субъективной стороны (выберите один из возможных ответов) ?

- материальные 18 (36%)

- идеальные 32 (64%)

8. С какой уверенностью можно полагаться на отдельные сведения, сведения ставшие основанием для установления объективной и субъективной сторон?

- объективной 72%
- субъективной 68%.

9. Используете ли мысленное моделирование действий преступника?

- да 50 (100%)
- нет – 0

10. Используете ли мысленное моделирование объективной стороны преступления?

- да 100%
- нет – 0%.

11. Используете ли мысленное моделирование субъективной стороны преступления?

- вопрос не понятен 32 (64%)
- да 18 (36%)

12. Что используется вами из указанных вариантов ответа в первую очередь (укажите один вариант) в качестве основы для выдвижения версий (криминалистическая характеристика, мысленная модель преступления, признаки состава преступления)?

- криминалистическая характеристика 37 (74%)
- мысленная модель преступления – 8 (16%)
- признаки состава преступления – 5 (10%)

13. Существуют ли отдельно взятые факты, однозначно доказывающие прямой или косвенный умысел?

- да 4 (8%)

- нет 46 (92%)

14. Существуют ли отдельно взятые факты, однозначно доказывающие неосторожную вину?

- да 4 (8%)

- нет 46 (92%)

15. Если существует возможность выбора, то кого и следует допросить в первую очередь для установления формы вины?-

- свидетеля 42 (84%),

- потерпевшего 46 (92%),

- подозреваемого, обвиняемого – 23 (46%).

16. Используете ли криминалистические рекомендации целенаправленно разработанные для установления субъективной стороны преступления?

- нет (без мотивировки ответа) 32 (64%)

- да использую – 18 (36%)

17 Должны ли по вашему мнению разрабатываться криминалистические рекомендации по установлению субъективной стороны ?

- возможно 16 (32%)

- обязательно 34 (68%)

18. Относятся ли задача установления формы вины к психологическим?

да – 12 (24%),

нет – 38 (76%).

19. Каков процент следственных ошибок из общего числа допускаемых, обусловлен не верным установлением субъективной стороны?

- до 4% - 13 (26%)
- от 5% до 10% - 22 (44%)
- более 11% - 15 (30%)

20. Какие категории дел характеризуются наибольшей сложностью установления субъективной стороны?

- там, где есть две формы вины – 41 (82%)
- иные 9 (18%)